

МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра философии и религиоведения им. А. Ч. Какеева
Центр греческого языка и культуры «ЭЛЛАС»

**САКРАЛЬНЫЕ ДЕЛЬФЫ В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
ГРЕКО-СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**SACRED DELPHI IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE:
GREEK-SLAVIC-TURKIC INTERACTIONS**

**ΟΙ ΙΕΡΟΙ ΔΕΛΦΟΙ ΣΤΟ ΠΛΑΙΣΙΟ ΤΟΥ
ΠΑΓΚΟΣΜΙΟΥ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΥ:
ΕΛΛΗΝΟΣΛΑΒΙΚΕΣ-ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΑΛΛΗΛΕΠΙΔΡΑΣΕΙΣ**

Материалы III Международного симпозиума

г. Бишкек, КРСУ, 28 марта 2024 г.

Бишкек – Афины 2025

УДК
ББК
С 15

Ответственный редактор

М.И. Лазариди, д-р филол. наук, профессор,
директор Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС»

Рецензенты:

А.Х. Бугазов, д-р филос. наук, профессор
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
А.Г. Нарозя, канд. филол. наук, доцент
Кыргызско-Турецкого университета «Манас»

Рекомендовано к изданию
Ученым советом гуманитарного факультета
КРСУ им. Б.Н. Ельцина

С 15 САКРАЛЬНЫЕ ДЕЛЬФЫ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ГРЕКО-СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ = SACRED DELPHI IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE: GREEK-SLAVIC-TURKIC INTERACTIONS = ΟΙ ΙΕΡΟΙ ΔΕΛΦΟΙ ΣΤΟ ΠΛΑΙΣΙΟ ΤΟΥ ΠΑΓΚΟΣΜΙΟΥ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΥ: ΕΛΛΗΝΟΣΛΑΒΙΚΕΣ-ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΑΛΛΗΛΕΠΔΡΑΣΕΙΣ: материалы III Международного симпозиума, г. Бишкек, КРСУ, 28 марта 2024 г. – Бишкек–Афины: Издательский дом КРСУ, 2025. – 184 с.

ISBN

Издание представляет собой публикацию материалов Международного симпозиума, посвященного достижениям греческой цивилизации и ее влиянию на развитие мировой культуры. Симпозиум состоялся 28 марта 2024 г. на гуманитарном факультете КРСУ.

Представляет интерес для преподавателей, студентов, а также для тех, кто интересуется проблемой взаимодействия и взаимовлияния греческой, славянской и тюркской культур.

ISBN

УДК
ББК
© МОО ВО КРСУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Программа-приглашение III Международного симпозиума.....	5
Открытие конференции	7

ДРЕВНЯЯ ЭЛЛАДА КАК БАЗИС МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Иорданидис К.</i> Феномен эллинизации христианства или апология эллинизма	19
<i>Сычев А.А.</i> Дельфы и Вавилон: от традиционной морали к «новой этике».....	28
<i>Школьный В.А., Кутимов Д.И.</i> Битва при Фермопилах: легенды и реалии	34
<i>Данилова В.С., Кожевников Н.</i> Античный, славянский, тюркский мифы и эпосы как фундаментальные основания современной культуры.....	41
<i>Лазариди М.И.</i> Культурный концепт «конь»: проблема вербализации.....	48
<i>Табенкин Л.И.</i> Заметки, мысли, воспоминания разных лет.....	56
<i>Пашкевич Т.В.</i> Влияние греческой церковной традиции устройства иконостасов на отдельные ряды в русских иконостасах.....	62
<i>Журкобаева А.Х.</i> Статус «язык науки» в истории культуры.....	66

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

<i>Шапкина-Корчуганова Н.</i> Впереди неясная дорога	75
<i>Дербишева З.К.</i> Ученые-русисты Кыргызстана	82
<i>Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С.</i> К вопросу о типологии простых предложений в русском и тюрко-монгольских языках	90
<i>Болотакунова Г.Б.</i> Основные модели классификации полей в языкознании	95
<i>Заманова И.В.</i> Номинативно-функциональное поле в концепции М.И. Лазариди.....	100
<i>Кабдулова К.Л.</i> Национально-культурное осмысление концепта «жизнь» как фрагмента казахско-русской языковой картины мира	107
<i>Заманова И.В.</i> Вклад М.И. Лазариди в лингвистическую теорию эмоций.....	115

Жоламанова Е.И. Когнитивное моделирование концепта «радость» в художественном дискурсе Ч. Айтматова	120
Прокофьева О.С. Авторский курс «Вершины мировой литературы» в контексте глокализации	127
Мадмарова Г.А., Розыкова М.Б. Отношение к девушке, дочери, невестке в русских, кыргызских и узбекских пословицах: культурные оттенки и семантические раскраски	135
ТЮРКСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НАУКИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА	
Осмонова Н.И. Искусство сказителя-манасчи и эпическая традиция	145
Лазаренко Э.С. Взаимодействие тюрко-тенгрианской культуры и философии Махаяны на территории Кыргызстана	149
Бектанова А.К. Общественно-политическая и философская мысль тюркских народов в эпоху Средневековья в контексте влияния античной философии	155
Баяндина С.Ж. Заимствования в казахской лингвистической терминологии...	162
Юнусова М.С. Функционирование пословиц и поговорок в «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари	165
Лазариди М.И., Кутманалиева Дж.А. «Тавро Кассандры»: функция заголовка в романе Ч. Айтматова.....	171
Андреанова Н. «Золотой век». Фриз О. Мануйловой на здании прокуратуры во Фрунзе. 1940 г.	174
ХРОНИКА (Н. Сыдыкова).....	180
Список иллюстраций	182

**ПРОГРАММА-ПРИГЛАШЕНИЕ
III МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА**

**САКРАЛЬНЫЕ ДЕЛЬФЫ В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
ГРЕКО-СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

г. Бишкек, КРСУ, 28 марта 2024 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 10:00–10:20

Приветствия ректората, деканата, зарубежных гостей (Греция): Г. Стассинакиса, председателя Международного общества друзей, Н. Казандзакиса, К. Иорданидиса, председателя Объединения греков зарубежья и Периферии стран бывшего СССР.

Модераторы:

Лазариди Милана Исааковна,

д-р филол. наук, профессор кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
директор Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС»,

Осмонова Нургуль Исраиловна,

д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,

ДОКЛАДЫ:

Данилова Вера Софроновна, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, д-р филос. наук; **Кожевников Николай Николаевич**, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, д-р филос. наук. Доклад на тему: «Античный, славянский, тюркский мифы и эпосы как фундаментальные основания современной культуры».

Кутманалиева Джыргал Аджикеевна, руководитель Центра гуманитарной педагогики Кыргызской Республики. Доклад на тему: «“Илиада” и “Одиссея” в трудах исследователей Востока».

Сычев Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, д-р филос. наук. Доклад на тему: «Дельфы и Вавилон: от традиционной морали к “новой этике”».

Бокошов Жамгырбек, заведующий отделением философии Кыргызско-Турецкого университета «Манас», д-р филос. наук, профессор. Доклад на тему: «Взаимосвязь истории и будущего в контексте мировой культуры: греко-славяно-тюркские взаимодействия».

Алиева Гульсара Мидиновна, профессор кафедры философии и религиоведения Кыргызско-Российского Славянского университета, д-р филос. наук. Доклад на тему: «Тектонические сдвиги геополитики и великое наследие античности».

Кабдулова Карлыгаш Лекеревна, профессор кафедры теоретического и прикладного языковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, академик Международной академии наук педагогического образования, д-р пед. наук. Доклад на тему: «Национально-культурное

осмысление концепта “жизнь” как фрагмента казахско-русской языковой картины мира».

Дидык Марина Александровна, зав. кафедрой истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, канд. филос. наук, доцент. Доклад на тему: «Европейский способ мысли и русская философия: в поиске детерминант одной средиземноморской “аномалии”».

Маслобоева Ольга Дмитриевна, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, канд. филос. наук. Доклад на тему: «Н.Ф. Федоров – “московский Сократ”: ренессанс античного мировоззрения в проекте русского космизма»

1 СЕКЦИЯ
ул. Киевская, 44, ауд. 1/212 (главный корпус)

Модераторы:

Лазариди Милана Исааковна,

д-р филол. наук профессор кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
директор Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС»,

Осмонова Нургуль Исраиловна,

д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,

Карабаева Замира Шерматовна,

ст. преподаватель кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина

ДОКЛАДЫ:

Байтенова Нагима Жаулыбаевна, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии науки и религиоведения Казахского национального университета им. аль-Фараби; **Шалкарова Айша Садуакаскызы**, магистрант 2-го курса кафедры философии науки и религиоведения КазНУ им. аль-Фараби. Доклад на тему «Тюркская философия и наука на перекрестке Востока и Запада».

Юнусова Муновар Садыковна, доцент кафедры теоретического и прикладного языковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай Хана, академик Международной академии наук педагогического образования, д-р пед. наук. Доклад на тему «Функционирование пословиц и поговорок в «Диван лугати ат-тюрк» Махмуда Кашкарий».

Бектанова Айгуль Карибаевна, профессор кафедры философии и религиоведения КРСУ, д-р филос. наук. Доклад на тему «Общественно-политическая и философская мысль тюркских народов в эпоху Средневековья в контексте влияния античной философии».

Лазаренко Эльмира Сатывалдиевна, докторант кафедры философии и религиоведения КРСУ, канд. полит. наук. Доклад на тему «Взаимодействие тюркской культуры и философии Махаяны на территории Кыргызстана».

Мурадян Олеся Александровна, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, канд. филос. наук (Россия). Доклад на тему «Детерминизм и творчество: образ Античности в идеях М.К. Петрова».

Пашкевич Татьяна Владимировна, зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин Барнаульской духовной семинарии Русской Православной Церкви, канд. филос. наук, доцент. Доклад на тему «Влияние греческой церковной традиции устройства иконостасов на отдельные ряды в русских иконостасах».

Баяндина Сауле Жумажановна, зав. кафедрой теоретического и прикладного языковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай Хана, д-р филол. наук, профессор. Доклад на тему «Заимствования в казахской лингвистической терминологии».

Лазариди Милана Исааковна, профессор кафедры философии и религиоведения КРСУ, директор Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС», д-р филол. наук. Доклад на тему «Роль заголовка в создании особого эмоционального фона художественного текста в произведениях Ч. Айтматова».

Заманова Илона Владимировна, иностранный специалист по русскому языку факультета иностранных языков Чжэнчжоуского педагогического института (Китай, г. Чжэнчжоу). Доклад на тему: «Номинативно-функциональное поле в концепции М.И. Лазариди».

Журкобаева Альмира Хамитовна, доцент Пограничной академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, канд. филос. наук. Доклад на тему: «Статус “язык науки” в истории культуры».

Мадмарова Гулипа Араповна, профессор кафедры практического русского языка и культуры речи Ошского государственного университета (Кыргызстан), д-р филол. наук; Пазылова Мавлюда Баратовна, ст. преподаватель кафедры практического русского языка и культуры речи Ошского государственного университета (Кыргызстан). Доклад на тему: «Отношение к девушке, дочери, невестке в русских, кыргызских и узбекских пословицах: культурные оттенки и семантические раскраски».

Тагаева Гульмира Сарыгуловна, доцент кафедры русского языка и литературы Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, канд. пед. наук. Доклад на тему: «Нравственно-этические проблемы в творчестве Ч. Айтматова».

Осмонова Нургуль Исраиловна, зав. кафедрой философии и религиоведения КРСУ, д-р филос. наук. Доклад на тему: «Искусство сказителя-манасчи и эпическая традиция».

Андрианова Наталья Алексеевна, ст. преподаватель Международного университета в Центральной Азии (Кыргызстан). Доклад на тему: «“Золотой век”. О фризе Ольги Мануиловой на здании Прокуратуры во Фрунзе (Бишкеке)».

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович, директор исследовательского этнокультурного центра Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова, д-р филол. наук, профессор; Абдуллаева Гюзаль Сайфуллаевна, аспирантка Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Доклад на тему: «К вопросу о типологии моделей простого предложения в русском и тюрко-монгольских языках».

Сыдыкова Наталья Кенжекуловна, председатель Тянь-Шанского общества Рерихов. Доклад на тему: «Космический маршрут Международного выставочного проекта “Пакт Рериха”».

Хан Надежда Романовна, доцент кафедры философии и религиоведения КРСУ. Доклад на тему: «Путешествие Марко Поло в Азию: диалог культур».

Табенкин Лев Ильич, заслуженный художник РСФСР, художник студии военных художников им. М.Б. Грекова. Тема доклада (эссе): «Философские заметки художника».

Прокофьева Ольга Сергеевна, доцент кафедры литературы и русского языка Челябинского государственного института культуры, канд. филол. наук (Россия). Доклад на тему: «Вершины мировой литературы в контексте глобализации».

Подведение результатов работы и закрытие Симпозиума

СЕКЦИЯ 2
ул. Киевская, 44, 1/212 (главный корпус)

Модераторы:

Азимжанова Айнура Адыловна,
доцент кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
канд. филос. наук,

Ли Юрий Владимирович,
доцент кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
канд. полит. наук,

Балашова Ирина Геннадьевна,
ст. преподаватель кафедры философии и религиоведения
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина

ДОКЛАДЫ:

Иванская Анжелика Владимировна, студентка 3-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «От хаоса к порядку: наследие античных философов в современной культуре».

Юсупова Алтынай Азаматовна, студентка 2-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «Диалектический метод Сократа и современные алгоритмы искусственного интеллекта: что общего?».

Турарова Акмоор Мирлановна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «Принципы стоицизма в контексте современности».

Бейшенбекова Элина Эрнисовна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «Актуализация философии Эпикура в контексте современной культуры».

Данилова Кристина Алексеевна, магистрант 2-го года обучения направления «Религиоведение» КРСУ. Доклад на тему: «Феномен жертвоприношения в греческой, славянской и тюркской культурах».

Вершинина Анастасия Александровна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ; **Лётова Надежда Павловна**, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ. Доклад на тему «Современные интерпретации мифологического наследия: взаимодействие античных, славянских и тюркских эпосов в современном обществе».

Садырбаев Темирлан Айбекович, выпускник направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «О некоторых элементах славянских и тюркских верований в современной культуре».

Лучкина Екатерина Дмитриевна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ; **Трусова Ксения Андреевна**, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ. Доклад на тему: «Герои мифов и сказаний в современной культуре».

Босенко Екатерина Андреевна, магистрант 2-го года обучения направления «Религиоведение» КРСУ. Доклад на тему: «Теории заговоров через призму греческой, славянской и тюркской культур».

Логинова Анастасия Алексеевна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ. Доклад на тему «Интеграция славянской и тюркской культуры в период XIX–XX вв.».

Рахманалиева Айпери Рахманалиевна, магистрант 2-го года обучения направления «Религиоведение» КРСУ. Доклад на тему: «Идея пантюркизма: культурный и политический аспекты».

Халилова Карина Ильнуровна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «Проблема души: влияние греческой философии на философию арабо-мусульманского Востока».

Терещенко Данил Алексеевич, студент 1-го курса естественно-технического факультета КРСУ. Доклад на тему: «Влияние древнегреческой философии на формирование русской художественной мысли».

Лобыкина Валерия Александровна, студентка 1-го курса естественно-технического факультета КРСУ. Доклад на тему: «Духовное наследие славянского мира».

Коротенко Александр Владимирович, студент 4-го курса направления бакалавриата «Философия» КРСУ. Доклад на тему: «“Человек играющий” в контексте современной реальности».

Гвоздарева Анастасия Сергеевна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ; **Крисанова Юлия Константиновна**, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ. Доклад на тему: «Эмоциональная экспрессия через язык: отражение и влияние чувств на мышление и коммуникацию».

Кутимов Даниил Иванович, магистрант 2-го года обучения направления «Религиоведение» КРСУ; **Школьный Владимир Александрович**, доцент кафедры философии и религиоведения КРСУ. Доклад на тему: «Битва при Фермопилах: легенды и реалии».

Степанова Мария Михайловна, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ; **Шулая Стелла Ражденовна**, студентка 1-го курса направления бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» Санкт-Петербургского ГЭУ.

Доклад на тему: «Отражение греческой культуры в архитектуре города Санкт-Петербурга».

Санченко Полина Сергеевна, студентка 2-го курса направления «Религиоведение» КРСУ. Доклад на тему: «Архитектура и скульптура Кыргызстана: отражение культурного наследия».

Подведение итогов секционного заседания. Вручение сертификатов.

Контактные данные:

720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 44, ауд. 221;

Контакты: раб. тел.: (312) 43-89-21 – кафедра философии и религиоведения;

+ (996) 557 333 539 – **Осмонова Н.И.**, заведующая кафедрой философии и религиоведения, д-р филос. наук. E-mail: osmonova_ni@mail.ru;

+ (996) 706 949 946 – **Лазариди М.И.**, профессор кафедры философии и религиоведения, д-р филол. наук. E-mail: lazaridi_milana@mail.ru.

Дорогой читатель!

Вашему вниманию предлагаются материалы III Международного симпозиума «Сакральные Дельфы в контексте мировой культуры: греко-славяно-тюркские взаимодействия» (г. Бишкек, 28 марта 2024 г.), посвященного 20-летию Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС». Данное издание продолжает проблематику 9 конференций и симпозиумов «Роль греческой цивилизации в развитии мировой культуры».

Традиционно на симпозиуме прозвучали доклады, сообщения, эссе специалистов в области философии, филологии, истории, литературоведения и языкознания, этики и эстетики, культурологии, педагогики из Кыргызстана, России, Казахстана, Греции, Китая.

Ниже приводится информация о городе Дельфы, древнейшего города, расположенного на горе Парнас на территории Греции. Дельфы известны, прежде всего, как место, где находился таинственный Оракул. Легенда гласит, что изначально Оракул принадлежал Гее и Посейдону; позже Аполлон завладел Оракулом, победив могучего змея Пифона. Начиная с микенской эпохи и вплоть до прихода римлян, Оракул играл важнейшую роль в жизни страны. Со временем к нему потянулись простые греки, а позже Оракул стали посещать и паломники из дальних стран.

Конец эпохи Оракула положил римский император Нерон, который был разгневан предсказанием скорой бесславной гибели. Он разбил и разграбил святилище, вывезя из города более 500 бронзовых статуй.

ДРЕВНЯЯ ЭЛЛАДА КАК БАЗИС МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

**ФЕНОМЕН ЭЛЛИНИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА
ИЛИ АПОЛОГИЯ ЭЛЛИНИЗМА**

**THE PHENOMENON OF HELLENIZATION
AND CHRISTIANITY OR APOLOGY OF HELLENISM**

**ΤΟ ΦΑΙΝΟΜΕΝΟ ΤΟΥ ΕΞΕΛΛΗΝΙΣΜΟΥ ΤΟΥ ΧΡΙΣΤΙΑΝΙΣΜΟΥ
Η Η ΑΠΟΛΟΓΙΑ ΤΟΥ ΕΛΛΗΝΙΣΜΟΥ**

Аннотация. Ставится проблема взаимоотношений древнегреческой философии и античной культуры в широком смысле и христианства как зарождавшейся новой мировой религии.

Ключевые слова: античная культура; христианство; философия Платона; апокалипсис Иоанна; Римская империя.

Abstract. The problem of the relationship between ancient Greek philosophy and ancient culture in a broad sense and Christianity as an emerging new world religion is posed.

Keywords: ancient culture; Christianity; Plato's philosophy; Apocalypse of John; Roman Empire.

Прежде чем перейти к основной проблеме о взаимоотношении и взаимовлиянии античной культуры и христианства, вспомним очень коротко, тезисно некоторые общеизвестные факты о том, что:

- античной принято называть культуру древних греков и римлян;
- классическим периодом древнегреческой цивилизации с небывалым расцветом её культуры и могущества были V–IV века до н. э.;
- уже к III веку до н. э. Греция представляла собой разрозненные земли, где продолжались кровопролитные войны за власть в регионе;
- в 146 году до н. э. после победы Рима над коринфянами, возглавлявшими греческие полисы, Греция окончательно потеряла свою независимость;
- до начала IV века в Римской империи преследовались христиане и иудеи, а в 380 году последний император единой Римской империи Феодосий I Великий провозгласил христианство единственной официальной религией, в результате были запрещены все нехристианские обряды и учения, а их приверженцы стали подвергаться суровым гонениям.

Таким образом, речь здесь идёт, по сути, о политическом аспекте христианизации самой империи, то есть о религиозной её политике, и в этом аспекте можно понять суть взаимодействия этих двух феноменов, античной цивилизации

и христианства, в сфере политико-правовой, в сфере практических мер государства по этой проблеме.

Совершенно другая специфика и сущность их взаимодействия в сфере теоретической, философской. Общеизвестно, что выдающиеся достижения древних греков, античная культура в целом, стали фундаментом европейской и, по преимуществу, всей мировой цивилизации – философия, наука, литература, театр, изобразительное искусство, архитектура, спорт с его уникальными Олимпийскими играми, разные мистерии, мифология, демократия как форма общественного строя и многое, многое другое. Греки открыли основные типы философского духа, к которым более поздние поколения не добавили ничего существенного.

Говорить об этом мы с вами готовы часами. Но можно ли говорить о руинах применительно к древнегреческой культуре, которая, по мнению К. Маркса, *ещё продолжает доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом* [1].

Человечество в разные эпохи восхищалось и восхищается сегодня величием Древней Греции, талантом её великих титанов мысли и прекрасного. Это триумфальное шествие Красоты и Мысли на каком-то историческом этапе приостановилось, и, конечно же, не прекратилось. Вспомним хотя бы эпоху Ренессанса, когда Европа возрождала те высокие идеалы красоты и гармонии, которые нашли своё высшее воплощение в афинском Акрополе! И когда утверждают, что Древняя Греция по праву считается колыбелью европейской цивилизации, то имеют в виду именно это: практически все завоевания этой цивилизации можно свести к идеям и достижениям античной культуры.

Говоря о длительном, объективном историко-культурном процессе и о разных этапах и эпохах развития обществ, в частности о взлётах и трагических перипетиях судеб наших предков, мы не должны забывать, что они не творили свою историю в некоей замкнутой своей ойкумене, наоборот, они жили в мире, полном всяких трагических событий. Поэтому, оценивая события далёкого прошлого соотносительно к историческим судьбам древних эллинов, необходимо рассматривать весь комплекс объективных факторов, обусловивших эти события, а не просто декларировать какие-то заявления, не пытаясь даже хоть как-то их обосновать, аргументировать. Решающий фактор падения греческого рационализма и античной цивилизации вообще надо искать во всей совокупности экономических и социально-политических противоречий греческого и греко-римского общества [2].

Мы хорошо представляем, что вопрос о взаимоотношениях древнегреческой философии, и в целом античной культуры в широком смысле этого слова, и христианства, как зарождавшейся тогда новой мировой религии, очень непростой. Здесь мы говорим, по сути, о двух противоположных мировоззрениях, глубинные корни которых уходят, как отметил известный философ Ф. Кессиди, в противоречия самого античного общества, что со временем не могло не вылиться в их открытое противостояние.

Так оно и случилось, когда в первые века жёстко преследовались представители зарождающейся новой религии – все христиане под страхом смертной казни должны были отречься от своей веры, они изгонялись с государственной службы, священнослужители подлежали тюремному заключению, уничтожались все копии Священного писания...

Вместе с тем, правящие круги огромной Римской империи, озабоченные сохранением ее единства в эпоху всеобщего кризиса и царящего в обществе произвола, искали возможные пути умиротворения и стабилизации непростой складывающейся ситуации и вырабатывали приемлемую политику по отношению к церкви, пытаясь превратить ее в союзника. Тем более, что некоторые принципы этой религии отвечали непосредственным интересам правящих кругов самой империи, как то: проповедь покорности и смирения, утверждения апостолов о том, что «существующие власти от Бога установлены» и так далее. И уже в 313 году император Константин Великий легализовал христианство, а в 380 году, как уже было отмечено, Феодосий I Великий закрепил за ним статус единственной государственной религии Римской империи.

Положение в обществе изменилось с точностью наоборот: по всей империи началась непримиримая борьба уже со всеми достижениями античности, повальные запреты и уничтожение фанатичными последователями новой веры многих произведений древнегреческой культуры: бесценных рукописей философов, драматургов, историков, многих произведений античного искусства, храмов, библиотек – невиданное варварство апологетов и сторонников новой религии, провозглашающих на словах гуманистические идеалы и принципы миролюбия и всепрощения, принципы непротivления злу. Была уничтожена одна из крупнейших и наиболее значительных библиотек Древнего мира в античной Александрии, были прекращены после Олимпиады 393 года Олимпийские игры, как языческие, по сути. В 529 году по распоряжению императора Юстиниана была ликвидирована лучшая среди классических философских школ своего времени Новая Академия в Афинах, наследница знаменитой платоновской Академии. Интересно отметить, что там проходили обучение не только приверженцы античной философии, но и будущие «отцы церкви». «...Гот Аларих, христианин и варвар, разрушил храм Деметры Элевсинской; ...молот изуверов раздробил пророческие откровения Фидиев и Праксителей; ...были запрещены шествия к Палладе на ее Акрополь и зрелища в театре Диониса» [3], утверждал Ф. Зелинский, российский и польский филолог, историк античной культуры. Обратим внимание, что эти акты насилия, эти запреты носили общеимперский характер. В те годы начались и гонения против так называемых язычников, а по сути, против последователей античной культуры. Таковы были факты того фанатизма и крайней неприязни к сторонникам античной культуры.

Понятно, что за всем этим нельзя было не видеть социально-политические, имущественные, правовые, религиозные и всякие другие факторы и интересы власть имущих, различных сословий и слоёв населения империи, а также

интересы и противоречия разных государств. Но это одна сторона вопроса, которая хорошо известна широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории всемирного эллинизма. Другая же, менее известная, заключается в том, что с самого зарождения христианства вплоть до наших дней многие философы, теологи и даже крупнейшие отцы церкви вынуждены были признать, что эта мировая религия очень многое восприняла от античной философии, в первую очередь, философии Платона, а также Сократа, Аристотеля, неоплатоников. Этот синтез достижений античной философии с ветхозаветными положениями впоследствии получил название христианского эллинизма.

Напомню, что мы говорим об этапе в развитии христианской философии, охватывающий в основном II–VII вв., то есть о времени, когда христианские мыслители, используя библейские традиции, закладывали основы нового религиозно-философского мышления. И вот здесь у непредубеждённого читателя может возникнуть вполне резонный вопрос: а в чём была такая необходимость в этом синтезе, в этом использовании со стороны новой мировой религии этих существенных и определяющих заимствований от древнегреческой культуры?

Специалисты указывают здесь на два важнейших аспекта – апологический и миссионерский аспекты. Во-первых, претензии христианства, этой мировой религии, на истинность и универсальность своих положений, которые нуждались в безупречном философском обосновании, что могла в ту эпоху предложить именно и только древнегреческая философия, философия Платона прежде всего. Вернер Йегер, крупный немецкий историк философии, автор фундаментального труда «Пайдея: воспитание античного грека» пишет по этому поводу: «Заявке христианства на истинность и универсальность (католичность) соответствовала претензия на универсальность единственной интеллектуальной культуры в мире, попытавшейся пойти в этом же направлении, – греческой» [4].

Речь шла о всестороннем продвижении этой религии в мире, где доминировали греческий язык и греческая культура. «Проповедь о Христе должна была прозвучать в мире, говорившем и думающем по-гречески», пишет известный богослов с мировым именем, протосвитер Православной церкви в Америке Иоанн Мейендорф: «Может ли Священное писание христиан, созданное на еврейском и примитивном греческом языках выходцами из безвестного варварского племени, соперничать с высочайшими достижениями греческой *παιδεία* (просвещения)?» [5]. Другими словами, была настоятельная необходимость облечь эти положения нового учения в такую форму и сущность ради успеха евангельской проповеди, для распространения христианства по всему миру.

Даже после завоевания Греции Римом влияние греческой философии и культуры в целом было определяющим на огромной территории тогдашнего цивилизованного мира. «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила» (Гораций). Другими словами, именно через свою культуру побеждённая Греция по-своему покорила Римскую империю.

Христианство, эта зарождающаяся религия, распространялось в среде всё ещё значительного влияния эллинизма, греческой культуры, что касается, конечно, и иудейской диаспоры. А если к этому добавить также и то, что подавляющее большинство теологов и апологетов новой религии выросло на плодороднейшем поле древнегреческой философии, то станет понятным то влияние, которое она оказала на христианство, на эту новую религиозную концепцию, на эту формирующуюся в те годы доктрину. Вспоминая Фридриха Ницше, крупного немецкого философа, напомним его слова о том, что «античность сама породила христианство, это её родное дитя!», а философию Сократа и Платона он называет «дохристианским христианством» [6].

Нам известны основные положения христианства, некоторые из которых невозможно объяснить с точки зрения рациональности, то есть с точки зрения их соответствия принципам мышления – мы говорим о таинствах, о чуде боговоплощения, о тайной деятельности Святого Духа, учении о Боге как высшей сущности и единосущности, о Святой Троице (отметим, что в Ветхом Завете так же, как и в Новом Завете, нет учения о Святой Троице, то есть учения о трёх ипостасях Бога – Отце, Сыне и Святом Духе, что является основополагающим положением христианства). «Верую, ибо абсурдно» – это изречение одного из знаменитых проповедников христианства К. Тертуллиана стало афоризмом. Он и его единомышленники подчёркивали этим, что в этом учении, в этой вере есть нечто важное, что недоступно человеческому разуму, где он, этот разум, бессилен – и в это можно только верить. Но также бесспорно, что в христианстве имеется мощная рационалистическая составляющая – философская, без которой невозможно понять некоторые догматы и положения этой религии. Здесь важно отметить, что всего этого не было совсем ни в Ветхом Завете, ни даже в Евангелиях, записанных в I веке н. э., без чего эта форма духовной культуры, эта мировая культура оказалась бы теоретически совершенно несостоятельной, не смогла бы далее развиваться и быть влиятельнейшим всемирным феноменом в течение двух тысячелетий.

Как образно сказал один из исследователей нашей религии Александр Дугин, «если иудей присутствует в «Ветхом Завете», то эллин именно в самом интеллектуальном устройстве христианства. Эллина нет в смысле его языческой религии, но он есть в смысле его философского начала» [7]. Вот почему мы говорим, что концептуально платонизм является существенной частью христианства.

Интересно отметить, что с самого начала в состав Нового Завета были включены три евангелия, а евангелие от Иоанна присоединили позже, так же, как и «Апокалипсис Иоанна», вероятной причиной чего многие исследователи называют их антииудейские положения. Уже здесь проявляются первые истоки основных тенденций феномена христианского эллинизма, который стал превалирующим уже в наше время.

У нас нет возможности и нет необходимости рассматривать здесь учения крупных деятелей богословия, придерживавшихся подобных взглядов и принципов христианского эллинизма. Скажем лишь о двух выдающихся христианских

теологах и философах – Оригене Адаманте (I–III вв.) из Александрии и о Блаженном Августине (III–IV вв.) из римской Северной Африки, которые были основоположниками богословия на Востоке и Западе.

«Эллинами» называют историки и таких общепризнанных негреческих по происхождению богословов, носителей христианского эллинизма как духа христианства, как Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский и другие. Историк философии, религиозный мыслитель П. Михайлов рассматривает эллинизацию христианства «в трёх аспектах:

1) язык и создание основного корпуса основополагающих текстов христианства, 2) античная метафизика и использование философских средств для богословской работы и, наконец, 3) классическая культура, формализованная в понятии «пайдея» [8].

Говоря проще, речь идёт:

- о языке, на котором созданы основополагающие документы христианства;
- об античной философии;
- об античной культуре, оказавшей непосредственное влияние на практику, визуальную атрибутику христианства, скажем так.

Напомню, что в Канон Нового Завета входят 27 сочинений различных жанров: 4 канонических евангелия, примыкающее к ним историческое сочинение «Деяния Апостолов» и «Апокалипсис Иоанна», а также 21 послание апостолов. Основополагающими канонами христианства считаются также решения шести Вселенских соборов, которые и сформировали христианство. Так вот, все эти базисные документы христианства написаны на древнегреческом языке (койне). Это – во-первых. Во-вторых, мы уже отмечали, что античная философия, в частности платонизм, была основной рационалистической составляющей христианства. И в-третьих, сама практика, скажем так, христианской церковной жизни, то есть это то, что протоиерей Георгий Флоровский понимает как «воплощение красоты православной церковности – богатства богослужебного строя, православного искусства – иконы и церковной архитектуры, наконец, наполненности и вдохновения жизни в Церкви, ... литургическая красота христианской жизни» [9]. В одном из своих выступлений на съезде православных богословов Г. Флоровский, религиозный мыслитель, философ, профессор Гарвардского и Принстонского университетов, заявил буквально следующее: «... по сути своей Церковь эллинистична, она есть эллинистическое образование или, иными словами, эллинизм – это основная категория христианского существования. И потому всякий богослов должен пройти через опыт духовной эллинизации..., стать в большей степени греком, чтобы стать поистине вселенским (catholic), поистине православным».

Понятно, что у сторонников этого течения было немало оппонентов, которые противились, не признавали подобный синтез христианства с античной философией, античной культурой в целом или старались максимально уменьшить, ослабить их влияние. Жёсткую позицию по этой проблеме занимал автор концепции эллинизации христианства, знаменитый немецкий лютеранский теолог Адольф

фон Гарнак, который считал достойным сожаления, что теоретическое познание вытеснило живую веру: «Я говорю об идее сотворения мира и об учении о богочеловечестве Спасителя. Эти два решающих пункта не вмещаются в схему греческой религиозной философии и настоящими представителями ее всегда были признаны чуждыми и недопустимыми» [10].

Более уравновешенной была позиция византийских монахов, греков по происхождению, которые прекрасно знали произведения древнегреческих философов, но как правоверные православные христиане они пытались значительно ограничить их влияние на сугубо религиозные положения. И это тоже понятно, потому как христианство было и остаётся прежде всего религией, с самого начала оно формировалось как религия, и даже вбирая в себя многое из античной классики и эллинистическо-римской эпохи, оно формировало свою философскую систему с её явно выраженным религиозным характером – вера в единого Бога в трёх ипостасях – Отца, Сына и Святого Духа, примат веры в Бога над разумом, интеллектом, идея бессмертия, вера в загробную жизнь и так далее. Всё, что не укладывалось в эти религиозные догмы, её апологеты отвергали.

И данное противостояние сторонников двух подходов этого синтеза продолжается вплоть до наших дней. Понятно, что их несовместимость была заложена в их сущности – древнегреческая рационалистическая философия с её законами мышления и логики – с одной стороны – и христианство, в основе которого – вера – с другой. Интересную пищу для размышлений по рассматриваемой проблеме даёт история Византии, этой христианизированной и эллинизированной Римско-Восточной империи со столицей в Константинополе.

Это уже тема отдельного разговора, мы здесь коротко остановимся на следующем. Как известно, в 330 году император Константин Великий перенёс столицу Римской империи из Рима в Константинополь, поняв и убедившись, что огромнейшая империя в то время уже не могла управляться Римом, который находился далеко от обширных и беспокойных её восточных эллинизированных провинций; а уже в 395 году эта империя разделилась на две части – Западную и Восточную. В этом конгломерате многочисленных этносов вначале господствовали два великих народа, греки и латиняне. Под влиянием эллинизма некоторые народы тем не менее сохранили свои национальные особенности, как, например, армяне, евреи, сирийцы, египтяне. До 476 года Римский император, правящий в Константинополе, считался главой всей империи, хотя император Запада имел определённую автономию. 4 сентября 476 года считается традиционной датой падения Римской империи – свержение последнего императора Ромула Августа вождём германских племён Одоакром. Западная империя прекращает своё существование, и Восточная империя становится единой и единственной наследницей Рима вплоть до падения Константинополя в 1453 году.

Названия «Восточно-Римская империя» и «Византийская империя» были придуманы после распада самой этой империи в 1453 году, а для западного духовенства и политиков существовала только одна «Римская империя» с Римом во главе,

даже после её полного распада в V веке, распада Римской империи. Византию западное духовенство не хотело признавать по принципиальным соображениям. Говоря об этой тысячелетней истории, мы имеем в виду, по сути, Византию как многонациональное государство, где господствующим языком был греческий, государственной религией было православие. Византия в течение тысячелетия была хранителем греческого языка (вспомним хотя бы Новый Завет и решения первых шести Вселенских соборов, написанных на греческом языке) и интеллектуального наследия древних греков, которая одновременно олицетворяла собою греческий православный христианский дух. «Во всяком случае, термин “ортодоксальность” относится к Византии по сей день», – пишет крупнейший греческий историк-византист Элени Гликатзи-Арвелер [11].

И последнее. До сих пор мы довольно подробно говорили о том, чем же обязано христианство античной философии и античной культуре, эллинизму вообще. Более того, мимоходом мы также затронули вопрос о небывалом развитии православия в течение тысячелетия в Византии, греческой по сути, и о содействии её в распространении этой религии. Именно эллинизм оказался той мировой культурой, в которой сформировалось древнее христианство и получило столь впечатляющее развитие.

И вот здесь невольно возникает вопрос: а что дало христианство самому эллинизму? Очень кстати в этой связи вспомнить слова известного специалиста по античной и средневековой философии, профессора Андрея Баумайстера: «...Христианство превращает античность в силу культурную, оно берёт античный канон, греческую литературу, греческую науку, римскую науку, римское право и делает это обязательной программой для всех европейцев... Это значит, что христианские авторы универсализировали античную философию, придали ей всеобщее значение, значение всеобщего и обязательного канона» [12].

Подчеркнём при этом, что это была, по преимуществу, вынужденная мера, в том числе и как следствие феномена эллинизации христианства. Роль христианской церкви в сохранности богатой античной литературы была двоякой: с одной стороны, она прилагала все усилия к тому, чтобы античная книга не получила широкого распространения в миру. По разным причинам продолжалась утрата части античного письменного наследия – невостребованность в текущий момент, гибель библиотек во время войн и гонений, качество письменного материала и т. д. Вместе с тем, благодаря христианству в частности, благодаря византийским монахам, были сохранены произведения Гомера, Платона и других классиков античной философии, трагедии и другой литературы.

В завершение хочется надеяться, что указанные выше положения и выводы во многом будут востребованы читателем независимо от его религиозности, то есть его вовлечённости в ту или иную религию, независимо от его личного отношения к самой этой религии, к религиозной идеологии вообще. Конечно, если нами двигают благие и искренние помыслы о желании и стремлении познавать события прошедших эпох такими, какими они были на самом деле.

Сделаем некоторые выводы:

1. Зарождение христианства его апологетами воспринималось как полное забвение философии и культуры древних греков, а на самом деле оказалось почти всё наоборот: во-первых, многие положения христианства нашли своё отражение ещё в античной культуре, то есть задолго до его зарождения и, во-вторых, эта мировая религия уже в своём зарождении испытала существенное и определяющее влияние античной философии и античной культуры, что выразилось в феномене христианского эллинизма.

2. «Христианство универсализировало античную культуру, придав ей значение всеобщего и обязательного канона для Европы и всего христианского мира»; кроме того, в том числе благодаря христианству были сохранены многие произведения античной культуры.

В завершение всё-таки хотелось бы задать такой вопрос: а можно ли и нужно ли вообще отказываться нам от такого греческого по духу православия, если именно греки в основном и выпестовали этого младенца с самого его рождения теоретически, духовно и политически? Причём, абсолютно не отказываясь от величия своей античной культуры. Думаю, что вопрос этот чисто риторический.

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12.
2. Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. – М., 1972.
3. Зелинский Ф. История античных религий. – М.: Феникс, 2010.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. URL: <https://esxatos.com/yeger-paydeyya-vospitanie-antichn...> (3 февр. 2022).
5. Мейендорф И. Пасхальная тайна: статьи по богословию. – М.: Эксмо, 2013.
6. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. Соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.
7. Дугин А. В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки). – М.: Академический Проект, 2013.
8. Михайлов П. Концепция эллинизации христианства в истории теологии // Вестник ПСТГУ. – 2017. – № 17. Серия 1. Богословие. Философия.
9. Florovsky G. Patristics and Modern Theology. 1939.
10. Credo quia absurdum. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 2-е изд. Т. 1–2. – СПб., 1907–1909.
11. Γλυκατζή-Αρβελέρ Ε. Γιατί το Βυζάντιο; Μεταίχμιο, 2012.
12. Баумейстер А. Античная философия. Возникновение философии у греков. – Л. 1. YouTube. 2016.

**ДЕЛЬФЫ И ВАВИЛОН:
ОТ ТРАДИЦИОННОЙ МОРАЛИ К «НОВОЙ ЭТИКЕ»**

**DELPHI AND BABYLON:
FROM TRADITIONAL MORALITY TO «NEW ETHICS»**

**ΔΕΛΦΟΙ ΚΑΙ ΒΑΒΥΛΩΝΑ:
ΑΠΟ ΤΗΝ ΠΑΡΑΔΟΣΙΑΚΗ ΗΘΙΚΗ ΣΤΗ «ΝΕΑ ΗΘΙΚΗ»**

Аннотация. Автор рассматривает два города – Дельфы и Вавилон как культурные метафоры, которые используются для обозначения полярных ориентаций в культуре в целом и в морали – в частности. Для европейской культуры метафоры Дельф и Вавилона можно рассматривать как два полюса трактовки морали. В первом случае мораль универсальна, поскольку основывается на неизменных внешних началах. Во втором она приобретает релятивистские черты, поскольку основывается на многообразных интересах. Этот дуализм выражает древний архетип, который сегодня проявляется в противопоставлении «старой» и «новой» этики. Задача выявления социокультурных предпосылок этих полярных оценок представляет несомненный исследовательский интерес, поскольку позволяет лучше понять, на каких основаниях, согласно мифам, религиозной литературе и другим основополагающим текстам культуры, формируется духовное единство, а какие культурные ориентации, напротив, приводят к духовному распаду.

Ключевые слова: Дельфы; Вавилон; культура; мораль; традиции; «новая этика».

Abstract. The author examines two cities: Delphi and Babylon as cultural metaphors that are used to denote polar orientations in culture in general and in morality in particular. For European culture, the metaphors of Delphi and Babylon can be considered as two poles of interpreting morality. In the first case, morality is universal, since it is based on immutable external principles. In the second, it acquires relativistic features, since it is based on diverse interests. This dualism expresses an ancient archetype, which today manifests itself in the opposition of «old» morality and «new ethics». The task of identifying the socio-cultural prerequisites for these polar assessments is of undoubted research interest, since it allows us to better understand on what grounds, according to myths, religious literature and other fundamental texts of culture, spiritual unity is formed, and which cultural orientations, on the contrary, lead to spiritual disintegration.

Keywords: Delphi; Babylon; culture; morality; traditions; «new ethics».

Дельфы и Вавилон для современной культуры – не столько реальные исторические города, сколько метафоры, символы, мифы, архетипы, которые вплетены в ткань различных религиозных традиций, философских представлений, произведений искусства. Как правило, эти метафоры используются для обозначения полярных ориентаций в культуре, в целом, и в морали в частности: объективных

и субъективных, коллективных и индивидуалистических, традиционных и инновационных, религиозных и секулярных, фундаменталистских и либеральных.

В текстах европейской культуры для Дельф так же сложно обнаружить негативные контексты и коннотации, как для Вавилона – положительные. Так, Дельфы устойчиво ассоциируются с искусством (Дельфийские игры), моралью (Дельфийские максимы), почитанием богов (Дельфийский оракул), единством независимых полисов (Дельфийский союз). Вавилон же, скорее, ассоциируется с падением нравов (Вавилонская блудница), гордыней (Вавилонская башня), разобщением (Вавилонское столпотворение), рассеянием (Вавилонский плен) и т. д. В целом можно говорить, что Дельфы символически воплощают принцип духовного единства, а Вавилон, напротив, ассоциируется с духовным распадом. Анализ употребления метафор позволяет выявить что, с точки зрения традиционного сознания, является ценностным основанием этих полярных принципов.

С Дельфами достаточно четко ассоциируются три упорядочивающих концепта: *природа*, *закон* и *религия* (показательно, что Дельфийский оракул, согласно легендам, принадлежал, последовательно, Гее, Фемиде, Аполлону). Эти начала объединяет объективность – они не зависят от наших желаний, поэтому представляют универсальный фундамент для культуры и морали.

Олицетворением *природы*, Земли в греческом пантеоне была Гея, праматерь всех богов. Дельфы были священной землей Геи, и именно ей, согласно мифам, изначально принадлежал дельфийский оракул [7, 22].

Само название «Дельфы», согласно одной из этимологий, восходит к δελφύς – «лоно», «утроба». Это место рождения: здесь Космос рождался из Хаоса. В орфическом гимне о Гее сказано: «Космос, искусник всехитрый, светила вертит вокруг тебя вечнотекущим могучим потоком» [1, с. 206]. В гомеровском гимне эпитет Геи – прочноустойная [1, с. 136].

Дельфы как надел Геи – это географический центр Космоса, омфал, место, вокруг которого вращается весь мир, но которое единственное остается неизменным. В этом смысле Дельфы – праметафора бытия как чего-то вечного, неизменного, не сводящегося к миру возникающих и погибающих вещей.

Согласно одному из мифов, Зевс определил центр мира, выпустив двух орлов с противоположных его краев: они встретились над Дельфами. В определенной степени этот миф задает особую характеристику для города: это перекрестье всех дорог, место встречи противоположностей, где они на время примиряются, отбрасывая взаимные претензии. Здесь Аполлон соседствует с Дионисом (эти боги делили один храм в Дельфах), Афины примиряются со Спартой (эти полисы были членами священного союза – Дельфийской амфиктии).

Для архаичного сознания законы Космоса включают в себя не только законы природы, но и законы морали. Точнее, законы морали здесь понимаются как законы природы, естественные законы. Неисполнение этих законов ведет к повреждению не только нравов, но и мироздания в целом. В жизни следует руководствоваться этими естественными законами, жить согласно природе, а не изменчивым

мнениям. Цицерон, обратившись к дельфийскому оракулу, получил совет «руководиться в жизни собственной природой, а не славою у толпы» [6, с. 161].

Право для греческого общества воплощено в номосе – законе, человеческих установлениях. Изначально, по-видимому, физис и номос, природа и закон пребывали в единстве и только у софистов начали резко противопоставляться друг другу. Для архаического сознания номос является проекцией физиса на жизнь общества, попыткой установить божественную справедливость в пространстве полиса.

Номос – это, прежде всего закон, который установлен людьми, но не по прихоти, а в соответствии с законами божественной справедливости. Локусом установления божественной справедливости в Дельфах был омфал, центр Земли. По преданию, его обозначал тот самый камень, который Кронос проглотил вместо Зевса (что позволило восстановить справедливость и сместить Кроноса). Место это, изначально посвященное Гее, согласно мифам, было передано Фемиде, а затем – Аполлону. Фемида – олицетворение божественного закона и справедливости в греческой мифологии. Аполлон – выражал ту же идею закона, но не в общекосмическом смысле, а в применении к общественному порядку и государственному устройству.

Государственное право в Древней Греции было связано с сакральным правом, которое зародилось еще до появления государства и во многом стало тем нормативным субстратом, на основе которого создавались гражданские законы. Дельфийские основы сакрального права принимались греками безоговорочно. Платон в «Законах» писал: «Относительно всего божественного надлежит взять законы из Дельф и пользоваться ими, назначив для этих законов истолкователей» [5, с. 210]. В «Государстве» он утверждал, что «у Аполлона, что в Дельфах, – величайшие, прекраснейшие и первейшие законоположения» [4, с. 197].

О.В. Кулешова пишет: «Образ Аполлона – устроителя в области государственной, религиозной и этической – был тесно связан с оформлением права в архаическом обществе. Глубинная связь религии и закона нашла свое формальное выражение в том числе и в сохранных античной традицией свидетельствах об обращении в Дельфы законодателей архаической эпохи.» [2, с. 155]. В частности, Ликург и Солон свои законы устанавливали, опираясь на авторитет Дельфийского оракула.

Поскольку в раздробленном пространстве полисов у Дельф было особое нейтральное положение, они стали центром формирования межгосударственного права. На время проведения Дельфийских игр устанавливалось перемирие, прекращались конфликты, все стороны ставились в равное положение. Дельфы были посредником в договорах между полисами, арбитром в межгосударственных спорах, авторитетом в правилах ведения справедливой войны, гарантом мирных договоров. Иными словами, Дельфы были основой духовного единства, поскольку обеспечивали межполисную справедливость.

Религия представляла то пространство, в котором суждения о природе и человеческом установлении приобретали смысл. Цицерон в трактате «О дивинации»

писал: «Если боги сами нам и не показываются, то разве не проявляют они свою силу во всем? Не заключается ли она и в недрах земли, и в природе самого человека? Дельфийская Пифия вдохновлялась от силы Земли, Сивилла – по природе» [9, с. 221].

В какой-то мере развитие культа Дельфийского оракула напоминает выделение единого голоса из хора множества голосов. Его можно назвать отображением стремления раздробленной Греции к единству, общей для всех позиции. В этом контексте понятно, почему на первое место, в итоге, выдвигается культ Аполлона. Аполлон представляет гармонизирующее, цивилизующее, упорядочивающее, законосообразное начало, логос.

Дельфы были центром формирования и обоснования моральных норм, призванных упорядочить жизнь в обществе. «Именно там, а не в каком-либо ином месте, устами Пифии было обещано миру, что кровопролитие (даже в отношении рабов) является преступлением и требует религиозного очищения. Оракул Аполлона постоянно, хотя и безрезультатно, боролся с некоторыми отрицательными явлениями в греческой жизни, а по мере развития интеллектуальной культуры этическая сторона его воздействия выдвигалась все более на первый план» [3, с. 7].

Нравственная философия – это аполлонический проект. Нравственные заповеди, выраженные в дельфийских максимах (которые приписываются то Аполлону, то семи мудрецам) представляют мораль как обуздание страстей: «ничего сверх меры», «властвуй над собой», «упражняйся в благоразумии» и т. д. «Познай самого себя», выбитое на фронтоне храма Аполлона в Дельфах – это основа сократовской и, позже, всей европейской этики.

В целом, можно заключить, что основой дельфийского единства является традиционная мораль, которая предполагает соответствие богоустановленной природе мира и человека и освященных религией законам. Иными словами, она опирается на объективные основания: природу, закон, религию.

Вавилон в европейской культуре, напротив, представлен как символ преодоления природы, человеческого своеволия вызов, брошенный Богу и на этом основании – духовного распада, неминуемой гибели.

Вавилон – это величайший мегаполис своего времени, выражение урбанизма, противостоящего естественности малых городов-полисов. Это попытка воздействовать на природу, контролировать, улучшать ее. Типичным примером такого управления является одно из чудес света – висячие сады Семирамиды, в которых природа была упорядочена и стала частью инженерного сооружения. По разным описаниям это была система террас с искусственным орошением, спроектированными водопадами и т. д.: своеобразный триумф искусственности над естественностью. Здесь важно не то, были ли такие сады на самом деле, а то, что это сооружение традиция размещала именно в Вавилоне.

Другое грандиозное инженерное сооружение горда – Вавилонская башня, которое для христианской традиции является символом гордыни, своеволия,

дерзости. Согласно библейской легенде люди попытались достичь неба, чтобы «сделать себе имя» и сравняться с Богом. Это богоборческое предприятие закономерно завершилось крахом. В этой легенде можно усмотреть не только критику бунта против Бога, но и идеи технического прогресса, оторванного от природной, религиозной, моральной основы человеческой жизни.

В библейской Книге Откровения Вавилон описывается как город греха и коррупции. Вот пример христианских комментариев на Книгу Откровения: «Вавилон – это полное смешение человека с миром греха и беззакония, это духовное блудодеяние. Люди смешаются и станут с ним «одной плотью» [8, с. 279]. Таким образом, если в Дельфах мы видим символику природы, закона, религии, в Вавилоне мы видим нечто противоположное – покорение природы, беззаконие, богоборчество.

Отказываясь от объективного фундамента природы, религии, закона Вавилон пытался выстроить отношения между людьми на иных основаниях. В основании морали здесь кладутся, скорее, изменчивые интересы людей и государства – *экономические, политические* или другие *индивидуалистические*.

Вавилон обычно описывается как крупный *экономический* центр древнего мира, стоящий на перекрестке важных торговых путей. В представлениях современной культуры это был город-рынок, город торговцев и ростовщиков, который торговал всеми возможными товарами и занимался финансовыми спекуляциями. В Вавилоне все продавалось и покупалось, все стремились к роскоши и наслаждениям: материальное заслоняло собой духовное.

В отличие от Дельф, Вавилон представляется не духовным центром, который объединял независимые демократические полисы, а источником централизованного управления. Вавилон – типичная восточная деспотия со всеми ее недостатками: неограниченной царской властью, разветвленной бюрократией, полной беззащитностью личности перед государством. Если Дельфы пытались примирить враждующие города, то Вавилон действовал по принципу «разделяй и властвуй» укрепляя государство за счет прагматичной жесткой политики, не исключавшей хитрости, обмана, насилия. Пример *политики* Вавилона – переселение народов, когда, например, жители Вавилонии переселялись в Иудею, а евреи – в Вавилонию. Тем самым народ отрывался от своих корней, оказывался в чужом окружении, а национальные государства, которые могли быть опасны для единства империи, ослаблялись.

Дельфы были арбитром греческого мира, блющим национальные интересы. Вавилон же был огромным многонациональным, многоязычным городом, куда переселяли население завоеванных стран, где собирались купцы из разных регионов. Это был город скопления большого количества людей, сумятицы и беспорядка, место «вавилонского столпотворения». Нормы разных культур не соответствовали друг другу, поэтому многие люди легко отказывались от обычаев и традиций своей культуры. В итоге личные интересы оказывались прочнее противоречивых

общественных норм. Для Библии Вавилон – это отказ от общественных норм ради *индивидуальных* желаний.

Исаия сравнивал Вавилон с Содомом и Гоморрой, предсказывая его падение (Ис 13:19), а в откровении Иоанна Богослова «Вавилон великий, мать блудниц и мерзостям земным» (Откр 17:5) выведен как последнее антихристианское царство, которое погибнет под тяжестью безнравственных обычаев, беззакония и падения религии. В этом «Вавилоне великом» в массовой культуре сегодня усматривают метафору любого большого мультикультурного капиталистического мегаполиса, где материальное ставится выше духовного.

Итак, для европейской культуры Дельфы и Вавилон (конечно, с большой степенью условности, характерной для метафор) можно рассматривать как два полюса трактовки культуры, основанных на различном понимании морали. В первом случае мораль универсальна, поскольку основывается на неизменных внешних началах – природе, естественном законе, божественных установлениях. Во втором она приобретает релятивистские черты, поскольку основывается на экономических, политических, индивидуалистических интересах, а интересы субъективны, изменчивы и многообразны. Этот дуализм выражает древний архетип, который сегодня проявляется в противопоставлении «старой» коллективистской, традиционалистской морали и «новой» индивидуалистической этики, отвергающей любое внешнее давление на личность.

Дельфы в культуре устойчиво ассоциируются с положительным полюсом, а Вавилон – с отрицательным. Поэтому, казалось бы, ответ на вопрос о выборе между этими полюсами предрешен. Однако эта оценка представляется в значительной мере односторонней, поскольку даётся с позиции культуры, которая опирается только на одну – европейскую традицию. В многополярной современности акценты могут быть расставлены по-новому. Так, тенденции социального и культурного развития современности показывают, что Вавилон более востребован, чем Дельфы. Люди могут восхищаться духовностью Дельф, но их наследие они рассматривают так же, как туристы – музейные экспонаты. Жить же они предпочитают в материалистичном Вавилоне (Нью-Йорке, Москве, Лондоне или другом крупном мировом мегаполисе).

Кроме того, метафорические Дельфы и Вавилон – это идеальные конструкты, в зеркале которых реальность выглядит чересчур упрощенно. Реальный Вавилон был важным объединяющим центром для своего региона, а реальные Дельфы участвовали в политических интригах, направленных против других полисов.

Еще большим упрощением является перенос этих метафор на реальные тенденции в культуре, ассоциируя единение с коллективной моралью, а разобщение – с индивидуализмом. В реальности и у коллективизма, и у индивидуализма есть свои положительные и отрицательные стороны. Мораль – это не защита общества за счет подавления личности и не защита свободы личности за счет отказа от общего блага. Скорее, это движение личности и общества друг к другу, поиск

компромиссов между общественным благом и личным интересом, традиционной моралью и «новой этикой».

Человек, в целом, может понять в чем состоит благо общества, поскольку традиционная мораль основана на объективных основаниях и выражена в конкретных нормах. Обществу (коллективу, государству) гораздо сложнее понять интересы индивидов, поскольку они отличаются друг от друга. По-видимому, узнать, что им нужно, можно, только предоставляя возможность каждому свободно высказаться. Люди не смогли завершить строительство Вавилонской башни, так как перестали понимать друг друга. Чтобы достичь какой-то общей цели, нужно пытаться понять друг друга, искать общий язык, договариваться. В этом смысле вавилонское начало имеет шанс на развитие, если оно учитывает дельфийский опыт, а не находится в конфликте с ним.

Литература

1. Античные гимны / ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 362 с.
2. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. – 432 с.
3. Михайловский К. Дельфы. – Варшава: Аркады, 1977. – 98 с.
4. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
5. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 830 с.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. – М.: Наука, 1964. – Т. 3. – 548 с.
7. Соколов Г.И. Дельфы. – М.: Искусство, 1972. – 184 с.
8. Фаст Г., прот. Толкование на Апокалипсис. – Красноярск: Енисейский благовест, 2004. – 496 с.
9. Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985. – 384 с.

В.А. Школьный, Д.И. Кутимов
Кыргызстан, Бишкек

БИТВА ПРИ ФЕРМОПИЛАХ: ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛИИ

BATTLE OF THERMOPYLAE: LEGENDS AND REALITIES

Η ΜΑΧΗ ΤΩΝ ΘΕΡΜΟΠΥΛΩΝ: ΘΡΥΛΟΙ ΚΑΙ ΠΡΑΓΜΑΤΙΚΟΤΗΤΕΣ

Аннотация. Рассматриваются, анализируются и сравниваются факты из истории греко-персидских войн V в до н. э., и одного из ярких и значительных событий той эпохи – сражения при Фермопилах как в изложении древних авторов, так и современных. Чем

далее события того времени уходят от нас в глубину веков, тем больше появляется мнений о происходивших в то время событиях. По своему диапазону эти мнения иногда радикально и диаметрально противоположны, и, зачастую, – противоречивы. У некоторых исследователей те события обрастают всякими домыслами, героизируются и мифологизируются, или же полностью отрицается даже сам факт того, что они происходили на самом деле. Отдельное место в статье уделено освещению событий тех давно минувших веков в кинематографе.

Ключевые слова: греко-персидские войны; царь Леонид; царь Ксеркс; битва в Фермопильском ущелье; греки; лакедемоняне; искажение исторических фактов; кинематограф.

Abstract. Facts from the history of the Greco-Persian wars of the 5th century B.C., and one of the brightest and most significant events of that era – the Battle of Thermopylae, both in the presentation of ancient and modern authors – are considered, analyzed and compared. The farther the events of that time go from us into the depths of time, the more opinions appear about the events that took place at that time. In terms of their range, these opinions are sometimes radically and diametrically opposed, and often contradictory. For some researchers, those events are overgrown with all sorts of conjectures, glorified and mythologized, or even the very fact that they really took place is completely denied. A special place in the article is given to the coverage of the events of those bygone centuries in cinematography.

Keywords: The Greco-Persian Wars; Tsar Leonidas; King Xerxes; the Battle of Thermopylae; Greeks; the Lacedaemonians; distortion of historical facts, cinematography.

Чем дальше от нас в глубину веков уходят героические события прошлого, тем больше они обрастают всякими домыслами, героизируются или даже мифологизируются. Не минула подобная участь и известного всему миру подвига греков в сражении с персами в Фермопильском ущелье. На эту тему написано множество литературных и научных трудов, в США и Канаде снято три фильма на эту тему, не говоря уже об изложении своего видения тех событий различными исследователями и «исследователями» в многочисленных статьях и видеороликах, в большом количестве выложенных на просторы Интернета и социальных сетей.

Предпримем ещё одну попытку разобраться в ходе этого не только одного из великих событий V в. до н. э. в жизни древнего Средиземноморья, но и знакового для самого факта существования Древней Греции.

После разгрома персидского войска в 490 г. до н. э. при Марафоне [1], руководители греческих полисов прекрасно понимали, что молодая империя Ахеменидов на этом не успокоится. Этому безусловно свидетельствовало и посмертное завещание царя Дария I, повелевшего своим наследникам покорить Грецию, и тем самым стереть пятно позора Марафонского поражения из истории Персии. В самой же Персии большой морской десант в Аттику в окрестностях г. Марафона преподносился всего лишь как небольшая карательная экспедиция против бунтовщиков-греков [2, с. 1] после восстания греческих городов в Ионии (Малая Азия, 499–493 гг. до н. э.) против Персидской империи, положившего начало греко-персидским войнам. Афиняне и эретрийцы тогда поддержали это восстание.

Осенью 481 г. до н. э. в Коринфе было проведено Общегреческое собрание, на котором были обсуждены ближайшие перспективы отношений с империей Ахеменидов, прекращение междоусобных войн, создание военной коалиции греческих полисов, способной противостоять грядущему персидскому нашествию, и распределение руководства совместными войсками. Итоги этого собрания получились неутешительными – греки не смогли прийти к приемлемому для всех них решению. Вновь делегаты от полисов собрались весной 480 г. до н. э. [2, с. 145]. По решению этого собрания, руководство объединёнными сухопутными войсками Греции было поручено лакедемонянам (спартиатам) под предводительством царя Лаконики (Спарты) Леонида, а морским объединённым флотом – афинянам, под командованием Фемистокла. Также было окончательно решено объединённым греческим силам встретить войско персов в узком Фермопильском ущелье, где можно было относительно небольшими силами дать достойный отпор персидским захватчикам. Акедемоняне считали, что для них будет вечным позором, если они отдадут в руки персов то место, о котором так много говорится в мифах о Геракле (согласно легендам – предке их царей). В самом деле, недалеко от Фермопильского прохода, возле тёплых источников, находился посвящённый Гераклу алтарь; неподалёку находился г. Трахина, где он совершил один из своих последних подвигов; поблизости протекала р. Дирас, водой из которой пытались потушить костер, на котором умирал Геракл. Ксеркс удивился, услышав от лазутчика, что лакедемоняне, поставленные охранять Фермопильский проход, занимаются гимнастическими упражнениями, точат оружие, расчесывают, смазывают маслом и заплетают свои волосы в косички. Находившийся при персидском войске бывший царь Лаконики Демарат объяснил ему, что это служит признаком их решимости сражаться до конца: лакедемоняне обычно перед битвой, согласно давней традиции, тщательно ухаживают за своими причёсками и бородами.

Данные о численности объединённых сухопутных войск Греции у разных авторов, как древних, так и современных, разнятся, иногда достаточно сильно. Так, Геродот Галикарнасский (около 484 г. до н. э. – около 425 г. до н. э.), древнегреческий историк и географ, автор первого сохранившегося значительного трактата, описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов, указывает в одном месте своей «Истории» на общую численность греков около 5200 человек [2, с. 202–203], в другом же месте приводит цифру «...сорок лишь сотен всего» [2, с. 228]. У Диодора (около 90–30 гг. до н. э., древнегреческий историк и мифограф родом из г. Агирии, о. Сицилия) численность эллинов колеблется в пределах 7200–7700 воинов [4]. Павсаний (ок. 110 г. н. э. – ок. 180 г. н. э., греческий путешественник и географ) в своём описании событий того времени, приводит цифру в 11200 человек [5].

Различные античные источники также приводят противоречивые цифры касательно армии персов. У того же Геродота в одном месте упоминается цифра 1.700.000 человек только пехотинцев [2, с. 60], в другом – 5.283.220 [2, с. 186], в третьем – «300 мириад» (одна мириада равнялась 10.000 человек,

т. е., в итоге – 3 миллиона) [2, с. 228]. Симонид Кеосский (ок. 557/556 до н.э. – ок. 468/467 до н. э., один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции) [8] насчитал у персов около 4,0 млн воинов. Ктесий из Книды (персидский историк, живший в V в до н. э. в Малой Азии, во время правления царя Артаксеркса II) [7] – свыше 800 тысяч. Современные же учёные, исходя из правил и норм логистики, демографических, климатических и природных условий местности, по которой двигалось персидское войско в Грецию, считают численность войска вторжения не превышающей 200–250 тыс. воинов вместе с дополнительным обслуживающим персоналом. Ганс Дельбрюк [3] и некоторые другие историки склоняются к тому, что численность персидского войска не превышала 80 тыс. человек. Подобные расхождения в цифрах античных источников можно отнести к дезинформации со стороны персов, а также объяснить характерной склонностью победителей многократно преумножать силы противостоящего противника в целях приукрасить победу над ним. Тем не менее даже при критических раскладах современных специалистов, численность вторгшихся в Грецию персов впечатляет: их количество для того времени было беспрецедентно большим.

Вооружение основной части войска Ксеркса составляли луки, из которых стрелы из камыша посылались на расстояние 200–500 метров, короткие копья (1,5–2 метра длиной) и короткие мечи (акинаки). Нагрудной кожаной бронёй, обшитой металлическими пластинами, защищены были только персы и мидяне. В бою они прикрывались щитами, сплетёнными из ивы. Остальная, более многочисленная часть войска, вооружена была гораздо хуже [2, с. 61–80].

Основную часть защитного вооружения греческих гоплитов (тяжеловооружённых воинов) составляли: бронзовый панцирь, состоявший из нагрудной и спинной пластин; большой круглый бронзовый щит (гоплон); бронзовый шлем коринфского типа; бронзовые поножи, защищавшие голени воина и бронзовые поручи, которые не только закрывали предплечья воинов, но и в случае ближней рукопашной схватки могли применяться для нанесения противнику травм и увечий. Вооружение гоплитов составляли копье (ксистон, 2,5–3 метра длиной), снабжённое длинным обоюдоострым наконечником (в случае поломки копья, наконечник мог быть использован в качестве кинжала) и короткий меч (ксифос), удобный в ближней или тесной схватке. Здесь уместно уточнить, что «стандартный» греческий ксифос того времени имел общую длину в пределах 55–70 см, при длине клинка 45–60 см.

Спартанский же ксифос имел общую длину до 30 см, а длину клинка до 17 см. Боевая экипировка остальной тяжеловооружённой части греческого войска было почти идентичной спартиатскому. В войске греков были также и легко вооружённые бойцы: пращники, лучники и метатели дротиков. Уже тогда у греков форма боевого построения была рядами как по фронту, так и в глубину строя, с тесным примыканием воинов друг к другу, впоследствии названном «греческой фалангой». Это давало большое преимущество грекам в бою против нестройно шедшего на них противника.

Почти трое суток длилось беспримерное сражение греков с захватчиками. Царь Ксеркс, видя, как истребляются его войска (по самым приблизительным подсчётам многих авторов, потери персов в сражении при Фермопилах составили более 20 тысяч воинов; потери греков – около 4 тысяч), был уже склонен к тому, чтобы отступить и вообще покинуть Грецию, но предательство Эфиальта [2, с. 212–213] помогло персам окружить и уничтожить остатки греческого войска (большой памятник из мрамора и бронзы, посвященный этому подвигу греков, был установлен в 1955 году возле Фермопильского ущелья). Путь для покорения Греции был открыт...

Но впереди персов ещё ждали Саламинское сражение (морское сражение между греческим и персидским флотами, произошедшее 28 сентября 480 г. до н. э. близ острова Саламин, в котором флот персов был разгромлен греческим), битва при Платеях (одно из крупнейших сухопутных сражений в ходе греко-персидских войн, состоявшееся в 479 году до н. э. рядом с небольшим городком Платеи в Беотии). В этих сражениях греки, воодушевлённые примером своих сограждан, героически павших в Фермопильском ущелье, разбили войско персов и изгнали их, во главе с царём Ксерксом, со своей земли.

Отдельно хочется остановиться на отношении наших современников к историческому мировому наследию как научному и литературному, так и кинематографическому. Чем дальше, то героическое время уходит от нас в глубину веков, тем больше появляется мнений о происходивших в то время событиях. По своему диапазону эти мнения иногда радикально и диаметрально ротивоположны. Некоторые авторы пытаются доказать, что вообще никакого сражения при Фермопилах не было, а всю эту историю придумали от вынужденного безделья чуть ли не пьяные крестоносцы, во время II Крестового похода квартировавшие в Греции [9]. Другие чуть ли не обожествляют греков, разивших всех своих врагов с лёгкостью Геракла...

Совсем отдельная сфера воздействия на умы людей – кинематограф. На тему греко-персидских войн в Америке в разное время было снято три фильма: «300 спартанцев» (1962 г., режиссёр Рудольф Мате) [10], «300 спартанцев» (2007 г., режиссёр Зак Снайдер) [11] и «300 спартанцев: Расцвет империи» (2013 г., режиссёр Ноам Мурро) [12]. Первый из них был снят хоть и с некоторыми искажениями исторических фактов, но сюжет его и режиссура очень близки к событиям того времени. Второй фильм был снят по мотивам комикса «300» Фрэнка Миллера и Линн Варли, а третий – по мотивам графического романа «Ксеркс», издательства Dark Horse Comics.

Оба последних фильма были сняты с грубейшими нарушениями и искажениями исторических фактов, что вызвало неоднозначную реакцию зрителей. Кроме того, эти два последних фильма были неоднократно спародированы и даже высмеяны (в разное время было снято несколько сатирических пародий на эти фильмы: «D-Yikes!», эпизод 1106, No 159 сериала «Южный Парк» – 2007 г.; «Знакомство со спартанцами» – 2008 г.; «305» – 2009 г.; «Самурай Джек» – 2016 и др.).

Также они вызвали гневную реакцию в Иране за оскорбление иранцев, их культуры и истории.

В фильмах 2006 и 2013 гг. лакедемоняне (так называемые спартанцы) поголовно изображены рослыми культуристами с изрядными объёмами рельефной мускульной массы, что никак не соответствует истине. Согласно Плутарху [6], пища лакедемонян была специально очень скудная для того, чтобы заставить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых: воровство в Лаконике поощрялось, но пойманные за этим занятием жестоко наказывались. Основным блюдом для детей, подростков и юношей в Лаконике была так называемая «чёрная похлёбка», ингредиентами которой были чечевица, обрезки со свиных окороков, кровь животных, соль и уксус. Остальную растительную и белковую прибавку к своему рациону они должны были добывать себе сами. Поэтому лакедемоняне, согласно описаниям того времени, ростом не превышали 160–170 см, были худощавыми и жилистыми [6].

Согласно всем современным им описаниям жизни и быта лакедемонян, мальчики забирались из семей в возрасте шести-семи лет, и их начинали уже с этого возраста обучать военному искусству, боевым действиям как в одиночку, так и в строю, которое продолжалось до шестидесяти лет. Можно только представить себе, насколько слаженными и отточенными были все действия и движения лакедемонян в бою! В фильмах же в строю они движутся как попало, независимо друг от друга, в бой идут то разрозненными изломанными шеренгами и почти не соблюдая строя, то вообще небольшими группами. А то и просто устраивают индивидуальные хаотические поединки, из которых почти всегда выходят победителями.

Вся жизнь лакедемонян, от начала и до конца, была строго регламентирована: от построения речи (определение «лакони́чность изложения» – от названия Лаконики) каждым членом общества и отношений в быту, до ношения оружия и поведения в бою. Даже нарушение повседневной формы одежды могло повлечь за собой строгое наказание, вплоть до изгнания из общества или даже смертной казни. Облачение же в красный плащ лакедемонам разрешалось исключительно перед боем (в основном, чтобы скрыть ранения и кровотечение из них). На протяжении же всех трёх фильмов они появляются в кадрах одетыми кто во что попало, в том числе и в красные плащи задолго до боя...

В большинстве случаев понятно, что многие эпизоды этих фильмов – плод режиссёрских фантазий и домыслов, но и вольные трактовки исторических событий в угоду рыночной конъюнктуре не делают большой чести коллективному труду кинематографистов и, тем более, – кинокритикам. С учётом того, что последние два поколения нашего времени больше всего ориентированы на визуальное восприятие, во многих случаях воздействие последних двух фильмов иногда просто непредсказуемо... Тем более, что сняты они с допущением грубейших исторических ошибок, искажением фактов, фантастических выдумок, и насквозь пропитаны неприкрытыми злобой и насилием, на фоне которых героизм

греков, отстаивавших независимость своего народа ценой своих жизней, просто растворяется на протяжении обеих картин в целом потоке крови, злобы и насилия... К нашему большому сожалению, в последнее время в умах многих людей на первый план выходят вседозволенность, определение ценности окружающего их мира в денежном эквиваленте, отрицание любых нравственных и моральных ценностей за их ненужностью в современном мире... И эта тенденция, к сожалению, имеет свойство к дальнейшему развитию по нарастающей. Неужели же человечество однажды придёт к тому рубежу, когда подвиги наших предков будут окончательно обесценены и забыты, или вообще будут выведены в итоге со знаком минус?

Литература

1. См. Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Вся история Греции. – М.: Изд-во АСТ, 2010. 1312 с.
2. *Геродот*. История. Книга VII, Полигимния / пер. Г.А. Стратановского. 1972. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/index.shtml> (дата обращения: 21.02.2024).
3. См. *Дельбрюк Г.* Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории. – СПб.: Наука, 2001. 678 с.
4. *Мандес М.* Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. – Одесса, 1901. URL: <http://www.simpodium.ru/ru/book/export/html/14222> (дата обращения: 12.01.2024).
5. *Павсаний*. Описание Эллады: в переводе С.П. Кондратьева по изданию: «Павсаний. Описание Эллады»: в 2 т. – Л., 1940. URL: <https://hronologia.narod.ru/rausanius.html> (дата обращения: 18.01.2024).
6. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Ликург. URL: <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1439000300> (дата обращения: 04.01.2024).
7. *Пьянков И.В.* История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / ред. А.В. Седов. – М.: Вост. лит., 2004. – 895 с.
8. *Харламова Н.О.* Симонид Кеосский как ранний представитель гражданской лирики. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987. – С. 162–177.

Интернет-ресурсы

9. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=6juiKZp0BmI> (дата обращения: 12.11.2023).
10. URL: https://kino.mail.ru/cinema/movies/721682_300_spartancev/ (дата обращения: 02.09.2023).
11. URL: <https://filmix.biz/films/drama/4359-300-spartancev-pops-2007.html> (дата обращения: 15.09.2023).
12. URL: <https://filmix.biz/films/drama/89669-300-spartancev-rasvet-imperii-300-rise-of-an-empire-2014.html> (дата обращения: 11.10.2023).

**АНТИЧНЫЙ, СЛАВЯНСКИЙ, ТЮРКСКИЙ МИФЫ
И ЭПОСЫ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

**ANCIENT, SLAVIC, TURKIC MYTHS AND EPICS
AS FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF MODERN CULTURE**

**ΑΡΧΑΙΟΙ, ΣΛΑΒΙΚΟΙ, ΤΟΥΡΚΙΚΟΙ ΜΥΘΟΙ ΚΑΙ ΕΠΗ ΩΣ
ΘΕΜΕΛΙΩΔΗ ΘΕΜΕΛΙΑ ΤΗΣ ΣΥΓΧΡΟΝΗΣ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΣ
Η ΜΑΧΗ ΤΩΝ ΘΕΡΜΟΠΥΛΩΝ: ΘΡΥΛΟΙ ΚΑΙ
ΠΡΑΓΜΑΤΙΚΟΤΗΤΕΣ**

Аннотация. Рассмотрены культуры и их подсистемы: Античная, Великой степи (тенгрианство как одно из её оснований), славянский фольклор. Выделены два уровня взаимодействий между ними – мифология и эпос. Первый из них вобрал в себя мифы, связанные с небом, звездами, солнцем, воздушным промежутком, землей, которые обеспечивают фундаментальные взаимодействия между этими культурами. Не менее важное значение имеет также идея гармонии, охватывающей все ритмы мира, создавая их универсальный ритмо-каскад. Великая степь рассмотрена в качестве хартленда («сердцевины», одного из центров) Евразии. От культуры многих десятков, исчезнувших безвозвратно народов, сохранились несколько реликтовых этносов, найдя убежище в горах или сплавившись по сибирским рекам далеко на север. Именно они сохранили культуру народов Великой степи, которая как считают многие историки когда-то была очень высокой и самобытной. На уровне эпосов методологией является компаративистский анализ различных подходов (мифологических, исторических, структурных и т. п.) исследования их структур. При этом значительное внимание уделено сочетанию различных мотивов эпоса: героев, калек-перехожих, эпического времени, языческих влияний, гиперболизации и т. д. Эпосы благодаря огромному количеству исторических, социальных, культурных связей естественным образом взаимодействуют между собой.

Ключевые слова: гармония; миф; этнос; реликт; культура; традиции; коммуникации; методология; структурный подход; классификация; типология; генезис.

Abstract. Cultures and their subsystems are considered: Antique, Great Steppe (Tengrianism as one of its foundations), Slavic folklore. Two levels of interactions between them are identified -mythology and epic. The first of them absorbed myths associated with the sky, stars, sun, air gap, and earth, which provide fundamental interactions between these cultures. No less important is the idea of harmony, covering all the rhythms of the world, creating their universal rhythmic cascade. The Great Steppe is considered as the heartland («core», one of the centers) of Eurasia. From the culture of many dozens of ethnic groups that disappeared irrevocably, preserved as relics, finding refuge in the mountains or rafting along Siberian rivers far to the north. It was they who preserved the culture of the peoples of the Great Steppe, which, according to many historians, was once very high and original. At the level of epics,

the methodology is a comparative analysis of various approaches (mythological, historical, structural, etc.) to the study of their structures. At the same time, considerable attention is paid to the combination of various motifs of the epic: heroes, Kalik- crossers, epic time, pagan influences, hyperbolization, etc. Due to the huge number of historical, social, and cultural connections, epics naturally interact with each other.

Keywords: harmony; myth; ethnos; relic; culture; traditions; communications; methodology; structural approach; classification; typology; genesis.

Введение. Выделим два уровня взаимодействия античной, славянской и тюркской культур: мифологический и эпический. Наиболее исследованной из этих культур является греческая, где сохранились и яркие мифы, и обширный эпос. В славянских культурах в IX–XII, например, на территории Древней Руси шла яростная борьба христианства и язычества. Последнее было беспощадно искоренено и с ним безвозвратно погибли целые пласты славянских мифов. На территории Великой степи также имела место непрерывная череда войн и, хотя терпимость ко многим религиям и конфессиям здесь была в целом выше (не считая отдельных эпох и регионов) также очень многое из мифов и фольклора пропало. В Великой степи возникло тенгрианство – простая и яркая религия (одна из самых древних), которая тесно переплетена с мифами, фольклором и эпосом народов этого обширного региона. Рассмотрим последовательно античный миф, тенгрианство как стержень культуры Великой степи, славянские фольклор и эпос, выделяя при этом области их соприкосновения.

Характерные черты и особенности мифа

Миф имеет очень разветвлённую типологию, которая включает в себя десятки классификационных структур: по природным сферам, богам, поколениям богов, героям и т. п. Мифы имеют явные региональные отличия, а также видоизменялись с течением времени. Принято выделять мифы, связанные с Небом, Звездами, Солнцем, Воздушным промежутком, Землей, хотя эти темы часто тесно переплетены. «Миф – это всегда связь, стержень бесчисленных связей» [1, с. 153].

Небо. «В космогонии появление неба описывается как расчленение хаоса, выделение верха и низа, то есть неба и земли. Их слитность передается в мифах так же, как священный брак неба-отца и земли-матери... В отделении неба от земли участвует божество воздуха, демиург или сам бог неба, например Кронос... Наиболее простое представление о форме неба – это представление о небе как шатре, шалаше, палатке, куполе, который образует стены и крышу, над полом-землей. Мировая гора или держит на своей вершине небо или вершина её есть небо как место обитания богов (например, Олимп)» [2, с. 207]. Небо можно рассматривать как «единого Бога, к которому можно прийти различными путями» [3, с. 207]. Небо всегда рядом с человеком: днем и ночью, на севере или на юге, в море и на суши. как бы ежесекундно приглашает человека прислушаться к нему, постоянно и тихо стучится в душу каждого человека.

Астральные мифы. Чрезвычайно распространенным мотивом астральных мифов является представление о людях, переместившихся на небо и ставших там

звездой или созвездием. Так объясняется происхождение большого числа созвездий и многих звезд... Некоторые созвездия считались следами движения мифологических героев. Происхождение названия «Млечный путь» связано с греческим мифом, согласно которому он возник из разлившихся по небу капель молока богини Геры...» [4, с. 117]. Небо и звезды встречаются в мифологиях большинства народов Земли. В ряде мифов звезды встречаются не только на небе, но и в земле. Так критский Минотавр «был чем-то вроде тени или символа царя и даже получил царское имя Астерий, означавшее «звездный». На некоторых ранних изображениях в центре лабиринта помещена звезда, а не чудовище» [5, с. 32].

Помимо солнца как их главного персонажа «солярными называются также мифы, в которых у героя или героини обнаруживаются солярные черты, то есть черты, сходные с признаками солнца как мифологического героя... Согласно гипотезе английского этнолога Хокарта, солярные мифы этого типа характерны для обществ, в которых увеличиваются функции священного царя...» [2, с. 461–462]. Солярные мифы появились еще в эпоху бронзового века «возможно потому, что солнце олицетворяло огонь, необходимый для металлообработки» [5, с. 29].

Воздушный промежуток. Для античной мифологии характерны представления о четырех ветрах как координатах пространства. В Древней Греции особенной популярностью (в частности у поэтов) пользовались Борей и Зефир, у римлян – Аквилон и Фавоний, которые связывались с четырьмя сторонами света, временами года, природными циклами...» [4, с. 241]. «Так сильный ветер (ураган, буря) является вестником божественного откровения... Ветер рисуется как обиталище множества духов; среди них помещают и души умерших людей» [4, с. 241].

Земля. «Персонифицированная в образе богини – супруги неба, земля фигурирует в мифологиях почти всех народов... В греческой мифологии возникшая из хаоса земля (Гейя) создает из себя небо (Уран), от их брака происходят титаны... При делении космоса на небо, землю и преисподнюю земля (средняя зона) рассматривается как место обитания людей, для которых тем самым перемещение в другую зону обязательно оказывается путешествием вверх или вниз [4, с. 466–467]. Это соответствует разделению шаманов в некоторых сибирских традициях на «черных», способных спускаться вниз, в преисподнюю, к злым духам и «белых», поднимающихся наверх, на небеса к добрым духам.

Тенгрианство в контексте истории Великой степи. Наиболее полное в современных условиях представление о Великой степи дают работы Л.Н. Гумилева, согласно которым Великая степь простирается от Усури до Дуная. С севера она граничит с сибирской тайгой, с юга – с горными хребтами. «Эта географическая зона делится на две половины, непохожие друг на друга. Восточная половина называется Внутренняя Азия: в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан... Западная часть Великой степи ... включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья и даже, в отдельные периоды истории, – венгерскую пушту» [6, с. 70]. Однако две эти половины радикально отличались друг от друга климатом. «Именно в восточной степи создавались

могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов» [6, с. 71]. В Великой степи сменилось много различных народов, подавляющее большинство из которых исчезли. Здесь не было крепостей, в которых можно было бы выдержать длительную осаду как в Китае или в Европе, поэтому нашествие сопровождалось, как правило, истреблением противника или захвата его в рабство. Спрятаться можно было, уйдя в горы или сплавившись по рекам летом или перемещаясь по льду зимой для чего использовались Обь, Иртыш, Енисей, Лена, другие реки. Именно там сохранились реликтовые остатки этих этносов, сильно трансформированные условиями среды и взаимодействиями с другими автохтонными народами.

В Великой степи уживались практически все известные религии: в ставках ханов можно было встретить священные сооружения не только различных религий (христианство, ислам, буддизм, иудаизм), но и конфессий (православие, католицизм). Попытки принять одну религию как манихейство у уйгуров, к тому же считающую реальный мир злом и подавлявшую все остальные религии, обернулось гибелью этого этноса. В Европе и на Ближнем Востоке в это время происходили кровавые религиозные войны. Однако социальные отношения между отдельными этносами Великой степи были неравновесными, приводя к столкновениям, войнам, огромным жертвам. Любопытно, что большинство этносов Великой степи избегали тесных контактов с Китаем, поэтому тщательные и достоверные исторические китайские хроники содержат о них мало сведений.

Подчеркнем несколько важнейших обстоятельств в процессах, посредством которых взаимодействие культур Евразии обусловило развитие человечества, сформировало его современный облик.

1. Тесная взаимосвязь этносов Великой степи внутри Евразийского суперконтинента. Этносы этого огромного региона несмотря на их многообразие и сменяемость друг друга, начиная с первого тысячелетия до нашей эры образовали устойчивую систему, на которую затем наслаивались другие связи и структуры.

2. Взаимодействие идентификационного, коммуникационного и ритмического начал, формирующих устойчивые структуры (ячейки) – внешние характеристики культурного процесса, составленные из их равновесных границ.

3. Наличие катализаторов различных типов: интеллектуальных, культурных, духовных, обусловленных религиями, эпосом, философией, социальными отношениями и т. п.

4. Формирование планетарных сетей (научных, образовательных, экономических, финансовых и т. п.) в результате бурного продвижения обусловленного пятой (компьютер, Интернет) и шестой (компьютерно-информационные сети) информационными революциями.

Славянские фольклор и эпос

Источниками славянских былин, по мнению многих ученых, традиционно считаются: исторический факт, народная праздничная обрядовая песня, народная сказка, припоминания, впечатления, историко-бытовые наслоения. Под историческим фактом понимается конкретные лицо или событие, однако одно дело

отразить факт и другое – обеспечить связь с ним. Народная праздничная обрядовая песня относится, прежде всего, к свадебному ритуалу. Огромное значение также имели обрядовые песни, ориентированные на величание, прославление. Народная сказка часто была первична наряду с историческим фактом, но определение соотношения между ними зависело прежде всего от конкретного исследовательского подхода и от научной школы. Именно когда эти два начала находили друг друга и возникал эпос. Бытовые детали, основанные на припоминаниях, впечатлениях, переосмыслениях событий – исторических, обыденных, сакральных, завершают этот «гобелен», ткнут былевой текст. В основном они служат дополнениями, украшениями, разработкой основной линии самобытными яркими деталями.

Структура эпического сказания

Эпос в отличие, например, от сказок малособытиен, что подчёркивает его близость к историческим фактам [7]. Зачин-завязка, в качестве которого обычно выступает: а) пирование; б) выезд богатыря; в) нашествие врагов. Здесь иногда используются запевы, ориентированные на формирование торжественного настроения слушателей. При этом используется любование природой или перечисляются реки, города, что должно означать локацию последующего действия. Развитие действия – всегда связано с главным героем, концентрируется вокруг него.

Темы могут быть одни и те же, но если богатыри разные, то развитие сюжета идет различными путями. Кульминация – описание схватки богатыря и противника. Развязка – побежденного врага привозят князю. Иногда былины заканчиваются исходами – рассуждениями о длительности сказания данной былины, её исторической достоверности и т. п.

Основные характерные черты и структура былин.

1. Эпическое время. Эпос переносит свое действие в своеобразное «эпическое время», например, в Новгород, ко двору князя Владимира и так далее.

2. Языческие мотивы, несомненно, присутствовали и даже наверняка преобладали в сказаниях IX–XII веков.

3. Главной силой, авторитетом в эпическое время были отнюдь не князь, а богатыри и духовные лидеры, которыми обычно выступают «калики-перехожие».

4. Значение героев в народной версии эпоса противопоставляется официальной княжеской.

5. Калики-перехожие – вторая, после богатырей основная группа героев былин. Это традиционные вестники, которые всегда помогают богатырям, оказываясь в нужное время в нужном месте.

Специальными приемами эпоса являются противопоставление (контраст), гиперболизация, диалоги, повторы. Гиперболизуется сила богатырей и их противников, численность войска врагов, размеры дани. Иногда именно в диалогах содержится драматизм ситуации – резкий поворот, обретение героем своей силы или позиции. Повторы бывают двукратными, трёхкратными и имеют назначение сделать акценты на излагаемой ими мысли или событии. Для подобных целей также использовались загадки, поговорки.

Дискуссия и заключение. Три основных идеи тенгрианства: идентификация, коммуникация, ритмизация мифов и эпосов способны объединить упомянутые выше культуры. Идея идентификации на основе единого начала прослеживается в всех рассмотренных выше сферах культур. К ней сводятся фундаментальные характеристики неба, звезд, солнца, воздушного промежутка, земли. Идея коммуникации пронизывает все рассмотренные выше сферы, стремясь оптимально объединить их в единую систему. Идея мировой гармонии охватывает все ритмы мира: неба, земли, воздуха, солнца, звезд, которые устойчиво взаимодействуют друг с другом, создавая универсальный ритмо-каскад мировой гармонии.

Культура народов Великой степи долгое время оставалась очень плохо изученной. Первая основная причина заключается в том, что от артефактов кочевнических народов мало что сохранилось поскольку для обеспечения своей жизнедеятельности они использовали легко разрушающиеся материалы, но тем не менее археологи доказали, что их культура первого тысячелетия до н. э. была самобытной и высокой. Однако самое главное культурное достижение народов Великой степи – посредничество между Китаем, Ираном, Индией, Византией, Россией, государствами Центральной Азии. Вторая основная причина – потребность в философском осмыслении этих процессов. Никакой специализированный подход (исторический, этнографический, социологический и т. п.) как бы он не был глубок не может обеспечить универсалистского исследования этих проблем, но это может сделать подход философский, ориентированный к тому же на свои предельные основания.

Образ Тенгри, по мнению А.П. Окладникова и А.И. Мазина, объединил различные грани мироздания [8]. С одной стороны, это реальность Мира, включающая Небо, Солнце, Луну, Землю, их подсистемы, структуры и элементы. С другой стороны, виртуальные представления о Мире, все его уровни, наглядно представленные в Олонхо, в том числе и мировая гармония – связующее звено этих миров. Судить о религии и мировоззрении Тенгри мы можем только косвенно, однако общие контуры и идеалы гармонии просвечивают сквозь тьму веков и тысячелетий.

В славянском эпосе раннего периода (IX–XIII вв.) исторический факт и его поэтическая интерпретация настолько тесно переплетены, что разделить их невозможно. Былины раннего цикла являются самыми светлыми в всем русском эпосе. Начиная с 1970-х гг. бурно развивается структурный анализ славянского эпоса. Это вполне целесообразно, поскольку славянский эпос прост, имеет вполне определенные сюжетные блоки, устойчивые связи между ними, что позволяет сформировать общую его структуру. Фольклор всех славянских эпосов может быть исследован на основе генетической типологии как общему у родственных народов исходному наследию.

Русский эпос традиционно сравнивался с древнегреческим эпосом. Характерно полное название, вынесенное Н.И. Гнедичем на титульный лист переведенной им Илиады – «Простонародные песни нынешних греков с подлинником. Изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения

их с простонародными песнями русскими и примечаниями» [9]. Гнедич изучил историю взаимных влияний культур славян и греков. Он считал, что в истории народов имела место культурно-бытовая ассимиляция. В России к Древней Греции всегда был значительный интерес и напрямую, и через Византийскую культуру, посредством прежде всего типологических схождений.

Если сравнивать русский эпос с якутским олонхо (типологические сходения), то можно отметить, что последнее более разнообразно по стилям и текстовому оформлению. В Олонхо поражает обилие эпитетов, прилагательных, которые характеризуют героя, утварь, боевое снаряжение растягиваются иногда на полстраницы текста. А, например, в знаменитой былине «Садко» каждая строка начинается с «А» или с «Ай» – «А как ведь во славном в Новеграде / Ай как был Садко до гусельщик от...» [10, с. 52]. И так все пятнадцать страниц. Довольно однообразно, тогда как в Олонхо все запевы, начала, повторы, формулы (общие места) постоянно варьируются.

Литература

1. *Борхес Х.-Л.* Двойник Магомета: рассказы и эссе (1932–1970) / пер. с исп. – СПб.: Кристалл, 2002. – 191 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 719 с.
3. *Данилова В.С., Кожевников Н.Н.* Научное, религиозное и философское осмысление Неба // Айыы Тангара и кузнечный культ в тэнгрианстве: сб. статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19–21.09.2018, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия). – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2019. С. 19–28.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 671 с.
5. *Филип Н.* Мифология. Энциклопедия / пер. с англ. – М.: ЗАО «Росмэн-Пресс», 2005. – 160 с.
6. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К», 1993. – 527 с.
7. *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. – Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958. – 389 с.
8. *Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 193 с.
9. «Простонародные песни нынешних греков с подлинником». Санктпетербург: Изд. Николая Греча, 1825.
10. Былины. «Садко». Героический эпос народов СССР. Т. 1. Библиотека Всемирной литературы. – М.: Худ. литература, 1975. – С. 52–66.

**КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «КОНЬ»:
ПРОБЛЕМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ**

**THE CULTURAL CONCEPT OF «HORSE»:
THE PROBLEM OF VERBALIZATION**

**ΠΟΛΙΤΙΣΤΙΚΗ ΕΝΝΟΙΑ «ΑΛΟΓΟ»:
ΤΟ ΠΡΟΒΛΗΜΑ ΤΗΣ ΛΕΚΤΙΚΗΣ ΕΚΦΡΑΣΗΣ**

Коренной ты мой,
Выручай же, брат!
Ты куда, родной....

В. Высоцкий

Аннотация. В современной лингвистике становится общепризнанным положение о языке как когнитивном механизме. Ученые исследуют процесс и результат реализации в языке познавательных возможностей человека. Концептуализация мира формируется посредством элементарных универсальных смыслов, в которых через миропонимание гениальной языковой личности отражается духовная культура народа. Когнитология интерпретирует язык как общий познавательный механизм. Концепт – центральное понятие когнитологии, понятие не только логико-философское, но и лингвистическое. В статье исследуется проблема вербализации концепта «конь».

Ключевые слова: когнитология; концепт; конь; Дж. Байрон; Н. Бараташвили.

Abstract. In modern linguistics, the position of language as a cognitive mechanism is becoming generally accepted. Scientists are investigating the process and result of the realization of human cognitive capabilities in language. The conceptualization of the world is formed through elementary universal meanings, in which the spiritual culture of the people is reflected through the worldview of a brilliant linguistic personality. Cognitive science interprets language as a general cognitive mechanism. The concept is the central concept of cognitive science, a concept not only logical and philosophical, but also linguistic. The article explores the problem of verbalization of the concept «horse».

Keywords: cognitive science; concept; horse; J. Byron; N. Baratashvili.

Феномен концепта привлек внимание ученых серебряного века. С.А. Аскольдов-Алексеев определял концепт как «мгновенное и трудноуловимое мелькание «чего-то» в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей», и выделял его свойства: концепт как единица языка и мысли обладает: 1) функцией замещения различных представлений (предметов) в процессе мышления; 2) концепт определяется как иерархически организованная структура, каждый элемент которой стремится к большему уровню образования

[Аскольдов-Алексеев, 1928, с. 29]. Слово, в котором отражается понятие, может быть концептом в том случае, если оно отвечает определенным требованиям. Такими критериями, по А. Вежбицкой, могут считаться следующие:

- 1) быть общеупотребительным;
- 2) находиться в центре фразеологического семейства;
- 3) часто использоваться в какой-то семантической сфере;
- 4) часто встречаться в пословицах и изречениях, в популярных песнях и названиях книг;
- 5) быть в состоянии выразить в данной культуре что-то существенное и не тривиальное [Вежбицкая, 1997, 2001]. Имплицитно в концепте может быть заключена система понятий, несущая в себе определенную идею, тенденцию, воззрение, обобщение.

Концепты не только мыслятся, они и переживаются. «Художественные концепты, существующие в сознании автора и отражающиеся в тексте, тяготеют к потенциальным образам. Они могут выполнять функцию «заместительства», в том числе потенциального» [Аскольдов-Алексеев, 1998]; стать результатом «столкновения словарного значения с его личным или народным наполнением [Лихачев, 1997]. Ключевые слова поэзии образуют научные оппозиции, за сочетанием которых скрыты особенности философии поэта. Индивидуальное начало, внутреннее «эго» становится своеобразным катализатором, который преобразует всплески личностных ассоциаций в языковые образы мира.

«Чем яснее становится моя мысль, тем ближе она к оформленным продуктам научного творчества. Этот путь, ведущий от содержания индивидуальной психики к содержанию культуры, – долог, труден, но это один путь, и на всем протяжении, на всех своих этапах он определяется одной и той же социально-экономической закономерностью. И на всех этапах этого пути человеческое сознание работает словом, этим самым тонким, но и самым запутанным преломлением социально-экономической закономерности» [Волошинов, 1995, с. 165–166].

Процесс и результат вербализации концептов продемонстрируем на материалах лирических шедевров, обогативших литературу планеты Земля: *Чу... топот звонкий раздается... / Какой же всадник там несется / На скакуне во весь опор?* Это герой поэмы Дж. Байрона «Гяур», герой нового времени и направления – романтизма. Байрон овладел умами своего времени.

Сравнивая двух гениев – Гете и Байрона – Мицкевич замечал: «Как неудачны все сравнения Гете с Байроном!... Один пишет, чтобы создать творения искусства, другой – излить собственные чувства. Байрон возвысил и облагородил достоинства поэта и человека» [Мицкевич, 1976, с. 294].

В тексте поэмы можно определить целый синонимический ряд, включающий описание Гяура, мчавшегося на быстром скакуне (всадник, беглец, путник, наездник) и описания – сравнения: Гяур – черная беда, Гяур – самум в степи; Гяур – коршун, который противопоставляется Гяуру – голубю, Гяуру – лебедю: *Я верен был как голубь нежный / Своей голубке белоснежной.* В контексте поэмы хищный

коршун выступает в роли антонима к голубке, лебедю (образ Лейлы, возлюбленной Гяура).

Психическое состояние, наиболее характерное для Гяура – это гнев, тоска, отчаяние. Гяур глубоко страдает из-за несовершенства мира – и своего собственного. Страдающий герой – это не случайность.

Поэзия – наслаждение. Но поэтическое произведение должно перевернуть душу читателя, довести до предела, «прошибить» человека, только тогда наступит катарсис, через трагическое очищение, через страдание из-за нарушения калократии – дисгармонии системы прекрасного и добродетельного.

Гяур испытывает всю гамму чувств, получивших в научной литературе наименование базовых психических состояний [Лазариди, 20001]: это страх (застывший в ужасе), беспокойство (его душе был чужд покой), гнев (или старый гнев в душе носить), грусть (и вдруг с отчаянной тоской потряс он в воздухе рукой), отсутствие радости (прочесть нерадостную повесть).

В «Гяуре» таился «дух мятежный», это человек необыкновенный. Страстный, сильный. В гневе «в лице он краской разлился» – а это те выразительные движения, которые обычно сопровождают состояние «злость». «Резцом из мрамора оно, казалось, было создано». Неадекватная реакция Гяура также свидетельствует о его неординарности.

Завершается поэма исповедью Гяура, пронзительной искренностью человека, стоявшего у края пропасти, перед близким концом жизни. Здесь нет раскаяния, но есть четкое осознание одиночества: «О всем ты Расскажи ему, Что ясно взору твоему: Об этом теле истощенном, О сердце, страстью разоренном, Скажи, что чувств мятежный бег Обломок выбросил на брег, Скажи, что я лишь свиток пыльный, Листок оборванный, бессильный, Перед покорным ветром бед»...

And tell him – What thou dost behold! The wither d frame, the ruin d mind, The wrack by passion left behind, A shrivel d scroll, a scatter d leaf, Sear d by the autumn blast of grief!

Но Гяур – всадник. А что же такое конь, каков конь романтического героя? Конь легкий, гордый; наездник и конь составляют одно целое: стрелой ты мимо пролетишь; и как стрела из лука помчался вновь в ночную тьму; как демон мчался он ночной... Конь Гяура – быстрый скакун, романтический, сказочный, под стать своему мятежному хозяину.

Поэтические шедевры Бараташвили и Мицкевича складывались в духе своего времени и, конечно, под влиянием восточных поэм Байрона. Герои их поэм – одиноки, не поняты, мятежны; их кони – это «alter ego» своих хозяев, необходимая принадлежность романтических поэм.

«Каждый удар сердца ранит и терзает нас, и жизнь стала бы безудержно кровоточащей раной, если бы в мире не было поэзии». Так говорил известный грузинский поэт и просветитель Илья Чавчавадзе, когда прах Николоза Бараташвили, великого сына Грузии, поэта, написавшего несколько десятков стихотворений, ставших явлением национального масштаба – перевозили на родину

с чужбины – из Гянджи, где он скончался всего 29 лет от роду (прах перевезли в 1893 году, через 47 лет после смерти поэта).

Как тут не вспомнить Дж. Байрона, М. Лермонтова, А. Мицкевича – поэтов, тысячами ассоциаций, связанных друг с другом, почивших, как и Н. Бараташвили, на чужбине, вдали от родного дома.

Восхищаясь их поэзией, сочувствуя их судьбе, с особой силой переживаешь пронзительную любовь к поэтам, подаренным нам свыше, не понятым на земле. Но нас незримо влечет к ним красота, удивительная гармония, неземная прелесть их поэзии.

Шедевр Н. Бараташвили – стихотворение «Мерани» – сравнивали с «Фарисом» А. Мицкевича, с отдельными главами «Чайльд Гарольда» и «Гяура» Дж. Байрона, с «Пьяным кораблем» А. Рембо, с «Вороном» Э. По.

В нашем исследовании остановимся на сопоставлении внутреннего состояния героев «Мерани», которые, на наш взгляд, очень похожи друг на друга высоким накалом страстей, удивительной аккумуляцией поэтической энергии, где обреченность и отчаяние сливаются с непокорностью, с верой в свою звезду, в возможность преодоления всех преград. Приведем текст «Мерани» в оригинале (три строфы) и в переводе Бориса Пастернака:

მირზის, მიმაფრენს უგზო-უკვლოდ ჩემი მერანი,
უკან მომჩხავის თვალბედითი შავი ყორანი!
გასწი, მერანო, შენს ჭენებას არ აქვს სამძღვარი,
და ნიავს მიეც ფიქრი ჩემი, შავად მღელვარი!

გაკვეთე ქარი, გააპე წყალი, გარდაიარე კლდენი და ღრენი,
გასწი, გაკურცხლე და შემიმოკლე მოუთმენელსა სავალნი დღენი!
ნუ შეეფარვი, ჩემო მფრინავო, ნუცა სიცხესა, ნუცა ავდარსა,
ნუ შემიბრალებ დაქანცულობით თავგანწირულსა შენსა მხედარსა!

რაა, მოვშორდე ჩემსა მამულსა, მოვაკლდე სწორთა და მეგობარსა,
ნულა ვიხილავ ჩემთა მშობელთა და ჩემსა სატრფოს, ტკბილმოუბარსა;
საც დამიღამდეს, იქ გამითენდეს, იქ იყოს ჩემი მიწა სამშობლო,
მხოლოდ ვარსკვლავთა, თანამავალთა, ვამცნო გულისა მე საიდუმლო!

МЕРАНИ

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей.
Вперед, вперед, не ведая преград.
Сквозь вихрь и град, и снег, и непогоду

Ты должен сохранить мне дни и годы.
Вперед, вперед, куда глаза глядят!
Пусть отрешусь я от семейных уз.
Мне все равно. Где ночь в пути нагрянет,
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звездам в небе в подданство впишусь.
Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!
Пусть я не буду дома погребен,
Пусть не рыдает обо мне супруга,
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.
Крик беркутов заменит певчих хор,
Роса небесная меня оплачет.
Вперед! Я слаб, но ничего не значит.
Вперед, мой конь, вперед во весь опор.
Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!
Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.
Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!

Крылатый конь – Мерани – стрелой несется «сквозь вихрь и град, сквозь снег и непогоду». В этой безумной скачке лирический герой обретает возможность вырваться из оков судьбы: одиночества, непонятности, смятения. Он предчувствует смерть на чужбине, где ворон выроет ему могилу. Но когда-нибудь люди в поисках лучшего пройдут по его следу. Человек – не раб своей судьбы – в этом оптимистическое звучание «Мерани».

Проследим за тем, как поэт развертывают систему образов: конь, ветер, вихрь, град, снег, герой-безумец.

В поэме Н. Бараташвили «Мерани» смерть мчится за героем, «вдогонку ворон каркает угрюмо». Но нет здесь страха, покорности судьбе, ропота слабого

духом из-за превратностей судьбы. Лирический герой может погибнуть в борьбе со смертью, но он не запятнает чести:

Смерть: Ворон каркает угрюмо / Печаль и думу. / Вихрь, град, снег, непогода / Ночная даль моим ночлегом станет / Я к звездам в небо в подданство впишусь / Пусть я не буду дома погребен / Рыдать, завывать, оплакать / Могилу ворон выроет / Крик беркутов заменит певчих хор / Я слаб; пусть я умру.

Стихотворение (поэма) Н. Бараташвили построено таким образом, что тема смерти развивается последовательно, с начала до конца произведения (I и IX строфы повторяются). Смерть неотвратима, но человек не раб судьбы: «Вперед, вперед, не ведая преград!».

Средства обозначения состояний укладываются в форму НФП не только в русском (ср.: поле «радость», «страх», «беспокойство», «злость», «стыд», «горе» и др.), но и в грузинском (*сихарули* – радость, *шиши* – страх, *миухареба* – беспокойство, *боротоба* – злость, *сирихвили* – стыд, *чири* – горе) языках. Это одна из задач, решение которой будет способствовать лучшему пониманию гениального творения грузинского поэта (на языке оригинала и переводов).

Говоря о вербализации концепта «конь» в романтических поэмах, следует отметить, что здесь больше общего, чем индивидуального, этнокультурного. Думается, что созданию образа коня-птицы способствовали народные мифы, сказания, легенды: это Тулпар в восточных сказках, образ арабского скакуна – мечты, крылатый конь – Пегас. В греческой мифологии Пегас, как плод связи Медузы Горгоны с Посейдоном, появился из капель крови Медузы, когда ее убил Персей. Имя Пегас получил оттого, что родился у истоков океана (греч. «источник»).

Он вознесся на Олимп и доставлял там громы и молнии Зевсу. По другому мифу, боги подарили Пегаса Беллерофонту, и тот, взлетев на нем, убил крылатое чудовище Химеру, опустошавшее страну. Ударом копыта Пегас выбил на Геликоне источник Гиппокрену (лошадиный источник), вода которого дарует вдохновение поэтам [Мифологический словарь, 1991].

Конь – атрибут ряда божеств. На коне передвигаются (по небу из одной стихии в другую) боги и герои. Поэт преобразует божественное в человеческое и возводит человеческое на уровень божественного. В акте поэтического творчества средоточием, соединяющим эти сферы, являются язык, речь, слово Поэта (ср.: мифологическую формулу мысль, принадлежащая миру богов – слово – дело) [Мифы народов мира, 1997, с. 327–328].

Каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ концептуализации: каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

В славянской традиции тоже могут существовать кони-птицы, летящие по небу вместе со всадником, но акцент переносится со сверхъестественных способностей скакунов на другие качества и достоинства. В сказке П. Ершова «Конек-горбунок»

златогривая кобылица говорит главному герою: «Отпусти меня скорей, Двух рожу тебе коней, Да таких, каких поныне Не бывало и в помине, Да рожу еще конька, Ростом только в два вершка... На земле и под землей, Он *товарищ* будет твой».

В «Песне о вещем Олеге» князь спрашивает слуг: «А где мой? – промолвил Олег, скажи, где конь мой ретивый?». Лучшие слова припасены для коня: верный друг, мой товарищ, благородные кости (коня). Хозяин не хочет расставаться с конем и в потустороннем мире, сожалеет о разлуке с другом: «Спи, друг одинокий! Твой старый хозяин тебя пережил. На тризне уже недалекой Не ты под секирой ковыль обagriшь И жаркою кровью мой прах напоишь».

Герои народных песен, поэтических произведений, сказок, легенд, сказаний в первую очередь воспринимают коня как существо близкое, родное, как друга и соратника, который выручит, поймет, поможет в трудную минуту; с конем делятся всеми душевными переживаниями: Что ты ржешь, мой конь ретивый, Что ты шею опустил, Не потряхиваешь гривой, Не грызешь своих удила? (Пушкин, Конь).

В народной песне герой прощается с жизнью, а коня просит передать родным, что он жив, чтобы не печалить близких: «Не кажи, коню, що я втопився, А кажи, коню, що я женився, Крути береги – бояре мои, Холодна вода – да то молода...».

Коня снисходительно могут назвать «конягой» (Салтыков-Щедрин), поэтично «птица-тройка» (Гоголь), посвятить душераздирающий рассказ («Холстомер» Л. Толстой), пожалеть от всего сердца (заодно и хозяев). Ср.: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня, моего коня белогривого», «Пара гнедых» А. Апухтина, «Еще тройка» П. Вяземского. Это отношение выразилось и в пословицах: «Конь о четырех ногах, да спотыкается».

Концепт «конь» характерен для хозяйственной жизни людей с первобытных времен, поэтому он становится мерилем человеческих свойств, поведения человека, народной этики: *Дареному коню в зубы не смотрят, С чужого коня с грязи долой, Старый конь борозды не испортит, Конь еще не валялся, Не в коня корм, Оседлать любимого конька* и др. Славяне акцентируют внимание на общих этических нормах (не привередничай, чужого не бери, цени старших, не ленись, будь скромным и др.).

Пословицы и поговорки, изречения народов, которые вели кочевой образ жизни и в силу этих причин еще более тесно связаны с животными, с природой, с землей, отражая общие этические нормы, дают и конкретные, жизненно необходимые советы, тонко подмечая те или иные свойства коней, основываясь на которых следует делать выбор, строить отношения в обществе. Приведем в качестве примера кыргызские пословицы с концептом «конь».

Азоого тушоо. Заносчивого коня построже взнуздывают / Айгыр болор кулундун жаак эти чон болот. У жеребенка, который будет племенным, мышцы на скулах большие / Кулукко кун салгына, байталга бак берсин. Чем о скакуне мечтать, лучше кобыле счастья пожелай / Арык атка камчы уйур, жыртып уйго тамчы уйур. Тощую лошадь плетью подгоняют, рваную юрту дождь одолевает / Арык

аткатуз бербе, акылсызга кыз бербе. Худому коню соли не давай, за безумного дочь не выдавай / Ат сураган кордук эмес, ээр – токум сураган. Коня просить не позор, просить седло – позор / Ат эрдин канаты. Конь – крылья молодца.

Таким образом, для существования понятия как концепта необходимо ассоциативное пространство, которое выступает в виде этнокультурного фона, ибо концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово [Степанов, 1997].

Выявление концепта, анализ пути его вербализации, то есть способа приобретения мыслью словесного выражения, показа, как мысль обретает плоть, определение культурной ценности системы концептов того или иного этноса способствует познанию алгоритма формирования концептуальной картины мира данного народа.

Аксиоматично утверждение о существовании концептов-универсалий, своего рода архетипических концептов (наряду с индивидуальными концептами), присутствующих различным народам мира; этнокультурный фон составляет ассоциации, содержащие этническую специфику данного концепта.

Литература

1. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия / под ред. Л.В. Щербы. – Л., 1928.
2. *Байрон Дж. Г.* Гяур. Фрагменты турецкой повести / пер. С. Ильина. – М., 1987. – С. 149–306.
3. *Бараташвили Н.* Мерани // Стихотворения, поэмы, письма. – Тбилиси, 1968. – С. 15.
4. *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. – М., 1997.
5. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
6. *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: Аста-Пресс LTD, 1995.
7. *Ершов П.* Сказка о коньке-горбунке. – М., 1986.
8. Киргизские пословицы, поговорки, изречения // сост. С. Шамбаев. – Фрунзе, 1979.
9. *Лазариди М.И.* Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2001. – С. 15.
10. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. – М., 1997.
11. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. – М., 1991. – С. 432–433.
12. Мифы народов мира. Т. II. – М., 1997.
13. *Павиленис Р.И.* Проблемы смысла. – М., 1983.
14. *Пушкин А.С.* Песнь о вещем Олеге. – М., 1985.

15. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
16. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. – М., 1978.
17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М., 1967.

Л.И. Табенкин
Россия, Москва

ЗАМЕТКИ, МЫСЛИ, ВОСПОМИНАНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

NOTES, THOUGHTS, MEMORIES OF DIFFERENT YEARS

ΣΗΜΕΙΩΣΕΙΣ, ΣΚΕΨΕΙΣ ΚΑΙ ΑΝΑΜΝΗΣΕΙΣ ΑΠΟ ΔΙΑΦΟΡΕΤΙΚΑ ΧΡΟΝΙΑ

Две тысячи лет назад в Иудее родился мальчик. Он был наделён особым даром – умел сострадать, отличать правду от лжи, прощать. Богатые и спесивые убили его. Мать Его страдала и видела его страшную смерть, смерть безвинного и безгрешного человека. И вот уже столько лет люди, в своей неприкаянности, беспомощности перед лицом чуждого и равнодушного мира, надеются на него и просят Его о помощи. Его и Его мать, этих бедных страдальцев.

Только бессмысленное придаёт жизни какой-то смысл.

Когда любишь, на тысячу обвинений найдешь тысячу извинений, а когда не любишь, ни одного.

Вечером было боязливо. Трещали дрова. Тусклый свет. Зато утром мы выходили на улицу, всё сверкало. Бабушка молилась Богу, благодарила за жизнь. Рядом прыгала собака Чита. Мы шли к Головкину за хлебом. Конечно, никакого Головкина уже сорок лет как не было, а просто булочная, но когда-то он был, на праздники дарил детям конфетные наборы и говорил ласковые слова. Потом покупали где-то ветчину. Удивительно, как бабушка была широка, при нищенской пенсии, с ней всегда было ощущение богатства и изобилия, какого я потом в жизни не видел. А потом готовился удивительный обед. И я сидел на диване со слониками, смотрел журнал Огонёк с красивым Сталиным в генеральском мундире. А потом ложился спать. Спали с бабушкой на одной и единственной кровати, я у стенки, на которой был ковер – царь идёт с платочком, выбирая себе невесту. Из каких столетий ковёр? И горящая лампада со специальным, доставаемым с трудом маслом. Перед сном бабушка говорила: Лёвик, давай из крантика пописай. И я засыпал блаженным сном. А за стеной дед читал книжку о рыбах, как их удить, стучал молотком, починяя ботинки очаровательным, забегающим так на коротко молодыухам. Чем не

гармония? Гармония детства. Дед был балагур. Никого из женщин не оставлял без внимания, а они рассказывали о своих бедах. «Вот, дядя Ваня, как жить.» Запахи, шорохи, свет солнца. Самое прекрасное начало лета. Я закончил какой-то класс и пришёл к бабушке. Сел в саду и открыл Библию – «Песнь песней». Не столько я думал о любви, но это невероятное магическое, как заклинание, слово. Поэзия, превращающаяся в зримые образы, соединилась с ярким цветущим летним днём. Как это назвать? Упоение. Никогда больше я не испытывал такого чувства восторга. Я тогда осознал связь времён. Чувства, даже не чувства, а упоение, безумие этих людей, этих слов горели в моей душе, как самая великая музыка. «От избытка сердца говорят уста».

Искусство – это единственный выход из этой «Круглой клетки жизни», как говорил Омар Хайям. Всё остальное призрачно. Призрачная химера фантазии одна реальна.

Художник подобен тому ребёнку, о котором взрослые не позаботились и не купили игрушки. И вот он сам пытается создать себе то, в чём нуждается и чего нет вокруг. Возможно, так было не всегда? Впечатление, что Тициан и Венецианцы вообще просто брали всё вокруг. Или это всё же отражение богатства их духа.

Булгаков в «Собачьем сердце» оптимистично вернул монстра в его естественное состояние. Это указывает на позитивные моральные основы социума, в котором он был воспитан. Но на деле закрыть ящик Пандоры не представляется возможным, в чём мы убеждаемся вновь и вновь.

У человека потенциал разума и доброй воли ничтожен по сравнению с волей инстинкта, который не имеет ни каких поползновений к морали. Отсюда мы имеем такую жизнь, какая она есть.

Бывают в истории человечества моменты, которые опровергают всю серость и бессмыслицу человеческого существования. Христос, идущий по водам, Ван Гог в Арле и Овере, Сервантес, пишущий Дон Кихота в тюрьме. Откуда такой подъём? Мы не знаем.

Молодость приходит в жизнь с векселями, предъявляемыми ею к оплате. Как правило, они ничем не обеспечены, но ей это и невдомёк. Такова уж её закономерная сущность. Потом она породит новую затхлость, но начинается с опровержения.

Уйти от наказания невозможно. Оно следует за грехом неизбежно, как за приливом отлив. Если Вы надумали идти своей дорогой, то должны быть готовы к оплёвыванию, равнодушию и забвению ваших усилий. Но есть всё же что-то, что тянет к этой стезе. Возможно – это то ощущение бессмертия духа, которое приходит оттуда, где он и хранится.

Все удовольствия, кроме духовных, есть формы рабства.

Чтобы создать то, что создал Гойя, нужно всё же быть причастным к дьявольщине или, по крайней мере, осознавать её. Откуда такая ужасающая реальность? Уходит в эти миры. Может быть, побеждает мрак своими распахнутыми руками, своим гением, реализацией красоты. Но видел всё, все бездны. Достоевский

продолжил это занятие. Открывать всю изнанку бытия. Шопенгауэр со своей нелицеприятной изнанкой человеческой психологии. Это гении нового времени.

Царь Давид сказал: «Много теснили меня от юности моей, но Я не упал, удержался, устоял». Парадоксально, что сына, восставшего против него, звали Авессалом, как я понимаю. Приветствующий отца.

Всё где-то есть. И масштабные образы, и поразительные видения, и поразительная пластика, и масштабные прорывы, но человек видит из всего только то, что ему дано. Или, если хотите, чего он достоин.

Смолоду нужно было учиться говорить. Появилось это высказывание. Хриплое, косноязычное, с затруднённым дыханием. Но оно имеет место быть. Надежда, то из ящика Пандоры, что не имело хода, и потому нам досталось.

Режиссёр Бергман говорил, насколько уж я помню, что, когда он не работает, его начинают одолевать бесы, то есть теряется и пропадает. О себе могу сказать то же. Только, работая, обретаешь смысл, удовлетворение, твёрдое сознание. Это как после блуждания по лесу густому, во мраке, выходишь на просторную дорогу. Или, если хотите, встаёшь в строй после самовольного отсутствия. В строй воинов света. Выходит, человек не может сам по себе, должен только быть приобщён, питаться от какой-то стихии. Не дай Бог, стихии зла.

За всё хорошее, что даётся тебе в этом мире, за любовь, с тебя потом, когда теряешь, взимается плата, непомерная плата, по крайней мере, по моим возможностям.

Я всё думал, как обидно, ну никакого доброго дяди с подарками, ни ангела с неба, хоть поговорить. Но когда страшный пожар остановился перед моей дверью, где хранится почти всё, что я сделал, тут уж подумал: «Нет уж, братец, а ангелы-то есть. Только приходят они тогда, когда это очень нужно».

Тот, кто нас такими придумал, всё же должен за нас отвечать. Мы с этим грузом самостоятельной ответственности явно не справляемся.

Молодость – это такие ясные ориентиры, такие прекрасные перспективы. Просто благодать. Но потом оказывается по жизни, что, видно, был сбит фокус понимания, ориентировка на местности нарушена, внутренние импульсы постоянно превалировали над объективной оценкой окружающего мира. Молодость – это эйфория, ловушка, расставленная природой для продолжения рода. Трудно говорить, но я не променяю горечь осознания, опыт неудач и поражений, оскомину пережитых страданий на энтузиазм молодости, иллюзии, наивную веру в придуманные сладкие мифы. Всё же опыт – это отмытое золото. Страшновато признавать, что столько прекрасных иллюзий – это шлак, смытый в канализацию.

Благодушие опасно. Оно сразу воспринимается, как сигнал, что тебе можно жрать.

Всё же самые высокие результаты происходят из сочетания двух начал, земного, материального и высокого духовного энтузиазма. Выше всех здесь голландцы. Ван Гог, Рембрандт. Ни у кого больше плоть столь материальна и, в то же время, столь одухотворена божественной энергией.

Таланта и оригинальности на земле отпущено крайне мало, а амбиций у людей колоссально много. Коренящееся здесь противоречие, вкуче со злой волей – хворост для всех аутодафе от Пифагора и Сократа до Оскара Уайльда и Пушкина.

Гераклит говорил тем, кто поносил его: «Меня будут помнить и через 500 лет, когда Ваши имена исчезнут во мраке». Так оно и вышло. Но Завтра! Это вечный аргумент вечно нищей праведности против чванливого порока. Несмотря на всё величие Гераклита, всегда первым назовут Сократа. Он ничего ни от кого не ждал, и от времени также. Видимо, больше всех знал о законах мироустройства, которые глубоко равнодушны к человеческой воле.

Цвет – это состояние души. Здесь обмануть нельзя. Если там у Вас затхлость, а Вы пытаетесь малевать яркими красками, то, чем они ярче, тем дальше хочется от этого бежать.

Тот, кто пытается строить свои интересы по вертикали, тогда как вся жизнь строится по горизонтали, неизбежно выпадает из общей системы координат.

Чем грандиознее мистификация, тем мизернее содержательная база.

Почему всё же боги гnevаются на Прометея за то, что он пожалел людей и украл для них огонь с неба? Всегда его мотивы и деяния воспринимались в благородном ключе. А, может, боги просто знали, как люди способны использовать его дар во зло для созданного ими мира? И, благодаря его дару, заняли неподобающее им место. Это подобно тому, как Леонардо засекретил свои открытия, поскольку люди способны употребить их только для уничтожения. Так что Прометей был Титан, но не Бог.

Вождение – это суть, движущий нерв человеческой природы. На что надеялся Христос?

Только, если Вы уверены в своём месте в профессии, Вы способны признать чужие заслуги. В противном случае инстинкт самосохранения немедленно выдаёт команду «Топтать!».

Читаю философов и думаю, что между ними всеми и Христом разница та, что они догадываются об истине, а он её знает.

Кто такой Христос, помимо всего прочего? Человек, лишённый эгоизма. Отсюда, всё сколь ни будь значительное, что может создать человек, только через обуздание своего эгоизма. Самый яркий пример – Ван Гог.

В истории с грешницей Христос писал на песке. Это то же, что говорят все религии и буддизм о стирании, забвении грехов, как написанного на песке. Он прощал, стирал её грехи из книги жизни. Это колоссальный прорыв из мира обречённости, мира ответственности в мир надежды.

Кто вспомнил бы сегодня 2-е и 3-е Мая 1808 года в Мадриде? Что эти события рядом с реками пролитой в XX веке крови? И в той же Испании во время Гражданской войны. Но, после Гойи, это стали события вселенского масштаба, как Троянская война или высадка в Нормандии. Вот это сила искусства! Если оно великое, то всё становится великим и значимым, чего оно касается. Как оно и есть на самом деле. Поскольку оно рассматривает и представляет все события в сфере

гуманизма и общечеловеческой морали, что значимо всегда. Сюда же прибавим и Гернику Пикассо.

В Новое время кто ещё потянет рядом с Гойей? Только Ван Гог с его «Ночным кафе», отрезанным ухом, безумием и неистовством цвета. Только он так же выходит за грани возможного. Все прочие, при всём своём величии, не дотягивают. Даже Пикассо, даже с Герникой. Слишком благополучная жизнь. Слишком слабый конец.

Картины Фра Анжелико – повторение Преображения Господня. Это тот самый свет, спустившийся на гору Фавор. Внутреннее свечение цвета, равно как и невероятное духовное наполнение картины, являют зрелище невозможного в сфере человеческих возможностей.

Душа художника – это тонкий инструмент. Расстроить его легко, очень легко. Но, настроенный, он может создавать мощную гармонию. Так что дисбаланс не от недостатков инструментов, но невозможно сыграть мелодию, когда рядом визжит бензопила и слышна отборная матерщина.

Если чужое превосходство вызывает у Вас уважение и желание к совершенствованию – то Вы на правильном пути, если же злобу и раздражение – то Ваше будущее бесперспективно.

Мы приходим ниоткуда, мы уходим в никуда, мы уходим без следа. Единственное, что вступает в противоречие с этой бессмыслицей бытия – это слова Христа о Царстве Небесном. Тогда всё становится на свои места. Упования и надежды, верность и мораль исполнены смысла, но не к зыбкому миру или социуму, а к вечному источнику, то есть не являются самопроизвольными, а происходят из таинственного, но существующего источника, всё это нам и дарящего.

В молодости человек един со своим телом. Но с годами, по мере износа, оно всё более отделяется от его воли. И становится всё яснее, насколько оно живёт по законам, непонятным нашему разуму. Это разделение доказывает наличие души.

Я совершил большие усилия, чтобы вырваться из мира необходимости, заданности в мир мечты и нездешних ценностей. А уж что у меня получилось, похоже, не мне судить.

Поступил, как мужчина, это понятно. А поступила, как женщина? Не едины ли принципы для всех?

Отец очень любил Шардена и воспринимал его картины, как прекрасное весеннее утро. У меня дома висит его юношеский натюрморт, написанный под влиянием Шардена. И, правда, творчество этого мастера – удивительная ясность и чистота. И ещё ощущение надёжности мира и стабильности.

Христос облёкся в плоть и, надругавшись над нею и уничтожив её, античный мир уничтожил самоё себя. Плоть, которой этот мир поклонялся, восстала против духа. Её торжество закончилось.

Я сделал распятие. Это лицо Христа из белого камня. Это лицо разума. Как противовес чёрному дереву, на котором его повесили. Это всё, чем человечество наградило его при жизни.

«Я познал мир и нашёл труп». Это слова Христа из апокрифа, но я боюсь, что так и правда было сказано.

Мы сидели с другом в Венеции у моста Риальто. У официанта разбилась склянка с маслом. Хозяин подобрал осколки, но вытирать не стал. А сел с улыбкой ждать, как паук. И вот идут два великолепно одетых синьора. Один шмяк. Другой начал иступлённо жестиковать. Хозяин заведения подтёр масло с довольной улыбкой.

Бах почувствовал и отразил ритм движения небесных сфер.

Я смотрю фотографии бабушки и людей 1920-х годов. Глаза как бы обожжённые отсветом адского пламени. Одновременно и безумные, и удивлённые. Как выглядели эти люди? Как сохранили в душе такое добро?

Шопенгауэр в «Метафизике половой любви» говорит, что влечение людей и любовь обусловлены инстинктом продолжения рода. Выбор партнёра осуществляется инстинктивно в поиске наилучших параметров для производства нового поколения. Всё это безусловно так. Но всё же, всё же, может быть, есть какое-то душевное тяготение людей друг к другу и можно говорить о духовной близости между мужчиной и женщиной? Он же всё рассматривает в сфере плоти. Едва ли это всегда так. В конце концов он здесь отрицает свободу человеческого духа, да и его наличие, как фактора, чего-то определяющего.

Какой-то грузин говорил или писал, что по-настоящему, жил в своей жизни несколько минут. Скажу тоже. Я испытал это чувство невероятной лёгкости и счастья один раз в Вильнюсе. Я был на другом берегу реки у города, и оно меня охватило. Я шёл по городу, как будто лишённый тела с абсолютным ощущением счастья. Без забот и желаний. Потом в Бургундии, город Бонн. Я прилёг под навесом на колья, приготовленные весной для виноградников, и то же чувство захватила меня. Ничего общего с творческой радостью, сексом, алкоголем. Это душа вырвалась из тисков жизни. Такие сверхощущения доказывают её наличие. Это сверкание радости, как капелька, схоже с восторгом, испытанным апостолами при чуде Преображения. И рассказ Герберта Уэллса «Дверь в стене».

Ты пользуешься телом, которое тебе не принадлежит, законы создания и функционирования которого тебе неведомы. Ты живешь в долг из милости, как арендатор на чужой земле. И постоянно испытываешь страх, что тебя скоро погонят в шею. Вся твоя жизнь – это борьба разума за своё самоутверждение. Разум пытается что-то противопоставить заданной безысходности плоти. Возможно, он появляется откуда-то ещё, из какого-то нематериального источника, равно, как и душа, подразделением которой он и является.

Отец говорил мне, что сентиментальность есть форма душевного бессилия. В старости это особенно проявляется.

Ждать чего-то от людей. «Я не ищу чести от людей» сказал Христос. По сути, эта потребность есть проявление великовозрастного инфантилизма. Ребёнок ждёт хорошего от мамы, папы, взрослых. Потом ждёт званий, наград и денег. Если сам

взрослый, понимая возможности и масштабы доброй воли у человека, искать чести следует от общего всем источника, в стороне от человеческой воли.

Весь мат, самые грязные оскорбления и построения связаны с половыми органами или сферой половых отношений. Вроде бы должно быть наоборот. Человек ведь в основной массе любит своих детей, равно как и стремится жить этой жизнью, данной ему при помощи этих же половых органов, и не торопится умирать. Однако здесь. В этой сфере сквернословия, несомненно, есть скрытое определение, даваемое ценности человеческого существования, как чего-то, произведенного нечистым путём и являющегося нечистым последствием нечистого процесса. Всяк скажет тебе наоборот. Однако в этом жизни выносится приговор, равно как и смерти.

Т.В. Пашкевич
Россия, Барнаул

ВЛИЯНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ УСТРОЕНИЯ ИКОНОСТАСОВ НА ОТДЕЛЬНЫЕ РЯДЫ В РУССКИХ ИКОНОСТАСАХ

THE INFLUENCE OF THE GREEK CHURCH TRADITION OF THE ARRANGEMENT OF ICONOSTASES ON INDIVIDUAL ROWS IN RUSSIAN ICONOS

Η ΕΠΙΡΡΟΗ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗΣ ΠΑΡΑΔΟΣΗΣ ΤΗΣ ΤΑΚΤΟΠΟΙΗΣΗΣ ΕΙΚΟΝΟΣΤΑΣΙΩΝ ΣΕ ΜΕΜΟΝΩΜΕΝΕΣ ΣΕΙΡΕΣ ΣΕ ΡΩΣΙΚΗ ΕΙΚΟΝΟΣΤΑΣΙΑ

Аннотация. В данной статье рассматривается тема влияния греческой церковной традиции создания и благоуукрашения иконостасов на русскую церковную традицию. Поскольку отличия в количестве рядов и икон в сохранившихся древних иконостасах в Греции и на Руси очевидно, то чаще подчеркивают различия, а не общие особенности. Но даже при наличии общих особенностей полагают их возникшими одновременно, как часть перенятой в X веке церковной традиции. Однако факты указывают на то, что перенятие традиций продолжалось длительное время, вплоть до XVIII века. Как это проявлялось в изменениях в отдельных иконах в иконостасе и отдельных рядах иконостаса, и анализируется в данной статье.

Ключевые слова: иконостас; греческий иконостас; русский высокий иконостас; деисусный ряд иконостаса; местный ряд иконостаса; подместный ряд иконостаса; Царские врата.

Abstract. This article discusses the influence of the Greek church tradition of creating and beautifying iconostases on the Russian church tradition. Since the differences in the number of rows and icons in Greece and Russia in the preserved ancient iconostases are obvious, they often emphasize differences rather than common features. But even if there are common features, they are considered to have arisen simultaneously, as part of the church tradition adopted in the X century. However, the facts indicate that the adoption of traditions continued for a long time, until the XVIII century. How this manifested itself in changes in individual icons in the iconostasis and individual rows of the iconostasis is analyzed in this article.

Keywords: iconostasis; Greek iconostasis; Russian high iconostasis; deesis row of the iconostasis; local row of the iconostasis; sub-row of the iconostasis; Royal Gates.

В искусствоведении устоялось мнение о том, что русский высокий иконостас является оригинальным плодом развития русского храмостроительства и благоустройства храмов. Эта точка зрения обоснована и подтверждена фактами [1, 2, 4, 7], но такой подход не исключает греческих влияний на его развитие в первую очередь с содержательной стороны. Речь идет как о периоде «получения веры» в X веке, но не в малой степени о влиянии поздневизантийском и поствизантийском, то есть времени после падения Константинополя. И хотя Византия на момент формирования централизованного русского государства представляла собой уже в значительной мере меньшее государство, чем в период расцвета, большую часть ее в это время как раз и составляли греческие территории. Поэтому, с нашей точки зрения, уместно, объединяя все эти периоды в единое целое, говорить не о византийском, а о греческом влиянии. Это понятие удобно объединяет культурные особенности православных греков в византийский и поствизантийский периоды.

Особенно влияние греческой традиции заметно на отдельных рядах иконостаса. Начнем с местного ряда, прерываемого вратами. Формируется он относительно поздно, но в греческой поствизантийской традиции он уже существует и подчиняется определенному порядку. Нам известно, что к XVII веку закрепляется положение икон в местном ряду строго: справа от Царских врат – икона Господа, слева – икона Пресвятой Богородицы, рядом с иконой Господа – икона события или святого, которому посвящен храм. Однако во множестве греческих храмов в местном ряду находятся только иконы Господа и Богородицы.

В русской традиции в то же самое время местный ряд имел различные варианты.

Во-первых, его могло вовсе не быть, в однорядных новгородских иконостасах единственный имеющийся ряд был деисусным.

Во-вторых, состав его отличался от храма к храму очень сильно. Например, в конце XV века был устроен местный ряд иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. В нем, согласно реконструкции, справа и слева от Царских врат – иконы Богоматери с Богомладенцем, далее справа две подряд иконы Успения Пресвятой Богородицы [3].

В-третьих, в местном ряду небольшие иконы могли располагаться в два яруса, наряду с теми, которые занимают всю высоту ряда. И даже иконы местного ряда могли располагаться над вратами.

Унифицировать состав местного ряда было решено только при патриархе Никоне в середине XVII века. Стало обязательным размещение икон в местном ряду по греческому образцу: справа от Царских врат – икона Господа, рядом с ней – святого или события, которому посвящен храм, слева от Царских врат – образ Богородицы. Считается, что значительную роль в этом сыграли не сами греки, а украинские мастера-резчики иконостасов, ведь на их землях в XVII веке такой порядок расположения икон в местных рядах уже был универсальным. Требование было закреплено в создаваемых в то время храмах. Таким образом, традиция оказалась передана поздно и через культуру-посредник.

Иконы, размещаемые на цоколе, под местным рядом иконостаса, известны из послевизантийской греческой практики. В литературе их называют рядом на тумбах, цокольным, или подместным рядом. В монастыре св. Екатерины на Синае в XVII веке под каждой иконой местного ряда на цоколе (нижняя часть стен, начиная с уровня пола) был небольшой круглый образ с сюжетом. Например, под иконой Богородицы на престоле – Благовещение, под иконой святого Иоанна Предтечи – Усекновение его главы. Дополнительные образы имели круглую форму и располагались под основными иконами. Для этих мастеров подместный ряд был смысловой частью местного и как бы развивал и продолжал его. Образцы из греческой традиции были для русских авторитетны, поэтому появились подражания, на этот раз через посредство болгарской и румынской традиций. В качестве примеров сохранившегося подместного ряда в России можно назвать иконостасы храма Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале, храма Успения Пресвятой Богородицы в Рязани, Свято-Троицкого собора в Пскове. Но, в основном, подместные ряды были утрачены в процессе перестроек иконостасов.

Царские врата являются неотъемлемой частью иконостаса, разделяя местный ряд примерно по центру. В Византии существовала практика помещать на Царских вратах ростовые изображения ветхозаветного пророка Моисея, устроившего Скинию для совершения жертвоприношения, и первого священника Иерусалимского храма Аарона в богослужебных одеждах. Соотнесение их действий по строительству Скинии и первых богослужений с нынешними храмами и богослужениями понятно – они были прообразами. Помещение их в самом центре, на райских вратах (так они назывались в Греции), показывало, что мы соединяемся с Богом в богослужении, возвращаем себя таким образом в рай.

Вообще в греческой практике изображения на Царских вратах достаточно разнообразны. Известны Царские врата с изображением святых: Василия Великого и Николая Мирликийского, Иоанна Богослова и апостола Петра, Иоанна Богослова и Христодула, архангелов Михаила и Гавриила с Зосимой, причащающим Марию Египетскую, трёх святителей и Спиридона Тримифунтского. Наиболее содержательными, однако, и закрепившимися изображениями стали образы

святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого – авторов Божественной литургии. Они и перешли в русскую традицию и стали наиболее часто встречающимися в домонгольское время. В настоящее время сохранилось достаточно таких врат с навершием в виде Благовещения. Но позже самостоятельное развитие иконостаса сместило интерес к другим сюжетам, несвойственным грекам.

Важнейшим рядом иконостаса, его смысловым ядром, является деисусный ряд. В послеиконоборческое время трёхфигурный деисус становится повсеместно распространенным, и в Византии, и в славянских странах, и на Руси. Наиболее заметным отличием греческого и русского центральных изображений в деисусном ряду является то, что у греков Христос часто изображается стоя, как и предстоящие Ему, а в русской традиции постепенно все чаще Господь будет изображен сидя на престоле, что вызывает четкие ассоциации со Страшным Судом. С пятнадцатого века эта практика становится на Руси универсальной, то есть от греческой традиции отходят [5].

Интересно, что со второй половины XIV века в Византии из идеи предстояния Господу в молитве формируется отдельный сюжет под названием «Предста Царица» [6]. Название ясно отсылает к 44 Псалму, 10 стиху. Хотя по мнению толкователей псалом посвящен браку царя Соломона и иноземной царицы, но он носит прообразовательный характер. В нем прославляется Царь на престоле, одетый в праздничные одежды, с мечом и жезлом. Имеется в виду Господь. Царица, упоминаемая в псалме – Богородица. Она тоже празднично одета, в соответствии со словами: «в ризах позлащенных одеяна преиспещрена». Царица символизирует Церковь как Невесту Христову. Но в псалме ничего не говорится об еще одном предстоящем. Но он всегда есть. В Византии это мог быть кто-то из ветхозаветных пророков, что вполне логично, ведь речь идет о прообразовательном тексте, а не о прямом новозаветном событии. На Руси это всегда святой пророк и Предтеча Иоанн.

Таким образом, в истории русского иконостаса можно обнаружить несколько волн греческого влияния. Первая – в период конца X – XII веков, в связи с принятием христианства Русью. Вторая – не столь чётко локализованная – в послемонгольское время, влияния были весьма избирательными. Третья – во второй половине XVII века, инициированная патриархом Никоном и осознанно проводимая в жизнь. Но не только в разные периоды происходило заимствование, но и с разной степенью укоренённости в русской культуре. Одни влияния оказались универсальными, были приняты как базовые и обязательные, другие претерпели изменения или были вовсе заменены со временем. Причём это не было связано со временем перенятия, а с возможностью содержательного осмысления в новой культуре. При этом внутри этих явлений могли происходить небольшие изменения, как правило, направленные на формирование неизменного шаблона изображения, стабилизирующие как саму заложенную в них идею, так и её восприятие.

Литература

1. Бусева-Давыдова И.Л., свящ. Стефан Ванеян. Иконостас // Православная энциклопедия. Т. XXII. – М.: Православная энциклопедия, 2009. – С. 65–71.
2. Высокий русский иконостас / сост.: Т.Н. Кудрявцева, В.А. Федоров. – М.: Пульс, 2006. – 208 с.
3. Иванова Г.О. Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. – Тверь: Парето-Принт, 2011. – 80 с.
4. Иконостас: Происхождение – развитие – символика / ред.-сост. А.М. Лидов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 751 с.: ил.
5. Квливидзе Н.В. Деисус // Православная энциклопедия. Т. XIV. – М.: Православная энциклопедия, 2006. – С. 316–319.
6. Квливидзе Н.В. Предста Царица одесную Тебе // Православная энциклопедия. – Т. LVIII. – М.: Православная энциклопедия, 2020. – С. 74–75.
7. Лидов А.М. Иконы. Мир святых образов в Византии и на Руси. – М.: Феория, 2014. – 406 с.

А.Х. Журкобаева
Казахстан, Алматы

СТАТУС «ЯЗЫК НАУКИ» В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

THE STATUS OF THE LANGUAGE OF SCIENCE IN THE HISTORY OF CULTURE

Η ΚΑΤΑΣΤΑΣΗ ΤΗΣ «ΓΛΩΣΣΑΣ ΤΗΣ ΕΠΙΣΤΗΜΗΣ» ΣΤΗΝ ΙΣΤΟΡΙΑ ΤΟΥ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΥ

Аннотация. В данной статье раскрывается сущность и значение «языка науки» как признанного в мире, выступающего средством коммуникации между людьми в научной сфере, средством фиксации научных результатов. Автором выделены особенности различных культур, способствующих формированию «языка науки» в истории: греческий, латинский, арабский, немецкий, английский языки.

Ключевые слова: язык; письменность; элитный; элитарный; научный язык; язык науки.

Abstract. This article reveals the essence and meaning of the language of science as recognized in the world, acting as a means of communication between people in the scientific field, a means of recording scientific results. The author highlights the features of various cultures that contribute to the formation of the language of science in history: Greek, Latin, Arabic, German, English.

Keywords: language; writing; elite; elite; scientific language; language of science.

У всех народов на определенном этапе язык и письменность представляли собою нечто священное, тайное, эзотерическое. Внутренне закрытое знание предназначалось только для посвященных, ибо считалось, что достаиваемый такого знания должен был уметь вместить его, то есть обладать соответствующими качествами ума, духовной зрелостью, ответственностью, и быть в состоянии достойно его нести. Существовала иерархическая система степеней посвящения и приобретения к знанию. Знание передавалось от учителя к ученику, от мастера к подмастерью.

Относительная закрытость являлась необходимым условием, так как знание в руках непосвященного могло принести не только пользу, но и вред. При этом существовали соответствующие способы материализации и трансляции научного знания, среди них было рукописное издание (манускрипт), фолиант, переписка между учеными... Здесь все являлось индивидуальным, элитным – характер почерка, оформление, тайнопись и особенности дешифровки. Текст мог быть прочитан последующими поколениями при наличии соответствующих инструментов знания.

После появления книгопечатания в XV веке возникает возможность тиражирования научных идей. Знание из элитного (доступного для избранных, посвященных) переходит в разряд элитарного, из эзотеричного в экзотеричное (доступное для многих). По мере развития науки и расширения поля исследовательской деятельности все настоятельнее формировалась потребность в такой коммуникации ученых, которая обеспечивала бы их совместное обсуждение не только конечных, но и промежуточных результатов. В XVII веке возникает особая форма закрепления и передачи знания – переписка между учеными. Далее возникают научная статья, периодические журналы...

К середине XIX века возникает научный язык в виде специальных терминов, особой системы научных понятий. Достижения различных цивилизаций, культур способствовали формированию языка науки. Язык науки – это признанная во всем мире знаковая система, включающая естественный и искусственный язык, на котором издаются и публикуются основные достижения в различных областях знания. Это средство социальной коммуникации, а также фиксации, хранения и передачи научных знаний.

Насколько бы не была богата та или иная культура, ее язык выступает некой оболочкой, формой, в которую облачаются мысли и идеи выдающихся ученых, способных прославить ее, сохранить на века. Однако в языке символов и чисел, графиков и парабол опредмечен и распредмечен весь опыт, накопленный человечеством за всю историю развития.

Определяя отношение языка науки к познанию, его характеризуют как некоторую совокупность средств, с помощью которых могут быть построены и выражены мысли. В истории статусом «языка науки» были отмечены греческий язык, латинский, арабский, немецкий, английский языки. Развитие и обогащение культуры человечества идет в постоянном взаимовлиянии между Востоком и Западом:

греки возрождают Древний Восток – Восток в раннее средневековье возрождает греков – Западная Европа в XIV–XVII веках возрождает греков и Восток IX–XIII веков.

1. Греческий – язык науки. Греческая культура во многом определила лицо духовной цивилизации Запада и Востока. Она охватила все ценности древнего мира: искусство, религию, эстетическую мысль, право, политику, философию, педагогику и науку (Фалес, Эмпедокл, Софокл, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и др.). Обращаясь к греческой культуре можно назвать семь чудес света, мифы Древней Греции, семь мудрецов (особо чтимые древнегреческие философы и политики VII–VI веков до н. э.), Олимпийские игры, греческую демократию, города-государства (полисы). Это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда; произведения Архилоха, Солона, Алкея, Феогнида, Анакреонта, Сафо; скульпторов – Мирона, Поликлета, Фидия, Праксителя, Скопас, Лисиппа и др.; «отца трагедии» Эсхила, Софокла, Еврипида, «отца комедии» Аристофана [1].

Функции официальных языков выполняли греческий и латынь. Греки благодаря своей одаренности и работоспособности за небольшой период создали культуру, которая осталась на века как образец, «классика», мировая сокровищница (наука, архитектура, скульптура, музыка, философия). О философии Древнего мира, следует сказать, что она является «душой» его культуры, во многом определила лицо духовной цивилизации Запада и Востока. Философия охватила все ценности Древнего мира: и искусство, и религию, и эстетическую мысль, право, политику, педагогику и науку.

В античной философии можно условно выделить два основных периода: *досократовский* и *послесократовский* периоды древнегреческой философии. Философия начиналась с поиска ответов на вопрос, уже поставленный до нее в мифологии, – о происхождении мира. Первые натурфилософы изучали природу, пытаясь объяснить первопричины всего сущего. Согласно Фалесу, все существующее происходит из воды. Анаксимандр утверждал, что Первоначало – единая, первичная, вневременная, бессмертная, беспредельная субстанция – апейрон. Анаксимен утверждал: первоначало – воздух, воздушная безграничная субстанция.

Родоначальником Пифагорейской школы является Пифагор. Именно он впервые назвал себя философом. Его первоначало – число, единица. Основатели элейской школы (элеаты) Ксенофан, Парменид, Зенон впервые попытались помыслить бытие. Ксенофан – основатель элеатской школы. Парменид утверждал, что бытие не возникает и не уничтожается; бытие вечно и неизменно; бытие единственно и целостно; бытие совершенно (законченно) и неподвижно [2].

Зенон – ученик Парменида. Аристотель назвал его изобретателем диалектики. Зенон – представитель субъективной диалектики. Зенон вошел в историю благодаря своим апориям (парадоксам). Суть зеноновских апорий – это вопросы соотношения движения и покоя, единого и многого, конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного.

Древнегреческий атоанизм (Левкипп, Демокрит, Анаксагор, Эмпедокл). Демокрит является основателем атомистического материализма. Его первоначало – атом. Демокрит выдвинул идею множественного первоначала, которая позволяла мыслить движение, возникновение и уничтожение вещей.

Эпоха Возрождения – это возрождение античной культуры. Все эти достижения способствовали признанию греческой культуры и ее языка как элитарного, языка науки. Преемником греческого языка стал латинский.

2. Латинский – язык науки. Первоначально латинский язык был лишь одним из многих в группе близкородственных италийских языков. Исконная зона бытования латинского языка – небольшая часть вокруг Рима. По мере расширения Римской империи влияние латинского языка постепенно распространялось по всей территории современной Италии, вытеснив многие языки того времени. И уже I веку нашей эры практически все страны средиземноморского бассейна говорили на латинском языке. Наибольшего расцвета латинская литература достигает к эпохе Цезаря и Августа (I век до н. э., именуемая как «золотая латынь»).

На латинском языке писали при дворе Карла Великого и в папской канцелярии, им пользовались Святой Фома Аквинский, написаны труды таких ученых, как Коперник, Лейбниц и многих других. Как язык науки он звучал в университетах, объединяя выходцев из различных стран – от Праги до Болоньи.

В современном мире – это один из основных письменных языков европейской науки, культуры и общественной жизни, официальный язык Ватикана и Римской Католической церкви (вплоть до середины XX века). Язык богатейшей, более чем двухтысячелетней литературной традиции, один из языков общечеловеческой культуры, медицины, биологии, общенаучной терминологии естественных и гуманитарных наук, продолжающий активно применяться и в настоящее время. После распада Западной Римской империи латинский язык в качестве живого разговорного языка выходит из употребления и может считаться мертвым. И хотя его роль остается весомой, статус «языка науки» вобрал в себя арабский язык.

3. Арабский – язык науки. Арабский – это язык, огромной культуры. В средние века был языком религии (ислам). Арабский язык являлся языком науки. Со времен Средневековья арабский язык называют «латынью Востока», подчеркивая его роль в создании культурных ценностей мирового значения. Арабская наука в свои «золотые времена» намного превосходила европейскую. Именно тогда арабские ученые создали основополагающие труды по математике, астрономии, физике, медицине, питавшие европейскую науку вплоть до XVI века. Для древнего Востока арабский язык был основным в среде научного сообщества. Это язык Аль-Фараби, аль-Кинди, Ибн-Рушда, Ибн-Сины, аль-Хорезми (познакомил европейских ученых с позиционной системой счисления «арабские числа» – алгоритм), аль-Баттани (зложил основы тригонометрии), Аль-Хайсама (дал точное строение глаза), аль-Бируни (установил метод определения географической долготы, определил длину окружности Земли). Часть арабских слов, среди которых были и научные термины, в средние века была позаимствована сначала латынью,

а уже из латыни они перекочевали в английский язык. Начиная с VIII века возникают научно-учебные центры в Басре, Куфе, Багдаде. В 830 году в Багдаде была создана академия «Дар аль-улюм» («Дом наук»). В 972 году в Каире был основан университет Аль-Азхар.

Арабские ученые являлись не просто комментаторами, переводчиками трудов античных авторов. Их заслуга состояла в том, что они внесли свой вклад в развитие многих областей знания. Они сохранили труды античных классиков, перевели их на арабский язык и передали Западной Европе. К примеру, произведения Евклида, Архимеда и Птолемея стали известны Западной Европе благодаря арабам. Труд Птолемея «Мегале синтаксис» («Великое построение» известно Западной Европе в арабском переводе как «Альмагест»). В астрологии – исправили и дополнили астрологические таблицы, дали названия многим звездам. Медицинские знания арабов были сведены в одно целое хирургом Мухаммедом ар-Рази и Ибн-Синой, произведение которого «Канон врачебной науки» стал настольной книгой западноевропейских врачей XII–XVII веков. На новую высоту арабы поставили историографию, написав историю первых завоевательных походов, собрав сведения по всеобщей истории и ценные данные о жизни разных народов. В современном мире арабский язык занимает второе место по численности после китайского, примерно 460 миллионов человек. Арабский язык имеет также статус международного языка. Это один из рабочих языков ООН.

4. Немецкий – язык науки. Германия – родина многих известных композиторов, писателей, поэтов, драматургов, философов и художников. История немецкого языка берет свое начало в раннем Средневековье, когда начинают контактировать между собой языки древних германцев, создавая почву для образования общего языка. Немецкие ученые и врачи, философы и писатели, музыканты и художники, инженеры и архитекторы внесли неоценимый вклад в развитие мировой науки и культуры. В музыке это –И. Бах, Л. Бетховен, заложившие основы классической музыки; Ф. Шуберт и Р. Шуман стали первыми композиторами романтизма; Р. Вагнер, К. Орф, М. Рeger. Германия известна как страна поэтов и мыслителей – В. Гете, Ф. Шиллер, Гельдерлин, Гейне и братья Гримм, Г. Гессе, Г. Белль, Г. Грасс. К известным немецким философам относят И. Канта, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Хайдеггера, Лейбница (независимо от Ньютона создал математический анализ и заложил основы математической логики, открыл новый раздел математики – комбинаторику). Таланты Лейбница распространялись не только на математику: он был философом, юристом, историком, дипломатом, изобретателем и даже психологом [3]. В психологии развивал концепцию бессознательной психической жизни Г. Герман. Многие годы туберкулез, который называли чахоткой и «белой чумой» уносил тысячи жизней, пока в 1882 году Роберт Кох (1843–1910) не обнаружил возбудитель. Август Фердинанд Мебиус (1790–1868), изобретатель ленты Мебиуса, математик, астроном и механик, родом из Германии в 1858 году установил существование односторонних поверхностей и продемонстрировал это при помощи простого листа бумаги. В целом,

выдающиеся достижения немецкой культуры способствовали тому, что весь мир стремился общаться и читать на языке немецких классиков.

5. Английский язык – второй язык в мире по количеству говорящих. История английского языка начитается с V века н. э., со вторжения трех германских племен на территорию Британии. Это племена англосаксов, юты, пришедшие с территории нынешней Дании и северной части Германии, преодолев Северное море. Это язык науки, авиации, информатики, политики, туризма. Он является официальным или одним из официальных языков более чем в 45 странах мира, он широко употребляется в других странах, где ему не присвоен официальный статус.

Английские музыкальные исполнители повлияли на развитие музыки в мире. Великобритания оказала большое влияние на развитие музыкальной индустрии второй половины XX и начала XXI века – рок-групп, внесла огромный вклад в развитие поп-музыки второй половины XX и начала XXI века.

Английская философия имеет длительную многовековую традицию. В XIX–XX веках английская философия была тесно связана с ведущими университетами (Оксфорд, Кембридж, Эдинбург, Глазго, Манчестер, Ливерпуль, Бристоль и др.), являющимися одновременно философскими центрами. К выдающимся британским философам относят – Б. Джереми, Д. Беркли, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Локка, Т. Мора, Г. Спенсера, Д. Юма. Английская литература – это Ч. Диккенс, А. Конан Дойль, Дж. Оруэлл, О. Джейн, Д. Свифт, В. Скотт, Дж.Р.Р. Толкин, О. Уайльд, Я. Флеминг, О. Хаксли, У. Шекспир, Б. Шоу, У. Черчилль и др.

Почему сегодня английский язык является международным? Среди множества факторов ученые выделяют основные:

- 1) появление компьютера и интернета;
- 2) мода на американский образ жизни (когда Европа и половина Советского Союза находились в руинах и в экономическом упадке, страна США выглядела весьма привлекательно, «американская мечта» казалось идеалом);
- 3) английский – это язык торговли и бизнеса, путешествия и образования и т. д. Ни один язык не достигал таких показателей, как английский.

В мире насчитывается 380 млн человек, для которых английский язык является родным языком; 300 млн, для которых английский считается вторым языком после китайского и еще 100 млн человек, которые учили английский как иностранный язык.

6. Перспективы развития казахского языка как языка науки: на казахском языке говорят более 17 млн человек. Почти 1,8 млн представителей других народов также владеет казахским в той или иной степени. Наибольший процент владения наблюдается среди родственных тюркских народов: узбеков, уйгуров, киргизов, турок, азербайджанцев, татар. Казахский используется в Иране, в Турции, в Монголии, в Афганистане, в Германии. Казахский язык является едва ли не первым языком мира, для которого была создана уникальная компьютерная азбука под названием «казновица». Словарь казахского языка насчитывает 166 тыс. слов. Статус языка складывается из многих составляющих.

Казахстан является государством, расположенным в центре Евразийского континента. Отличительной чертой внешней политики государства является многовекторный курс развития, который основывается на балансе между различными геополитическими центрами сил. Наша республика на сегодняшний день установила дипломатические отношения со 169 государствами мира. Следовательно, статус языка является совокупным показателем его достижений в различных областях знания, авторитета, успешности его действий на международной арене.

Казахский язык – это язык Абая, Шакарима, С. Сейфуллина, Б. Майлина, М. Ауэзова, Г. Мусрепова, К. Сатпаева, А. Кастеева, Ш. Айманова, О. Сулейменова и др. Так, Абай Кунанбаев является основоположником казахской письменной литературы. Он познакомил казахское общество с литературой России и Европы. Перевел на казахский язык поэзию А. Пушкина, Ю. Лермонтова, И. Крылова, И. Гете, Г. Гейне, И. Бунина и др. Роль Абая Кунанбаева была высоко оценена в XX веке ЮНЕСКО, которая 1995 год объявила Международным годом Абая в связи со 150-летием со дня его рождения.

В целом, язык науки – это язык, который не знает разделения по имущественному признаку, не делит людей по цвету кожи и национальности. Напротив, ученые всех стран объединяются для решения важных и глобальных задач, независимо от санкций, конфликтов и противостояний. Важно, чтобы для развития такого взаимодействия всегда были созданы благоприятные условия, а люди были открыты и вступали в диалог друг с другом.

Литература

1. *Каракузова Ж.* Культурология. – Астана, 2014. – С. 148.
2. *Ефремов О.Ю.* Философия. – СПб., 2015. – С. 30.
3. *Габитов Т.Ф.* Философия. – Алматы, 2006. – С. 50.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ВПЕРЕДИ НЕЯСНАЯ ДОРОГА

THE ROAD AHEAD IS UNCLEAR

Ο ΔΡΟΜΟΣ ΜΠΡΟΣΤΑ ΕΙΝΑΙ ΑΣΑΦΗΣ

Смена веков произошла! Мы уже вошли в 2021 год, затем в 2022 и так далее, но ещё не вполне осознали, чего ожидать человечеству от грядущего. Повторение двузначного круглого числа 20, составившее число 2020 – недавно прожитого года – смотрится округлым. Оно похоже на завершение чего-то, в данном случае указывает на завершение перехода к XXI веку и неизбежность всевозможных обновлений там, где они ещё не произошли. У времени, проживаемого нами в этот важный для современной технологически развитой цивилизации период, имеется отличная от других времён черта – ошеломительная скорость, затрудняющая оглядку – торите, мол, новые тропы, идите к целям, кои раньше только украдкой давали о себе знать. Но верно ли мы расшифровываем знаки молодой эпохи с её стремлением к полной цифровизации? Ясных ответов нет. Наблюдается некоторая растерянность. Нам довелось жить не только при смене веков, но и при смене второго тысячелетия третьим. Мы столкнулись с вбросом в привычный распорядок дня беспощадно незнакомого, с чем приходится считаться, чего нельзя игнорировать, ибо все равно настигнет и, если не сломает, то внесёт коррективу в мировоззрение, а отсюда всё остальное...

Одним из свойств людей является удержание в голове связующей вчерашнего, настоящего и завтрашнего, иными словами – свойственно строя планы на завтрашний день, относиться к ещё не наставшему дню так, будто он уже есть, а вчерашний день продолжает быть. Известно, что на самом-то деле реально существует только мгновение в жизни, проживаемое здесь и сейчас. Вывод художникам: процесс важнее результата, ибо результат только будет, а затем станет. Складываемая в уме картина нашей жизни дарит физике тел ощущение непрерывности оной от рождения до смерти. И каждому из нас наряду с любознательностью знакома склонность предугадывать «что день грядущий нам готовит». Умозрительно заглядываем в ожидающие нас события (хотя бы для планирования дней).

Время волнообразно

Оказавшись по случаю рождения в волнах современного времени, мы, несомые его течением словно в суденышке на волнах бурной реки, управляя лодкой стараемся обойти непредвиденные препятствия и дольше удержаться на поверхности. За кормой вздыбленные волны прожитого одна за другой, отдаляясь, усемиряются в небытие, впереди – намётки будущего туманят взор. В нас, перешедших

рубеж XX и XXI веков поселилась, наряду с надеждой, тупая тревога, боязнь напороться на символический риф, столкнуться с неизведанным, с чем нам будет не по силам справиться.

Юношеское полагание на стабильность миров и постоянство взаимосвязей всего и вся с годами уступает место осознанию беспощадности времени к любому из живых существ, времени, кромсающему направо и налево все подряд. Часто случившееся для нас неожиданно даже тогда, когда мы это предвидели.

Культура и искусство неотрывны от процессов в мире, где ныне есть признаки растерянности перед информационной избыточностью в условиях ускоренного течения времени. С появлением социальных сетей возникло восприятие мира клочками. В народе появилась привычка довольствоваться новостями из интернета, а смартфон – наш неизменный спутник – не позволяет увидеть мир целиком. Какую роль играет искусство для людей, живущих в период перехода XX века в век XXI и насколько глубока потребность в духовности? Человек попал в сложный бытовой переплет и технологическую зависимость, а часы меж тем, кажется, тикают быстрее. При спайке лени и гордыни побоку нравственность! Упростился стиль жизни. Изменения на стыке тысячелетий не могли не сказаться на процессах в «храме культуры». Одно неизменно: запрос на утоление духовного голода, как показывает история, – и в трагические дни. Сердце радуют эстетически привлекательные вещи. Но эстетика видоизменяется. Какой станет эстетика пока не совсем ясно, ведь мы сегодня продолжаем находиться в разломе культурно исторического развития несмотря на то, что острая фаза ломки на стыке веков прошла. Тем не менее плоды современности порою не только обескураживают неожиданностью содержания и формы, но и способны веселить народ, принося озабоченным выживанием радость и отдохновение. При каждом минусе находится плюс – это понятно. А если бы складывалось иначе, скучным и однообразным казался бы мир.

Даже в слиянии бессмысленного трепки с вызывающим вопросы визуальным рядом возможно найти некое очарование если присутствует игровой момент – а почему бы и нет – опять же, это не выпадает из пространства иллюзий, в котором мы последнее время пребываем.

Иллюзия при нас

Иллюзия, искажённое восприятие существующего объекта или явления всегда была присуща человечеству, а сегодня она не только с нами, но, выражаясь фигурально, – заигралась. Итак, мы подошли ко всем нам знакомому понятию «иллюзия», присутствие которой с каждым днем становится явственнее, отсюда число сказочников очень велико. Повстречаться со сказочником можно повсюду в любое время. В нашем мире сказок обыкновенный банан, прикрепленный скотчем к стене зачем-то под определенным уклоном – на чём делается акцент – называется искусством и продается за сотни тысяч долларов, меж тем, как за живописный холст, даже выполненный талантливым мастером, не спешат выложить

и сотню тысяч рублей. Учитывая колоссальную разницу курсов доллара и рубля не в пользу последнего, мы видим, насколько представления о культуре искажены и сколь низвели культуру очарованные прелестью денежной купюры люди. А ещё... следует упомянуть о виртуальных предметах искусства и виртуальных деньгах. Прогресс!

Чуть ли ни с пеленок люди приучены доверять сказкам, верить им и сопереживать сказочным героям. Однажды обнаружить себя внутри сказочного мира уже будучи взрослым человеком, зараженным неверием и скепсисом, вот потеха – гол в ворота парадоксов, прибавление в копилку маскарадных менеджеров! По-своему жить среди сказок интересно, если относиться к этому с юмором и недолго. Но беда в том, что сказки становятся нашей реальностью и далеко не все из них радуют. Шкала оценок также подверглась изменению, ориентируясь на средне-статистическую единицу (результат глобализации). Скорее всего пока рано давать оценку всему, что с нами происходит. Не является ли фатальным наш выбор, который, кажется, был неотвратимым. Только положившись на интуицию возможно что-то для себя понять (приблизительно).

Скажем серьезно, в жизни важен эмоциональный фон, так сказать – не выпачканная ложью атмосфера, а в живописи качество живописной поверхности возможно даже более важно, чем раскрытие сюжета, поскольку в живописной поверхности присутствует энергетика, меж тем, как раскрыть сюжет могут многие, фантазировать не привыкать, в том числе на как бы злободневные темы и темы, модные в народе.

Глупо полагаться на полное понимание со стороны зрителя и ему угождать. А он, зритель, со своей стороны часто не доверяет самому себе и при покупке произведения искусств обращается за советом к эксперту. Эксперты тоже люди, и они могут ошибаться невольно либо намеренно. Так ведь трудно плыть в *адекват* тем представителям общества, в ком информационный и эмоциональный перегруз уже давно, отчего усталость и растерянность стали диагнозом. И следует отметить некую данность – для каждой личности всё воспринятое им в какой-то мере оттенено только ему свойственными оттенками, что в той или иной степени оказывает влияние на его выбор. Хотя... Хотя уши играют огромную роль в этом деле. Внушение, вот это – инструмент! Опять же, все это встраивается в понятие «иллюзия» и является «правдивой сказкой».

Гул великой болтовни возвысился над бесхитростно устроенной жизнью граждан, не готовых сопротивляться безудержному натиску болтунов. Искусная болтовня набирала обороты и делалась сложней, задорнее, проникновеннее, привлекательней и, кажется, достигла вершины.

Здесь тому ваятелю повезет, кто сумеет больше душевных струн задеть у большего числа зрителей своей работой. А число зрителей может быть слишком велико, и зачастую это счастливые в своих заблуждениях обладатели твердых лбов. Ну как тут не упомянуть о силе иллюзии!

Заблуждение – источник иллюзий?

Нередко иллюзии направляют свою разрушительную силу не только на само разрушение отдельного человека, но им удаётся нанести урон пониманию реального положения дел целым группам людей, создавая ложные представления об устройстве жизни, о том или ином деятеле. Исторических примеров и в сфере культуры хватает: не сразу оценили картины Вермеера, Ван Гога, Гогена и прочих гениев, чьи картины теперь признаны шедеврами.

Иллюзии не планируются – они случаются. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову высказывать убеждение о стабильности в период смены лица страны, но другое дело надежда, от которой до иллюзии один шаг. Похоже, иллюзия почти всегда тут как тут. Если бы сказали несколько лет тому назад, что стрясётся такое не радующее сердца многих преобразование окружающей среды обитания и психология людей поменяется после того, как события в стране опрокинут её в хаос и люди почувствуют потребность в обновлении самих себя для понимания происходящих процессов вокруг них в чём бессознательно или сознательно сами участвуют, кто бы поверил в это? Нам почему-то нравится убеждать себя, будто всё в наших руках. Но мы видим: от нас почти ничего не зависит. Культурная жизнь страны напрямую зависит от процессов в стране – это понятно.

Мы можем только кое-что использовать, если сумеем взглянуть на всё вокруг нас и на самих себя со стороны. Кто из художников мужественно идёт навстречу тяготам? Единицы – при условии, что без тягот в достижении намеченной цели не обойтись, а цель по-твоему (по-моему) того стоит. Иными словами, те, кто по-настоящему готов на служение.

Если в недавнем прошлом изображение людей с пустым овалом вместо лица, как это рисовал Малевич в своих супрематических картинах, нуждалось в пояснении, то нынче оно удивит разве что единицы. Условности мы уже уяснили, теперь душа (или сознание), по-видимому, требует следующего шага в обновлении, например,двигающегося изображения, схожего с существом из плоти и крови, почему бы нет. Точно намереваемся создать искусственного противника из искусственных материалов для вызова воплощенной формы состязаться, зная, победа за вызывающим на бой, ведь противника в любую секунду можно изъять из действительности. Но это пока... А когда искусственный противник будет наделён способностью самосовершенствоваться и, тем более, анализировать происходящее, сам себе определять объём работы для выполнения, задавать вопросы и давать на них ответы – что тогда? Но ведь умная подвижная форма проделает всё это согласно заданной ей задаче её хозяином – человеком! А если случится сбой, и машина перестанет подчиняться тому, кто физически слабее и, в некотором смысле, глупее, зато он из плоти и крови?

Теперь же не станем далеко заглядывать, а поговорим о положении дел в искусстве сегодня. В области искусства происходят большие перемены, выходящие за пределы традиционных рамок, и те перемены не подлежат безоговорочному пониманию теми из нас, кому дышит в затылок прошлый век.

Как быть отверженным течениям в искусстве?

К счастью, традиционные направления культуры пока не отвергнуты народом, но значение всего принятого рассматриваться как классическое всячески принижается. Особенно модно стало снисходительно относиться к живописи, просто живописи, а не к исполненному в живописной технике плакату, сюжету с элементами шаржа либо экспериментальными изысками на холсте масляными красками. Так что некоторые из художников принадлежащие к классу потенциально отверженных не выдерживают нежданного обидного принижения их статуса в период формирования мироустройства XXI века и вступают в гонку по остроумию в рамках своего ремесла. Но чаще вступивший в такую гонку профессионал проигрывает молодым непрофессионалам. Констатировать степень униженности проигравшего возможно по сделанным ими произведениям. Не следует вступать в опасную игру без ясности в голове. Известно, энергетика, заложенная в картине, никогда не обманывает. Картина – лакмусовая бумажка сути художника, его души и показатель честности творца. Представление о душе художника дает не то, что он написал, а то, с какой интонацией это сделано.

Часто в стремлении к совершенству люди уже перестали искать и находить решение вопросов в живой природе, камне, небе, строении ползучих тварей и скакунов, крылатых особей и прочих, а склонились перед машиной без слабостей живого человека. *Зачем иной не прочь прикинуться картинкой, от посторонних глаз укрыть живые чувства? К чему стыдимся слабости?* Хотим счастливых на земле людей без недостатков и болезней. Но насколько верно определилась стартовая линия и каков финиш?

Разве сегодня искусственная роза способна превзойти живую розу, хотя не вянет и не имеет колющих шипов на стебле? Также и кукла-робот сколь ни была б совершенной машиной, ей не превзойти во всех аспектах живого человека, это чувственное хрупкое быстро стареющее существо. Пусть даже уступающее машине в сообразительности, красоте и физической силе, ведь и слабость наделена силой победителя. Вечно сохраняемая форма – конечно, условно – не вызовет к себе больше сочувствий, чем рождённый обыкновенной женщиной человек и не заинтересует судьба искусственной формы в той мере, в какой заинтересует судьба живого существа, особенно близкого по крови или играющего важную роль в твоём (моём) становлении как личности да продлевающих нам жизнь врачей.

Но надо сказать, выйдя из-под руки земного создателя, то бишь учёного художника-конструктора, она, кукла, способна вызвать неподдельный восторг и желание у мастера созидать, совершенствоваться в мастерстве из желания превзойти другого мастера, создавшего это чудо. Живое и условно живое, чему дал жизнь человек, взаимодействуют, они привязаны друг к другу, ведь не будь в такой форме необходимости, ей не суждено было бы появиться. К тому же всё существующее на этом свете сплетено меж собою не по инициативе человека и его воле, а находится внутри вселенского котла. Если хотите, все мы жители Земли вместе окружающим Землю космосом, есть смесь ингредиентов космического варева.

*До какого предела позволить машине совершенствоваться? Вот над чем следует подумать, прежде чем давать волю машинам. До чего доведёт нас неудержимая фантазия в этом направлении!? А в изобразительном искусстве? Что толкает художника становиться в некотором роде служителями в храме Мельпомены, выходить на условные театральные подмостки преодолевая собственную натуру, требующую уединения? На самом деле люди устали от привычного размеренного распорядка и склонились весело бытовать, весело деньги зашибать, весело сшибать головы... *Есть место для тебя (меня) в раздолье чужих воли?**

Собственные намерения порою больно бьются о чужие воли у порога к воплощению, но изобразительное искусство тем и хорошо, что даёт простор личной инициативе без оглядки на других. В искусстве бытует личная свобода: дела спорятся и тогда, когда у занятых в других областях людей дела стопорятся из-за внешних факторов. И опять – но! Мотивация у живописцев истощается от наплевательского отношения общества к культуре. И это всё допустил человек-соотечественник, современник! От склонности изжить в себе как можно больше человеческого в угоду идеальной машине или по чьему-то наущению это происходит?

Когда экспериментирование вкупе с прочими чудесами начала третьего тысячелетия приблизились к совершенству некоторые люди озаботились возвратом образа интеллигента в том виде, какой ныне представляется идеальным, над которым нависла угроза чистки агрессивным уборщиком современности.

«Мистер Искусство...»

Следуя собственной мотивации раскрыть свой взгляд на процессы в изобразительном искусстве приведу выдержку из вступительной главы моей повести «Мистер Искусство похоже жив»: Находя мир в начале XXI века подвижным разнообразным, нескучным, нельзя отрицать, что он, однако, чересчур неоднороден и членится на фрагменты, не поддающиеся объективной оценке очевидцев, ибо те фрагменты мельтеша в сознании не выглядят последовательными и не успевают построиться в понятный очевидцу ряд. К тому же образ жизни людей внутри формирования миров на стыке столетий обыкновенно ускользает от их беспристрастного взгляда, как, впрочем, в любые времена человек грешит пристрастием ко всему что с ним связано. В период смены одного тысячелетия другим, когда и предметы культуры, отражающие текущее время, несут в себе нечто революционное острое – хотя ничего принципиально нового в них нет, ведь человеку свойственно опираться на ранее приобретенный опыт – современникам этих перемен, невозможно дать объективную оценку происходящему.

Предположим, что создание действительно нового в искусстве – иллюзия. Потребность новизны в видении природы толкает к поиску иной трактовки природы на идейном обосновании того, как её понимает личность в социуме. Наблюдаем сегодня умелую маскировку вымысла под явь, что уводит от понимания реального положения дел. К тому же виртуальность наращивает мускулы (виртуальные). «Что б сказку сделать былью»

Сосуществование виртуальной реальности с действительностью формирует продукт новой эры. Дух противостояния бывшего с наступившим создаёт среду новому над, чем уже нависла угроза преодоления. В формирующуюся на наших глазах эпоху с помесью виртуальной реальности с действительностью возникло массовое тяготение к расширению ареала нового человека при помощи социальных сетей куда помещают свои изображения и всё остальное.

На небе звёзд ускорилось движение,
а на земле звёзд появилась тьма.
Чем больше их числом, тем меньше их цена.
А нищетой задавленный бедняга,
представив важной птицею себя,
хоть лучше бы ему назваться уткой,
мечтающей на праздничном обеде
смотреться гусем в яблоках на блюде,
вдруг встретит безразличие людей к своей персоне,
о сколько испытает горьких дней –
его усилия стать чуточку виднее напрасны были.

...размышляя над тем, куда ведут изменения эстетических представлений, способов выражения и принципов вообще художник задумывается и об изменениях в мироощущении людей, которое в свою очередь влияет на мироустройство. Представления о мире формируют образ мира, который ложится в основу художественного творчества.

Эстетическая подпитка – необходимость?

Для сохранности человеческого облика и мотивации продолжать жить человек нуждается в эстетической подпитке, этом топливе положительным свойствам души, где составными ее частями являются способность восторгаться и склонность к медитациям. Живопись – поле для медитации, без хорошей литературы личность деградирует. К сожалению, ошеломительная скорость смены событий на стыке веков принося физическую усталость мешает полному утолению духовного голода. К тому же в таком тяжелом ритме усиливается конфликт мировоззрений, и не до усмирения спорщиков. Когда круговерть характерная переходному периоду в жизни людей успокоится и бой мировоззрений ослабнет возникнет потребность в неподдельном искусстве, возвышающем дух, и тогда мир обретет гармонию. Надо надеяться!

Нужда в комфорте мотивирует приобретать вещи удобные и привлекательные. А поэтому появляются предметы, соответствующие этим требованиям. Рынок! К тому же красивая вещь практичнее и служит дольше. Например, дом, построенный обдуманно с любовью, охотнее станем поддерживать в хорошем состоянии, нежели сделанный тяп-ляп. Людям свойственно окружать себя предметами

искусства, часто неосознанно. Возможно, для киборгов дизайнерские решения бытовых предметов не будет иметь большого значения, но пока мы – люди, живём среди себе подобных.

К сожалению, новый век привнес в моду подражание кукольному идеалу, нечто ненастоящее стало привлекать людей, а разрушительное нетерпение поразило многих. Кукольность и нервозность чаще встречаются в мегаполисах, примагнитивших огромное количество человек на свою территорию, сосредоточие эгоизма и озлобленного неприятия всего того, что не входит предоставленный кем-то общий стандарт как форм, так и понятий. сложившихся в период бешеной скачки нового времени. В такой ситуации захочешь высказаться: *Право же, бесцеремонность, проявленная в наши дни, сопровождается бурной фантазией, большие смахивающей на буйство измышлений. Это есть безудержная бесконтрольно разудалая бравость, как следствие отсутствия понятия меры.* Да и откуда взяться большому числу тех, кто задумывался бы о чувстве меры и помнил об этом при создании чего-либо в такой круговерти, какую устроило нам начало третьего тысячелетия.

З.К. Дербиишева
Бишкек, Кыргызстан

УЧЕНЫЕ-РУСИСТЫ КЫРГЫЗСТАНА

RUSSIAN SCIENTISTS OF KYRGYZSTAN

ΡΩΣΙΚΗ ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΕΣ ΤΟΥ ΚΙΡΓΙΖΙΣΤΑΝ

Аннотация. Цель данного исследования – дать представление о киргизской русистике путем персонального знакомства с деятелями-творцами языкознания как науки в Кыргызстане. Объектом изучения являются имена видных ученых, внесших заметный вклад в науку о языке. Предмет исследования связан с резюмированием основных положений, научных открытий киргизских русистов по проблематике их исследований.

Ключевые слова: киргизская русистика; сопоставительное языкознание; языковые проблемы.

Abstract. The purpose of this study is to give an idea of the Kyrgyz Russian studies through personal acquaintance with the creators of linguistics as a science in Kyrgyzstan. The object of study is the names of prominent scientists who have made a significant contribution to the science of language. The subject of the study is related to summarizing the main provisions, scientific discoveries of Kyrgyz Russianists on the problems of their research.

Keywords: Kyrgyz Russian studies; comparative linguistics; language problems.

Киргизская русистика на сегодняшний день представляет собой сложившуюся научную систему, составными частями которой являются:

- 1) русское и сопоставительное языкознание;
- 2) русское и сопоставительное литературоведение;
- 3) методика преподавания;
- 4) русского языка в киргизской школе;
- 5) методика преподавания русской литературы в киргизской школе.

Каждое из них за многие годы существования оформилось в самостоятельное направление, у истоков которых стояли замечательные ученые-литературоведы (Е.К. Озмитель, М.А. Рудов, Ч.Т. Джолдошева, В.И. Шаповалов, Р.С. Шамурзина, Г.Н. Хлыпенко, Б.Т. Койчуев и др., а также выдающиеся методисты республики, такие как: Л.А. Шейман, В.Г. Каменецкая и Н.Г. Каменецкая, Г.У. Сооронкулов; П.И. Харакоз, Х. Бугазов, Р.Ш. Табаева, Н.А. Ахметова, К. Добаев и др.

В данной статье речь пойдет только об одном направлении, а именно: о вкладе в русистику Кыргызстана ученых-лингвистов. Русские языковеды Киргизии, унаследовавшие лучшие традиции известных лингвистов 30–40-х годов – Е.Д. Поливанова, И.А. Батманова, К.К. Юдахина и др., – внесли значительный вклад в развитие лингвистической науки в Киргизии.

А.Е. Супрун (1928–1999)

Становление Адама Евгеньевича Супруна как лингвиста-ученого связано с Киргизией, куда он переехал из Полтавы еще в детстве. В школу он пошел в киргизском городе Кок-Янгак. Филологическое образование А.Е. Супрун получил в Киргизском государственном университете (1952), пройдя путь от аспиранта до заведующего кафедрой. В Киргизии Адам Евгеньевич проработал около 15 лет. Здесь он читал студентам лекции по предметам славистического и общелингвистического циклов. Именно А.Е. Супруном впервые была создана киргизская научная школа по проблемам теории русского языка, в рамках которой было подготовлено первое поколение талантливых русистов, к числу которых относятся В.М. Анисимов, В.С. Щербаков, Н.П. Бутенко, О.В. Озаровская, Л.Н. Титова [4, с. 113].

Г.С. Зенков (1924–2004)

Одним из виднейших представителей русской лингвистики в Кыргызстане является д-р филол. наук, профессор Геннадий Степанович Зенков. Незаурядный ученый, блестящий лектор до сих пор считается лидером научной школы русистики в Кыргызстане. Характерные черты научного образа европейской лингвистической школы весьма полно соответствовали особенностям творческой личности Г.С. Зенкова, которая являла собой яркий образец ученого соссюрианского типа: Г.С. Зенков был главным образом ученым-теоретиком, разработавшим целостную концепцию словообразовательной системы русского языка. В Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990, 2002) имя Геннадия Степановича Зенкова

наряду со многими учеными, стоящими у истоков формирования словообразования как науки отмечено в разделе «Русистика», следующими словами: «Создаются оригинальные, обогащающие лингвистическую теорию труды в области словообразования (Г.О. Винокур, Е.А. Земская, Н.М. Шанский, В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, А.Н. Тихонов, Г.С. Зенков, Н.А. Янко-Триницкая, И.Г. Милославский). Монография Геннадия Степановича Зенкова «Вопросы теории словообразования» (Фрунзе, 1969) включена в избранную библиографию капитальных научных трудов последних десятилетий – академическую «Русскую грамматику» (М., 1980), а также указана в теоретической преамбуле «Словообразовательного словаря русского языка» профессора А.Н. Тихонова (М., 1985) [1, с. 6–9].

В.А. Маслова (1949)

Кыргызская лингвистика может с гордостью назвать в своих рядах имя известного в мире современной науки ученого проф. Валентины Авраамовны Масловой. В.А. Маслова, будучи родом из Беларуси, окончила филологический факультет Киргизского государственного университета. Затем в течение десяти лет работала в Ошском государственном университете на юге Киргизии, в котором она читала лекции по основным лингвистическим дисциплинам. В этом университете ею была подготовлена диссертация на соискание ученой степени на тему: «Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка: (на материале лекс. единиц): дис. ... канд. филол. наук / В.А. Маслова. – Ош, 1981. – 215 с.). Все годы пребывания в Киргизии В.А. Маслова активно занималась исследовательской деятельностью. За это время ею опубликовано более 20 научных статей по проблемам психолингвистики, прагматики художественного текста. Проф. В.А. Масловой разработаны новые направления в науке – лингвокультурология, когнитивная лингвистика, создана концепция лингвопоэтики. Автор более 500 публикаций, 30 из которых монографии, университетские учебники и пособия.

А.И. Васильев (1921–1996)

Вся творческая жизнь Александра Ивановича Васильева связана с лингвистической наукой в Киргизии. Он работал в Ошском государственном педагогическом институте, затем в Киргизском государственном университете, Педагогическом институте русского языка и литературы, где неустанно занимался научной деятельностью. Лингвистические интересы А.И. Васильева были прежде всего связаны с сопоставительным исследованием русской и киргизской фонологии. Во всех областях он демонстрировал собственное научное видение проблемы. Он был первым автором работ по формированию научной разработки киргизской фонологии в Киргизии. К числу его основных работ относятся такие труды, как «Сопоставительная фонетика русского и киргизского языков (Фрунзе, 1968), Лингвистические основы обучения русскому произношению в тюркоязычных школах (Фрунзе, 1968), Русское произношение (Фрунзе, 1985) и др. [2, с. 159].

Ф.А. Краснов (1928–2015)

Федора Андреевича Краснова, бесспорно, можно отнести к плеяде незаурядных ученых в нашей республике. Сфера его интересов изначально была связана с проблемами лексикологии и фразеологии. Его кандидатская диссертация была посвящена фразеологии Н. Лескова и выполнена под руководством известного русского ученого А.И. Ефимова. В дальнейшем Ф.А. Краснов, продолжая исследовать лексико-грамматические свойства фразеологизмов, начинает углубляться в природу языкового знака. В поисках ответа на вопрос о единице эмического плана на разных уровнях языковой системы, Ф.А. Краснов принимается за решение сложной лингвистической проблемы по установлению принципов идентификации языковых единиц на лексическом уровне, с учетом их физического характера и функционального потенциала. В итоге автор предлагает свое собственное видение и дает теоретическое обоснование по выделению вариантных и инвариантных единиц в лексической системе языка: «Лексема – это инвариантная единица, представляющая собой результат отождествления лексического материала с точки зрения физической, субстанциальной, ее узуальным варьированием является полисемия; инлексема (выделено мной – З.Д.) – результат отождествления этого же материала с точки зрения функциональной, ее узуальное варьирование выражено в синонимии» [6, с. 33].

А.О. Орузбаев (1937–2009)

А.О. Орузбаев был основоположником социолингвистической науки в Кыргызстане. Большая часть его исследований была связана с проблемами языковой ситуации, русско-киргизского билингвизма, взаимодействия языков полиэтническом Кыргызстане. Трактовка и описание ученым форм существования и сфер применения русского, кыргызского и других языков в республике послужили основой научного подхода к разработке законов о государственном и официальном языках. Широкое признание получила одна из последних монографий ученого “Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане”.

В данной монографии исследуется функциональная дистрибуция языков в Кыргызстане в социолингвистическом аспекте. В частности, проф. А. Орузбаев характеризует тип языковой ситуации в республике как экзоглоссную двухкомпонентную несбалансированную; автор также дает детальный анализ сфер использования языков. Впервые получают научное обоснование типы билингвизма, сложившиеся в республике после распада Советского Союза.

В.С. Щербаков (1927–1992)

Сферы научных интересов Виталия Степановича Щербакова распространяются на проблемы лингвистической типологии, сопоставительной грамматики, межуровневые связи языковой системы, историческую морфологию и фонетику русского и славянских языков. Предметом размышлений автора являются сложные

теоретические вопросы. В поисках ответа на истинную природу грамматического строя русского языка он рассматривает их в сравнительном контексте с явлениями типологического устройства других языков, что дает ему возможность сделать оригинальные, неповторимые по своей глубине выводы.

Так, им поднимается вопрос о тождестве и отдельности слова, что дает автору основание считать, что проблема слова для каждого языка должна ставиться по-своему. Говоря о значении слова, ученый акцентирует внимание на типологических особенностях соединения лексического и грамматического значений. Сравнивая частеречную систематизацию русского и киргизского языков, В.С. Щербаков отмечает, что в русском языке слово имеет двухуровневую характеристику: и частеречную, и синтаксическую, тогда как в киргизском языке эта характеристика одноуровневая, то есть преимущественно лексико-семантическая.

Развивая свою теорию дальше, В.С. Щербаков приходит к выводу о том, что традиционное деление на словообразование, морфологию, синтаксис, фонетику, лексикологию противостоит естественному, поскольку «границы проводятся там, где их не должно быть, а главное, в одну систему включаются на основании чисто внешних признаков несовместимые вещи. Морфология – пример такого эклектического единства» [3, с. 3–9].

М.И. Задорожный (10.06.1942 – 03.07.2002)

Одной из ярких личностей в кыргызстанской лингвистике, несомненно, можно считать Михаила Ивановича Задорожного. Круг его научных интересов был невероятно широк: лингвистика текста, общетеоретические вопросы языкознания, лингвоконтактология, психолингвистики, билингводидактики, лингвогностики. Доктор филологических наук, профессор. С 1967 года – член Союза журналистов СССР и РФ (с 1993 года). Автор более 280 научных работ. В 1959 г. поступил на филологический факультет Киргизского государственного университета, где слушал лекции и выполнял научную работу под руководством Г.С. Зенкова, А.Е. Супруна, А.И. Васильева, А.А. Брудного, Ф.А. Краснова, Е.К. Озмителя.

С 1968 по 1971 г. – аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ (научный руководитель – проф. Т.П. Ломтев). Большая часть его профессиональной и научной карьеры была связана с Кыргызстаном. С 1971 г. – преподаватель кафедры русского языка Киргосуниверситета. С 1976 г. – научный редактор журнала «Русский язык и литература в киргизской школе», старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы Киргизского НИИ педагогики, где существенное воздействие на формирование его общенаучных взглядов оказал известный методист, литературовед и этнокультуровед Л.И. Шейман. С 1981 по 1992 г. – заведующий кафедрой теории и истории русского языка Киргизского госпединститута. С 1993 г. – доцент, профессор кафедры русского языка Орехово-Зуевского пединститута (Московская область).

Его суждения, выступления в научных дискуссиях отличались теоретической сложностью и дискуссионностью, что свидетельствовало о нестандартности его научного мировоззрения.

К.З. Зулпукаров (1947)

Мэтром современной кыргызской лингвистики по праву считается проф. Капар Зулпукаров. Он является продолжателем традиций классической школы лингвистической науки. Его труды «Падежная грамматика: теория и прагматика». Санкт-Петербург – Ош, (1994) и «Введение в русскую казусологию» (2001), яркое тому подтверждение. Уровень теоретических обобщений в его работах отличаются строгой логичностью, высокой степенью аргументированности. Имея фундаментальные знания в области русского языкознания и будучи носителем кыргызского языка, Капар Зулпукарович проникает в глубины закономерностей двух языков и дает новую интерпретацию теоретических проблем через призму своего билингвального сознания. Так, в монографии, посвященной категории падежа, К.З. Зулпукаровым

- 1) установлены ранее не отмеченные типы парадигматических и синтагматических отношений в падежной системе;
- 2) выявлена иерархичность падежных структур и значений, намечены пути интегрирования и анатомирования семантики падежей;
- 3) введены понятия падежного синтагмообразования и тестообразования;
- 4) адекватно определены источники, порождающие падежные значения; установлена статистика значений каждого из 6 падежей;
- 5) впервые им создан один из возможных вариантов учебной модели падежа, имеющих точного адресата (киргизскую аудиторию).

М.Дж. Тагаев (1947)

Мамед Джакыпович Тагаев сегодня в Кыргызстане считается одним из ведущих ученых в области языкознания. Сфера научных интересов проф. М.Дж.Тагаева характеризуется не только широтой, но и глубиной научного осмысления языковых проблем. Его докторская диссертация на тему «Полипарадигмальная модель функционирования деривационной системы (на материале взаимодействия русского и кыргызского культурно-языковых пространств)» является обобщающим теоретическим исследованием по словообразовательной проблематике, которой автор начинал заниматься с благословения своего учителя проф. Г.С. Зенкова. Автор отмечает, что современный этап развития лингвистической мысли требует синтеза различных научных парадигм и методологических подходов для описания, использования полипарадигмального подхода в рамках триады “человек – язык – действительность”. Именно с позиций дериватологии проф. Тагаев раскрывает билингвальную картину мира, свойственную для жителей Кыргызстана. С позиций когнитивного подхода ученый вводит понятие номинатемы,

представляющей особый тип концепта, смысловое содержание которого базируется на мотивационных отношениях.

М.И. Лазариди (1947)

Милану Исааковну Лазариди можно назвать ученым с поэтическим восприятием лингвистики. Прекрасный знаток греческой, грузинской, русской поэзии, Милана Исаковна свои научные сообщения на конференциях неизменно сопровождает замечательными поэтическими иллюстрациями. Знание структуры киргизского языка ученый использовала в рамках кандидатского исследования, в котором впервые сравнивались типизированные схемы русских и киргизских безличных предложений (Москва, РУДН, 1987). Исследование ученого имело значительную лингвометодическую ценность в плане преподавания грамматики безличных конструкций в славянских и тюркских языках. В докторской диссертации проф. М.И. Лазариди «Номинативно-функциональное поле психических состояний в русском языке» (Волгоград, 2001) представлены все типы потенциальных полей в системе языка и введен в научный оборот новый тип поля. Номинативно-функциональное поле детально было представлено на материале поля психических состояний в русском языке. Описаны поля базовых психических состояний (страх, беспокойство, злость, грусть, радость, стыд). Структурная организация нового типа поля, предложенная автором, стала дальнейшим шагом в разработке лингвистической теории моделей системы языка.

С.Н. Абдуллаев (1959)

Профессор Сайфулла Нурмухаммедович Абдуллаев – представитель Новосибирской филологической школы в Кыргызстане. Он является выпускником факультета русского языка и литературы Пржевальского педагогического института. В настоящее время – профессор кафедры русского языка Иссык-Кульского государственного университета, директор исследовательского этнокультурного центра «Ренессанс». Как русист С.Н. Абдуллаев работает в нескольких направлениях. Это вопросы функционирования русского языка в контексте многоязычия и межкультурного взаимодействия, транскультурная специфика функционирования русского языка в Иссык-Кульском регионе Киргизии. В сфере исследовательских интересов проф. С.Н. Абдуллаева неизменно находится сопоставительно-типологический подход к проблемам преподавания русского языка как неродного в тюркоязычной аудитории.

Н.М. Шевченко (1949–2015)

Наталья Михайловна Шевченко была человеком, одержимым наукой. Источником ее научного вдохновения была поэзия Марины Цветаевой. Н.М. Шевченко – известный ученый-лексикограф, автор фундаментального труда “Фразеологический словарь русского языка”, в котором содержится более 3 тысяч фразеологических единиц из литературно-художественных текстов (издания 2002

и 2007 гг.). В 2004 г. под ее авторством вышел словарь «Имена собственные в эпосе “Манас”», в котором зафиксировано 1400 лексических единиц в оригинале и русской транслитерации по тексту эпоса в 4-томном академическом издании 1984–1995 гг. [5, с. 168–170]. Ее докторская работа «Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии» была защищена в Москве. Автор конструирует языковую картину мира поэта, создает ее языковой портрет, формулирует своеобразие авторского мировоззрения, которое описывается знаками кодовой системы индивида (прецедентные имена, авторские фразеологизмы и формулы), обладающими метафорическим потенциалом. Ею создан ряд словарей по антропонимам эпоса Манас, ментальным формулам Марины Цветаевой, два фразеологических словаря, написан ряд серьезных монографий, которые стали ее научным наследием после ее скоропостижной кончины.

У.Дж. Камбаралиева

Одним из молодых и перспективных исследователей в кыргызской русистике является Уулкан Камбаралиева. Выпускница Тверского (Калининского) государственного университета, она является автором нескольких монографий и ряда вузовских учебников по грамматике. Ее монография «Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира» является итогом ее докторского исследования. Глубокие, научно выверенные выводы автора связаны с выявлением концептуального сходства темпоральной сферы разных этносов, что предопределяется универсальным свойством сознания народов, а восприятие темпоральности и темпоральных отношений, процессы их концептуализации и категоризации в значительной степени, по мнению автора, обусловлены этнокультурной спецификой народа. Работа над данной книгой получила продолжение в обобщающем очень важном труде проф. Камбаралиевой «Когнитивное языкознание», написанная на кыргызском языке. Эта работа является творческим переложением на материал кыргызского языка теоретических основ, разработанных в российской когнитивной лингвистике.

Заключение. В рамках данной статьи представлены наиболее значимые имена ученых-языковедов, создававших кыргызскую русистику, те, для которых исследование лингвистических проблем было не просто неотъемлемой частью их профессии, а насущной потребностью рефлексии над природой языковых единиц, естественным состоянием постоянного поиска ответов на сложные теоретические вопросы. Это те люди, для которых лингвистика стала таким же творчеством, как для поэта – создание стихов, для художников – создание картин.

Литература

1. *Дербишиева З.К.* Лингвистическая концепция проф. Г.С. Зенкова // Вестник КНУ им. Баласагына, 2014. Спецвыпуск.
2. Русисты Кыргызстана. А.И. Васильев // Русский язык в Кыргызстане. Сб. научных трудов. Вып. 1. – Бишкек, 1998.

3. Сапожникова И.А. Рукописное наследие В.С. Щербакова // Вестник КНУ им. Баласагына. Серия 1. Вып. 4-5. – Бишкек, 2009.
4. Скирдов В.Д. Русисты Кыргызстана: Адам Евгеньевич Супрун // Русский язык в Кыргызстане: сб. трудов. Вып. 2. – Бишкек, 2000.
5. Хлыпенко Г.Н. Удивительный лексикографический труд // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 3.
6. Янцен В.К. Живой пример высокого служения русскому слову (памяти Ф.А. Краснова) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – 2015. – № 1.

С.Н. Абдуллаев, Г.С. Абдуллаева
Каракол, Кыргызстан

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

ON THE TYPOLOGY OF SIMPLE SENTENCES IN RUSSIAN AND TURKIC-MONGOLIAN LANGUAGES

ΣΧΕΤΙΚΑ ΜΕ ΤΟ ΖΗΤΗΜΑ ΤΗΣ ΤΥΠΟΛΟΓΙΑΣ ΤΩΝ ΑΠΛΩΝ ΠΡΟΤΑΣΕΩΝ ΣΤΟ ΡΩΣΙΚΗ ΚΑΙ ΤΟΥΡΚΙΚΗ-ΜΟΓΓΟΛΙΚΗ ΓΛΩΣΣΑ

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы типологии элементарных простых предложений в разных языках. Такие единицы языка делятся на группы и подгруппы. В каждом языке элементарные простые предложения образуют свою систему. Важную роль играют процессы варьирования моделей предложений.

Ключевые слова: модель; типология; элементарное простое предложение; вариант; система.

Abstract. The article discusses the typology of elementary simple sentences in different languages. Such units of the language are divided into groups and subgroups. In each language, elementary simple sentences form their own system. The processes of variation of the offer models play an important role.

Keywords: model; typology; elementary simple sentence; variant; system.

В результате современных синтаксических исследований в русистике, тюркологии и монголоведении сложилось представление о том, что элементарное простое предложение (далее – ЭПП) является центральной единицей языковой системы [3, 5]. Элементарным называется такое простое предложение, которое состоит только из предиката, актантов и локализаторов.

Локализаторами именуются компоненты предложения при предикатах местонахождения и движения, столь же необходимые здесь как актанты при предикатах действия, состояния и отношений. Например: Русск. Студенты сидят в аудитории. Тат. Без монда яшибез. «Мы живем здесь»; Балалар мәктәпкә баралар. «Дети идут в школу».

В языке и речи все «неэлементарные» предложения имеют в своей основе ЭПП. Так, например, «допредложенческие» синтаксические формы, в частности словосочетания, вычленяются из ЭПП или из объединений ЭПП (например, группы однородных членов). Все синтаксические формы более крупные, чем ЭПП представляют собой результат объединения двух и более ЭПП, подвергающихся при этом различным языковым процессам редукционного типа. Недоступные прямому наблюдению ЭПП как языковые сущности могут быть репрезентованы моделями, в которых отражается исследовательское понимание этих объектов [2, 6].

Моделирование – это специфическая методика исследования ЭПП. Оно обусловлено из понимания ЭПП как знака синтаксического уровня, который не может быть представлен непосредственно, потому что конкретное лексическое наполнение синтаксических позиций свойственно фразам. На уровне сущности конкретное лексическое наполнение отсутствует.

Модель ЭПП фиксирует облигаторные компоненты-позиции, которые представляются с помощью традиционных «символов-классов слов» N, V, Adj, Adv, где символ N опровождается условными номерами падежей (N1 – именительный (неопределенный), N1 – родительный (притяжательный), N3 – дательный, N4 – винительный, N5 – местный, N6 – исходный, N7 – творительный (инструментальный)).

Задача создания минимизированного регистра падежей и аналогичных им форм, обслуживающих необходимые компоненты моделей, с присвоенными им порядковыми номерами, пригодных для всех языков, сегодня стоит как актуальная перед синтаксистами. Предварительные полученные итоги ориентированы, в частности на тюрко-монгольские парадигмы [2, 6]. Важно подчеркнуть, что под синтаксическим углом зрения эти символы приобретают более широкий, не морфологический, а синтаксический смысл. Так, символ N4 подразумевает не столько форму винительного падежа, сколько позицию прямого объекта, которую замещают формы и неопределенного, и исходного (частичного) падежей.

План содержания моделей представляет семантическая запись, в которой используются вопросительно-относительные местоимения. Предикаты, управляющие актантами и локализаторами, должны, в принципе, фиксироваться в семантической записи как имена отношений, но пока этот вопрос еще находится в стадии практической доработки [1].

Важный аспект моделирования предложений – это типология их моделей. Общее множество моделей каждого языка рассматривается нами как система, все члены которой связаны между собой разными типами отношений: синонимии,

антонимии, полисемии. Система представлена подсистемами, объединяющими и взаимно противопоставляющими подмножества моделей.

1. Двусоставные модели, которых большинство, противопоставлены немногочисленным односоставным.

1.1. Подмножество тюркских односоставных моделей невелико, оно не содержит глагольных моделей, но содержит две основные именные модели – {N3 Adj (cop)} Уйг. Һәдәмгә көңүллүк «Сестре приятно» {N5 Adv (cop)} Алт. Мында соок – «Здесь холодно». Кирг. Мага көңүлсүз «Мне неприятно»; Тат. Урамда салкын «На улице прохладно». Уйг. Чөлдә көңүлсиз «В пустыне неуютно».

1.2. Среди двусоставных моделей выделяются далее три взаимно противопоставленные подсистемы моделей. Это, во-первых, модели с глагольными предикатами, управляющими актантами (глагольные модели), во-вторых, модели с различными именными предикатами (именные модели), и, в-третьих, подсистема моделей, в которой противопоставленность глагольных и именных предикатов, а также и переходных/непереходных глаголов в известной мере нейтрализуется. В формальном отношении последняя субгруппа моделей характеризуется вхождением локализаторов, а в функционально-семантическом плане – своей ориентацией на выражение пространственных отношений. Например: Тат. Килен китапны укый «Невестка читает книгу»; Малай зур «Мальчик большой»; Өстәлдә китаплар яталар «На столе лежат (находятся) книги».

Глагольные модели на следующем шаге делятся на две подсистемы: одна представлена моделями, формируемыми переходными глаголами, описывающими разные типы действий, вторая – моделями, формируемыми непереходными глаголами, описывающими «безобъектные» процессы и состояния. Например: Уйг. Деханлар йәрни ишлитиватиду «Земледельцы обрабатывают землю»; Жуганлар ойникакта «Молодые женщины веселятся».

2.2. Именные двусоставные модели образуют единую подсистему. Они выражают три основных типа значений: отнесение объекта к классу, качественно-оценочная характеристика объекта (двухкомпонентные модели, состоящие из подлежащего и сказуемого) и отношение (трехкомпонентные модели) и третий – имя отношения:

Ср. Кирг. Бишкек борбор шаар «Бишкек – столица». Аксакал бизге тууган «Старец нам родственник»; Уйг. Қәшқәр қәдимки шәһәрдуз «Кашгар древний город». Рошәнгүл бизгә муәллим «Рушангуль нам учительница».

2.3. Третья подсистема – это модели «пространственной ориентации». Они разделяются далее на подсистему моделей местонахождения (включая значения, наличия/отсутствия и существования) и очень многочисленную и сложно организованную подсистему моделей движения и перемещения объекта. Например. Тат. Урамда машиналар бар «На улице есть машины»; Кирг. Тоодо эс алуучулар жок «В горах отсутствуют отдыхающие»; Тат. Малайлар утынны урамдан авылга ташыйлар «Мальчики транспортируют дрова из леса в село»; Уйг. Яш келин гүлләрни өйдин һойлиға елип чиқти «Молодая невестка вынесла цветы из дома во двор».

В качестве инвариантной нужно сказать о модели (или моделях), структурная схема которых показывается формулой $\{NI V\}$. Это формула глагольно-предикативного узла и одновременно – «базовая» формула для всех предложений, формируемых непереходными глаголами. Все формулы ЭПП различаются формами (а соответственно, и функциями) своих «вторых актантов».

В данном же случае таковых нет. Речь идет о предложениях, не содержащих никаких позиций необходимых участников пропозиции, кроме ее субъекта. Самая простая структурная схема совершенно закономерно содержательно оказывается очень сложной и противоречивой [4]. Модельное исследование предполагает выявление и фиксацию моделей, составляющих каждую из намеченных выше подсистем, а затем исследование системных отношений между моделями в рамках этих подсистем. Системные отношения связывают и взаимно противопоставляют модели как в содержательном, так и в формальном планах. В формальном плане прежде всего привлекает внимание проблема структурного варьирования модели. Здесь интересны различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции.

Наряду с относительно простыми случаями типа варьирования падежных форм прямого объекта выявляются и более сложные отношения. Например: между формами локализаторов местонахождения (где) и ориентации движения или перемещения объекта (куда, откуда). Заслуживают внимания отношения между местным и дательным падежом, выбор между которыми связан с грамматическим временем, в котором строится фраза. При глаголах перемещения (помещения) объекта выбор между этими падежами связан с интерпретацией самого действия в сознании говорящего. Например: спрятать, положить – куда/кому или где/у кого, но отнести – только куда/кому. Но на практике часто мотивировать выбор оказывается гораздо труднее.

В содержательном плане любопытна синтаксическая полисемия, то есть семантическое варьирование моделей, обусловленное типовой лексической семантикой компонентов. Типовая лексическая семантика предполагает принадлежность лексемы, занимающей ту или иную позицию модели, к определенному классу: обозначения человека (лицо), животных, растений, артефактов, пространств, абстрактных понятий и представлений. «Границей полисемии», как и в лексикологии, является, видимо, омонимия; но это специфическая синтаксическая «псевдоомонимия». Подлинной омонимией между моделями быть не может, так как знаки языка, модели не имеют конкретно-материального плана выражения, который мог бы совпадать или не совпадать с чем-то другим. Но когда они становятся объектом исследования, возникает необходимость так или иначе представить их. Записать буквами (словами) можно только фразу. Записывая модели при помощи символов, составляющих формулу, «структурную схему», можно видеть, что одна формула иногда соответствует разным смыслам [1]. При этом случается, что оценить их как семантическое варьирование не представляется возможным.

Например: Алт. (1) Учар Кудреш=ле куучында=ш=канн «Учар разговаривал с Кудрешем» (глагол содержит суффикс совместного действия =ш=; Кудреш здесь не «соучастник»: а контрагент, обязательный участник коммуникации); (2) – Сен=ле не болгон? «Что с тобой было (случилось)»? Здесь форма инструменталиса представляет своего рода «объект-пациенс» независящих от его воли негативных обстоятельств. Это явно другая модель. Ср. в Кирг. Сага эмне болгон? «Что с тобой случилось?» Встречаются и такие фразы, как Алт. Уредучибис бистин, једимдерибис=ле јакшыркаар «Наша учительница гордится нашими успехами», где предикат – один из глаголов чувства. Такие глаголы в тюркских языках формируют модель со вторым актантом в дательном падеже. Форма инструменталиса здесь – либо «окказиональный разрешенный вариант»– либо это третья модель «омоним».

Подобную «псевдоомонимию» нужно стараться «снимать», уточняя формулы, вводя в них дополнительные знаки-дескрипторы (например, дескрипторы семантических типов слов (h – homo – человек, art – артефакт, lok – пространственное представление, sit – ситуация, событие и т. п.). Например, фразы типа Алт. Учар Кудрешле куучындашкан можно записать как N(h)1 N(h)7, а фразы типа Алт. Сен=ле не болгон? – как N(s)1 N(h)7. Таким образом, многие теоретические вопросы моделирования предложений уже получили свое разрешение в трудах по русскому и тюрко-монгольским языкам. Конечное число моделей предложений образует в языках уникальные системы. Но много вопросов в области теории еще ждут своей доработки.

Литература

1. *Абдуллаев С.Н.* Модальные модификации как парадигматические формы моделей предложения в уйгурском языке // Иностранные языки в современном мире: сб. материалов I Казанского междунар. лингвист. форума. – Казань, 2020. – С. 18–26.
2. *Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С.* Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета – 2014. № 2 (22). – С. 38–40.
3. *Кошкарева Н.Б.* Синтаксис современного русского языка. Ч. 1. Простое предложение. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. – 264с.
4. *Строй уйгурского языка: Академическая грамматика.* – Алма-Ата: Наука, 1989. – 472 с.
5. *Черемисина М.И.* Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск: СО РАН, 1998. Вып. 4. С. 3–30.
6. *Черемисина М.И.* Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛЕЙ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

BASIC FIELD CLASSIFICATION MODELS IN LINGUISTICS

ΒΑΣΙΚΑ ΜΟΝΤΕΛΑ ΤΑΞΙΝΟΜΗΣΗΣ ΠΕΔΙΟΥ ΣΤΗ ΓΛΩΣΣΟΛΟΓΙΑ

Аннотация. В статье описываются различные подходы к классификации моделей языкового поля, отмечается вклад кыргызских ученых в развитие теории поля в языкознании.

Ключевые слова: поле; функционально-семантическое поле; номинативно-функциональное поле; ядро; центр; периферия поля.

Abstract. The article describes various approaches to the classification of language field models, and notes the contribution of Kyrgyz scientists to the development of field theory in linguistics.

Keywords: field; functional-semantic field; nominative-functional field; core; center; periphery of the field.

Термин «поле» используется в разных науках и основан на метафоре, в основе которой лежит идея пространства. Употребление термина «поле» в гуманитарных науках означает взаимодействие элементов, объединенных общим признаком в определенную сферу, имеющую определенную структуру.

Теория поля в языкознании начала разрабатываться с XIX века. Однако среди лингвистов нет однозначного мнения относительно понятия поля, его объема, лексического содержания, структурной организации.

Распространение понятия поле связано с именем Г. Ипсена, который определял поле как «совокупность слов, обладающих общим значением». В основу семантического поля Г. Ипсена положен парадигматический подход. Синонимы, слова одной тематической группы, значения многозначного слова, производные, находящиеся на одной ступени словообразования составляют парадигматическое поле [12, с. 22]. Парадигматические поля были объектом исследований таких ученых, как В.И. Кодухов, Ф.П. Филин, О.Г. Ревзина.

Основоположителем экстралингвистического подхода, характеризующегося наличием номинативных полей и различного рода тематических и терминологических группировок, считается Й. Трир. [13, с. 98]. В понимании Й. Трира язык представляет собой замкнутую систему, определяющую сущность составных частей. Система понятий, существующая в сознании, представляет содержательную сторону языка и членится языком. Понятийному полю Й. Трира в языке

соответствует словесное или лексическое поле, которое накладывается на соответствующее понятийное поле. Замкнутость системы проявляется в том, что лексические поля, покрывая понятийные, очерчивают их границы. Следовательно, способность слов выражать некий круг понятий формирует состав лексического поля, занимающего промежуточное положение между отдельным словом и всей языковой системой. Заслугой Й. Трира обычно считают то, что он расчленил понятия «лексическое» и «понятийное» поле и ввёл в лингвистический обиход эти термины [12, с. 23].

Как видим, в основе выделения семантического поля Й. Трира был положен логический подход. Несколько своеобразной была трактовка Л. Вайсбергера, «различающего несколько типов полей». В его понимании «языковое поле образуется группой взаимодействующих знаков и является частью промежуточного мира. Промежуточный мир определяется как результат взаимодействия мира вещей и мира сознания» [12, с. 49]. В зависимости от того, со скольких точек зрения можно анализировать поле, Л. Вайсбергер выделяет однослойные, двуслойные и многослойные поля.

Синтагматический подход характеризует «синтаксическое поле» В. Порцига, который в качестве объектов исследования взял словосочетания и синтаксические комплексы, «в которых явно проступала возможность семантической совместности компонентов» [12, с. 53]. Языковое значение, В. Порциг определяет через его отношения ко всем остальным значениям. Подход В. Порцига допускает известную самостоятельность слов, членов «элементарных полей значений», чем и отличается от подхода Й. Трира.

Психолингвистический подход положен Ш. Балли в основу ассоциативных полей. «Отличие семантических полей такого рода от семантических полей Г. Иппсена и его последователей состоит, прежде всего, в том, что при их установлении сознательно используются слово-стимул и его ассоциаты, а установление объема поля происходит в результате эксперимента с испытуемыми, следовательно, опирается на анализ не текста, а психики испытуемых. Кроме того, измеряется семантическое расстояние между ассоциатами с помощью математического аппарата [12, с. 83]. Отметим, что если не дифференцировать какой-то признак для определения ассоциатов, то может получиться объемная полевая структура, поскольку у разных респондентов слово-стимул вызывает разные ассоциации.

Ю.Н. Караулов приводит более 30 определений семантического поля как единицы лексико-семантической системы, в соответствии с отличительными свойствами, принципами внутренней организации. В данных определениях к числу общих свойств поля относится связь его элементов. Нужно отметить, что относительно природы этих связей также нет единого мнения: в одних случаях, она строится на близости значений, в других – обусловлена единством точки зрения на объект, в-третьих, – определяется наличием общего семантического компонента.

По мнению П.Н. Денисова, «термин «поле» подразумевает прежде всего обширность и аттракцию (тяготение друг к другу абстрактных (элементарных)

семантических компонентов). «Не слова входят в семантическое поле, а лексико-семантические варианты (ЛСВ)» [4, с. 125]. Как дифференцирующие признаки им выделяются следующие свойства поля:

- 1) обширность;
- 2) смысловая аттракция, а не бинарное противопоставление;
- 3) целостность;
- 4) упорядоченность;
- 5) взаимоопределяемость элементов (каждый элемент поля «прилегает» к соседнему);
- 6) полнота;
- 7) произвольность и размытость границ;
- 8) непрерывность).

Во всех лингвистических исследованиях указывается наличие ядра и периферии в полевых структурах. Анализ литературы показал, что термины *центр* и *периферия* используются в основном при обозначении тех частей объектов, которые соотносятся как системное и асистемное, регулярное, главное и факультативное, но что такая идеализация «системного» центра в противоположность «хаотической» периферии должна быть преодолена в результате рассмотрения центральных и периферийных зон в качестве равноправных [10, с. 39–40].

Ядро семантического поля представляют языковые единицы, наиболее типичные для выражения его инвариантного значения (функции), имеющие максимальную концентрацию признаков, образующих поле. Количество языковых единиц, входящих в состав ядра, как правило, немногочисленно. В ядре семантического поля находятся стилистически нейтральные единицы с абстрактным значением, претендующие на обозначение названия полевой структуры в целом. Другими словами, имя поля часто является ядром семантического поля.

Термины *ядро* и *центр* исследователями чаще всего рассматриваются как взаимозаменяемые. Л.Д. Андреева в работе «Концепция языкового поля в свете доминантного анализа» разграничивает эти понятия: при метаязыковом описании понятия «центр» и «ядро» состоят в отношении объемлющего и объемлемого. Центральная часть поля представляет собой сложную организацию и состоит из ядра и околоядерного пространства [1, с. 5]. Мы в своей работе придерживаемся этой точки зрения.

Исследователями отмечается, что единицы ядра употребляются в языке в течение многих веков, в то время как периферия постоянно изменяется, подвергаясь экстралингвистическим воздействиям, и вследствие чего она может как пополняться, так и сокращаться. Структурирование единиц поля на ядро и периферию – это своеобразное стилистическое структурирование. Ядром поля является нейтральное слово, выражающее доминантное понятие, чем дальше от ядра, тем больше единиц, выражающих понятие экспрессивно. Например, ядром поля «удивление» является слово «удивление» и однокоренные слова разных частей речи. В центре поля – недоумение, изумление, ошеломление и однокоренные

им слова. Периферию представляют слова: ахать, надивиться, диво, имеющие помету «разг.»; подивиться, имеющее пометы «устар. и прост.».

Предметом анализа функциональной грамматики является *функционально-семантическое поле*, разработанное А.В. Бондарко.

Основанием для выделения ФСП Бондарко считает взаимодействие грамматической категории, формы, конструкции грамматического или лексико-семантического класса слов с другими единицами (включая единицы лексики и контекста) на базе общности семантики при наличии некоторого семантического инварианта в значениях средств, относящихся к данному полю. Внимание при описании ФСП направлено на выявление структуры поля, иерархию и взаимные связи его элементов, структурирование ФСП в языковой системе, и что особенно важно, на соотношение грамматической единицы и контекста. Ученый выделяет в ФСП два аспекта: конкретно-языковой и универсально-понятийный и указывает, что термин ФСП используется относительно первого аспекта, для второго аспекта предлагается термин «понятийное поле».

В рамках ФСП ученый выделяет два основных структурных типа: 1) поля с четко выраженной доминантой – моноцентрические; 2) поля, базирующиеся на совокупности различных средств, не образующих гомогенной системы – полицентрические. Поля второго типа подразделяются на подтипы:

а) поля диффузной структуры, со множеством компонентов, где обнаруживается слабая связь между ядром и периферией;

б) поля с явно выраженными центрами компактной полицентрической структуры [3, с. 61–62].

Функционально-семантическое поле характеризуется целостностью содержания поля, базирующейся на определенной семантической категории.

Для средств формального выражения целостность не характерна, поскольку они относятся к разным языковым уровням и по своей структуре разнородны.

По мнению А.В. Бондарко, описание системы ФСП – основной принцип построения функциональной грамматики. Он выделяет в структуре ФСП *центр (ядро) поля* и его *периферию*, ядро занимают грамматические (морфологические) средства выражения, а периферию составляют все виды неморфологических средств, выполняющих одну и ту же семантическую функцию, что и морфологическое ядро [3, с. 4].

Исследователи отмечают следующие наиболее релевантные признаки функционально-семантических полей:

1) наличие общих инвариантных семантических функций у языковых средств данной группировки;

2) взаимодействие грамматических и лексических элементов;

3) структура, определяющими признаками которой являются членение центр – периферия и диффузность границ между группировками.

Отечественные языковеды внесли свой вклад в развитие теории поля. Среди имеющихся грамматических работ отмечается тематика

функционально-семантических полей, которая сосредоточена на решении проблем разработки вопросов репрезентации как на материале одного языка, так и на материале нескольких языков. Одной из первых является работа М.Дж. Тагаева, в которой описываются деривационные средства русского и кыргызского языков в аспекте преподавания русского языка кыргызским учащимся [11]. Автор полагает, что в настоящее время необходимо проводить полипарадигмальное описание, построенное на принципах системно-структурной лингвистики и использующее данные разных наук, в том числе когнитивной науки. В контрастивном аспекте рассматриваются языковые явления в трудах З.К. Дербишевой, К.З. Зулпукарова, Б.Т. Борчиевой, Г.К. Джумалиевой и др. [Дербишева, 2003; Зулпукаров, 1994; Борчиева, Джумалиева].

В работах М.И. Лазариди, Е.И. Жоламановой в качестве способа исследования языковых репрезентаций психических состояний в русском языке предлагается номинативно-функциональное поле.

Таким образом, для поля свойственны следующие основные характеристики:

- 1) поле – это совокупность элементов, интегрированных на основе семантической общности и функции, выполняемой в языке, находящихся между собой в системных отношениях;
- 2) составляющими поля являются как одноуровневые, так и разноуровневые средства языка;
- 3) поле образуют как минимум два микрополя;
- 4) структурно поле состоит из ядра и периферии, для которых характерны свойственные им специфические черты и выполняемые функции; граница между ними нечеткая, размытая;
- 5) элементы поля могут составлять ядро одного поля и в то же время представлять периферию другого поля (полей); разные поля имеют точки пересечения.

Литература

1. *Андреева Л.Д.* Концепция языкового поля в свете доминантного анализа // Лингвистические исследования – 1986. Социальное и системное на различных уровнях языка: сборник научных трудов. – М., 1986. – С. 3–10.
2. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: УРСС, 2001. – 208 с.
3. *Борчиева Б.Т.* Функционально-семантическое поле пространства в русском и киргизском языках. – Бишкек: Илим, 2003. – 144 с.
4. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
5. *Дербишева З.К.* Функциональная грамматика русского и кыргызского языков. – Бишкек, 2003. – 145 с.
6. *Джумалиева Г.К.* Функционально-семантическое поле интеррогативности в английском и кыргызском языках (контрастивный и переводческий аспекты). – Бишкек: БГУ, 2011. – 182 с.

7. *Жоламанова Е.И.* Номинативно-функциональное поле психических отношений «любовь» – «ненависть» в современном русском языке: учебное пособие. – Бишкек, 2011. – 113 с.
8. *Зултукаров К.З.* Падежная грамматика: теория и прагматика. – СПб.; Ош, 1994. – 317 с.
9. *Лазариди М.И.* Психические состояния в полевом описании: монография. – Бишкек, 2011. – 356 с.
10. *Рудяков А.Н.* Понятийный аппарат семантики лексических групп // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1989. – С. 38–46.
11. *Тагаев М.Дж.* Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования (на материале русского и кыргызского языков). – Бишкек: КРСУ, 2004. – 282 с.
12. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
13. *Яцкина В.И.* О некоторых подходах к теории семантического поля // Функционирование языковых единиц в контексте. – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1978. – С. 97–102.

И.В. Заманова
Китай, Чжэнчжоу

НОМИНАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ В КОНЦЕПЦИИ М.И. ЛАЗАРИДИ

NOMINATIVE-FUNCTIONAL FIELD IN THE CONCEPTION OF M.I. LAZARIDI

TO ONOMASTIKO-LEITOYRGIKO PELIO STHN ENNOIA TOY M. I. LAZARIDH

Аннотация. В настоящем исследовании предлагается анализ оригинальной семантики термина номинативно-функциональное поле (НФП), который был введен в лингвистику М.И. Лазариди, доказывається необходимость использования термина при моделировании процессуальных полей психической лексики. Исследование функционирования термина в научном дискурсе показывает появление частных значений: когнитивное комплексное поле и метод межуровневого исследования инвариантного смысла.

Ключевые слова: номинативно-функциональное поле; системность в языке; терминология; теория поля в лингвистике; психическая лексика.

Abstract. The present study offers an analysis of the original semantics of the term nominative-functional field (NFF), which was introduced into linguistics by M.I. Lazaridi, as well as it proves the necessity of using the term in modeling the processual fields of psych vocabulary. The study of the term functioning in scientific discourse shows the appearance of particular

meanings: a cognitive complex field and a method of inter-level research of an invariant meaning.

Keywords: nominative-functional field; system in language; terminography; field theory in linguistics; phsyh vocabulary.

Постановка проблемы. Лингвистическая терминология имеет потенцию к расширению поля многозначности. Многозначными, например, являются термины «поле», «тематическая группа», «лексико-семантическая группа», «лексический класс», «система», «структура» и многие другие. На данный момент можно говорить о существующих концепциях понятийного, ассоциативного, концептуального, синтаксического, функционального, морфосемантического, фразеосемантического, номинативного и др. типов полей. М.И. Лазариди ввела в лингвистический метаязык термин «номинативно-функциональное поле». Видится *актуальным* анализ содержания термина в оригинальной концепции автора и обоснование правомерности и необходимости его введения в теорию семасиологии. *Новизна* исследования определяется новизной самого материала, а также отсутствием специальных работ по теме. *Практическая значимость* обусловлена вкладом в теорию лексической семантики, терминологическую лексикографию, необходимостью создания идеографических и толковых словарей психической лексики русского языка.

Материалом исследования послужили различные концепции теории поля, контексты, выбранные из исследований, проведенных в рамках номинативно-функционального полевого моделирования.

Предмет исследования – концепции полевого представления языка, *объект* – термин «номинативно-функциональное поле». В ходе исследования применялся сопоставительный анализ различных терминологических систем, при этом выявлялись общие и противопоставленные точки зрения на природу исследуемого факта.

Целью исследования является выяснение строения семантемы НФП, уточнение термина «номинативно-функциональное поле» в современной лингвистике.

Подход к языку как к системному явлению обусловил появление в лингвистике теории поля. Со времен зарождения теории ученые предлагают разные принципы объединения лексики в поля, условно их можно разделить на парадигматические (Й. Трир, Л. Вайсгербер, Ю.Н. Караулов, Л.Г. Бабенко), синтагматические (Г. Ипсен, В. Порциг, В.А. Петров), функциональные (Р.М. Мейер, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Ч. Филлмор, Ю.Д. Апресян) и комплексные (А.П. Бабушкин, И.А. Стернин, В.В. Морковкин). Коротко рассмотрим предлагаемые учеными парадигмы полей в языке.

Понятийное и семантическое поля. В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Й. Трир обратились к составлению и сопоставлению онтологических классификаций в разных языках. По замечанию А.А. Уфимцевой, Й. Трир неправоммерно отождествлял понятийное и семантическое поля [14, с. 36]. В дальнейшем

изыскания ученых В. Порцига, И. Ипсена показали, что изучение полей должно основываться на лингвистических критериях [9, с. 39]. Таким образом, семантическое поле опирается на внутреннюю форму языка, а также на взаимоотношения языковых знаков в системе, понятийное – универсально [7, с. 61].

Ассоциативное поле. Ассоциативность в лингвистике подразумевает эксперимент, в ходе которого испытуемому предлагается слово-стимул. Некоторые ученые склонны к отказу от употребления термина «ассоциативное поле» в лингвистике [15, с. 92], другие, напротив, включают его в методику исследования лексики по семантическим полям (Ю.Н. Караулов, И.А. Стернин). Как пишет Ю.Н. Караулов, ассоциативная группа опирается на идею о том, что в семантическое поле не могут войти слова, для которых не установлены те или иные человеческие ассоциации [7, с. 162]. Ш. Балли понимает ассоциативность как семантическое ограничение на дистрибутивность [2, с. 152].

Концептуальное поле. В.В. Колесов и М.В. Пименова рассматривают образование концептов в синергетическом ключе, то есть концептуальное поле – это самоорганизующаяся система, поведение и развитие которой непредсказуемы [8, с. 8]. Концептуальное поле устанавливает взаимоотношение понятий-концептов с точки зрения когниции и лингвоспецифичности.

Грамматическое и функциональное поля. На стыке грамматической и лексической семантики возникло направление исследования лексико-грамматических полей. Известная работа Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельс, используя материал немецкого языка, описывает шесть таких полей: *поля Множественности, Времени, Модальности, Компаративности, Одушевленности/Неодушевленности, Указательности*. При описании исследователи обращаются также к изучению функций конститuentов поля. Функция понимается как роль, присущая данной единице в речевом процессе [6, с. 12], поэтому в работах Петербургской семантической школы под руководством А.В. Бондарко употребляется термин «функционально-семантическое поле». Функционально-семантическое поле интегрирует все языковые средства (лексические, морфологические, синтаксические, фонетические) на основе определенного смысла. Функция понимается как «достигнутая в речи цель» [13, с. 8].

Номинативное поле. По определению В.В. Визаулиной, «Номинативное поле – это совокупность однословных и несколькословных номинаций/номинативных единиц, служащих для называния и вычленения некоторого фрагмента действительности и формирования соответствующего концептуального представления о нем» [4, с. 32]. Номинативное поле связано с ассоциативным, поскольку изучает весь ряд ассоциаций, возникающих в связи с определенным понятием. Номинативное поле ограничивается лексическим ярусом и не выходит на уровень синтаксиса и морфологии.

Перейдем к рассмотрению понятия *номинативно-функциональное поле, которое представляет собой принципиально новый тип поля, отличный от всех перечисленных выше.*

Р.М. Мейер впервые обратил внимание на тот факт, что слова не только функционируют в определенной системе значений, но и объединяются **дифференцирующим фактором**. «В результате системы значений пересекаются, а это значит, что слово может принадлежать к нескольким системам» [9, с. 9]. Это замечание долго оставалось без внимания. Однако работа с классификациями предикатов подтвердила наличие таких систем в языке, когда грамматическая или понятийная категория явно вычленяет из языкового континуума определенный класс лексики, который в свою очередь членится на тематические классы. При этом категория может дублироваться в различных тематических классах.

Так, понятие «мгновенности» проникает в класс действия, которые могут быть представлены разными темами: *мыслительное поле*, *поле движения*, *говорения*, *каузации* и пр. (*осмыслить*, *промчатся*, *вскочить*, *выпасть* = *быстро сказать*, *разбить*). Категория состояния (стативности) функционирует не только в одном семантическом поле, но и в противопоставленных по признаку «живое/неживое» (*река замерзла* – состояние неживого, *он впал в уныние* – состояние живого). Состояние в качестве семного комплекса встроено в самые различные тематические группы: *злость* (*он зол*), *грусть* (*он тоскует*), *радость* (*он счастлив*) и др.

Подобное пересечение неоднократно замечалось лингвистами (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева), но этому не было дано удовлетворительного решения. Так, до сих пор непонятно, на каком основании классифицировать подобную лексику в идеографическом словаре.

М.И. Лазариди впервые обратила внимание на невозможность применения стандартного полевого моделирования для психической лексики. В монографии **«Психические состояния в полевого описании: номинативно-функциональный аспект»** ученый провела сопоставительный анализ всех описанных в лингвистике типов полей и выяснила, что функциональные поля А.В. Бондарко могли бы подойти для полевого моделирования психической лексики, так как инвариантом является категория – состояние, но, как замечает М.И. Лазариди, при взгляде на репрезентатов поля становится ясным, что в его основе лежат «не морфологические категории, как в функциональных полях частеречного типа А.В. Бондарко, а **семантические категории**» [10, с. 38].

НФП характеризуется ученым как понятийное (связанное с понятийной сферой), но и лингвистическое (потому что выражается различными средствами на семантическом уровне, обладает парадигматикой, синтагматикой и эпидигматикой; конstituенты данного поля имеют специфичную внутреннюю языковую форму); поле функциональное, так как инвариантный смысл состояния репрезентируется на поверхностном уровне различными синтаксическими конструкциями; параметры интенсивности, длительности, начинательности и др. свойственны этой лексике в силу ее предикативности [10, с. 81]. В монографии доказано, что состояние как категория противопоставлено действию, что проявляется в отличительных семантических, деривационных и трансформационных свойствах [10, с. 78]; состояние находится в оппозиции психическому качеству [10, с. 81]; на синтаксическом

уровне состояние репрезентируется с помощью грамматических и структурно-семантических модификаций, которые накладываются друг на друга [10, с. 118–119]. Для номинативно-функциональных полей свойственен союз с каким-либо другим полем, которое неотрывно дополняет его семантику. Для состояний таким полем выступает поле «выразительные движения» [10, с. 18].

Номинативно-функциональному полю свойственна градация значимости – ядерная зона и периферия, которые М.И. Лазариди выделяет на лексическом, синтаксическом, дистрибутивном уровнях. Тематически выделяются шесть базовых полей: *страх, беспокойство, злость, грусть, радость, стыд*, ядерным выступает двучленный комплекс *страх + стыд*. На синтаксическом уровне ядро представлено двумя моделями: *N1V1 + N3Praed* [10, с. 274].

Схематично эскиз НФП может быть представлен следующим образом (рисунок 1):

Рисунок 1 – Эскиз номинативно-функционального поля
Figure 1 – Sketch of the nominative-functional field

Итак, НФП: «Это *система различных уровней языка*, объединенных *на семантической основе* для обозначения понятия и строящихся в строгой иерархии на основе инвариантного значения» [10, с. 273].

Алгоритм возможности причисления поля к НФП, на наш взгляд, формулируется так:

1. Может ли имя поля быть представлено на более низком уровне абстракции тематическими группами?

2. Могут ли эти группы характеризоваться разным словообразовательным, дистрибутивным, структурным и трансформационным потенциалом в системе языка?

3. Являются ли трансформации прагматически обусловленными?

Положительные ответы по всем пунктам составляют комплексный критерий отнесения поля к номинативно-функциональному.

Анализ исследований, применяющих данный термин, показывает расширение семантики первоначального смысла.

Семантика НФП расширяется в сторону *когнитивного комплексного поля*: «При сложении парадигматических и синтагматических смысловых полей образуются *комплексные поля*» [3, с. 113]. Такими полями, являются словообразовательные ряды разных частей речи: *учитель, учить, ученик*; лексико-семантические группы разных частей речи: *слово, говорить, речь*. Комплексную методику предложил В.В. Морковкин: очень важно не только парадигматическое моделирование, но и «сопоставление заголовочному слову, других слов или классов слов, вступающих с ним в регулярные отношения при развертывании речевой цепи» [11, с. 117].

Подобная модификация термина НФП отмечена в работе Г.С. Муллагаяновой: «Ключевым структурным элементом (НФП) является ядро, куда ввиду базисного статуса в психологии и лингвистике входят фундаментальные эмоции и их синтаксические структуры, употребляемые в языке. Центр представляемой модели логически переходит к синонимам ядерного понятия, где также рассматривается их функционирование в языке» [12, с. 105]. Ф.Х. Айтекова основной чертой НФП считает то, что «языковые средства, являющиеся поверхностными репрезентациями глубинного смысла концепта, могут подразделяться на лексические, фразеологические, синтаксические» [1, с. 182]. В работах И.В. Войтешук, на наш взгляд, семантика НФП расширена следующим образом: *номинативное поле + морфосемантическое*. «Вода» разбивается на категории *жидкая, твердая, газообразная*; *газообразная вода* представлена номинантами *пар, облако, туман*, каждый из которых изучается на словообразовательном уровне: (*отпаривать, пароохладитель, конденсатор*), *облако (густой, плыть, рассеяться, развеяться, заволочь)*; изучаются фразеологизмы (*витать в облаках*) и делаются выводы об этнической специфике концептов [5, с. 178]. В данном поле в глубинную структуру кладется понятие «вода», которое не обладает предикативностью.

Данные и другие исследования показывают, что термин НФП может быть применен как **метод** выявления межуровневой языковой связи определенного понятийного комплекса.

Выводы. Сопоставительный анализ различных типов полей показал, что для описания некоторых групп лексики (подобных психической) невозможно применить классические модели поля. М.И. Лазариди была предложена новая модель – *номинативно-функциональное поле*. НФП в инвариантной вершине имеет понятийную категорию, гипонимами этой категории выступают лексико-семантические категории (обладающие специфичной для данного языка внутренней формой), которые в обязательном порядке представлены различными синтаксическими и параметрическими моделями, грамматическими и структурно-семантическими модификациями. Данная лексика не позволяет ограничиться каким-либо одним уровнем языка, так как ее семантика полностью проясняется только посредством комплексного анализа на всех уровнях языка.

Контекстуальный анализ применения термина НФП показывает расширение его семантики в современных научных трудах; НФП в широком смысле может быть применено как метод описания межуровневого взаимодействия семантических значений.

Литература

1. *Айтекова Ф.Х.* Номинативно-функциональное поле концепта «life» – «жизнь» в сопоставительном аспекте // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 180–184.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
4. *Визаулина В.В.* Понятие «номинативное поле» в когнитивном аспекте // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 6. – Рязань, 2008. – С. 28–31.
5. *Войтецук И.В.* Номинативно-функциональное поле субкатегории «газообразная вода» в немецком и русском языках // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 7. – № 2. – С. 178–190.
6. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
7. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Ленанд, 2022. – 360 с.
8. *Колесов В.В., Пименова М.В.* Концептология. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. – 248 с.
9. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М.: МГУ, 1963. – 59 с.
10. *Лазариди М.И.* Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2011. – 356 с.
11. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики. – М.: МГУ, 1977. – 168 с.
12. *Муллагаянова Г.С.* Полевые подходы к изучению эмоций в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29 (210). – С. 103–106.
13. Теория функциональной грамматики. Т. 1. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.
14. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы. – М.: АН СССР, 1962. – 289 с.
15. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» КАК ФРАГМЕНТА
КАЗАХСКО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

**NATIONAL CULTURAL UNDERSTANDING
OF THE CONCEPT OF «LIFE» AS A FRAGMENT
OF KAZAKH-RUSSIAN PICTURES IN THE WORLD**

**ΕΘΝΙΚΗ ΚΑΙ ΠΟΛΙΤΙΣΤΙΚΗ ΚΑΤΑΝΟΗΣΗ
ΤΗΣ ΕΝΝΟΙΑΣ ΤΗΣ «ΖΩΗΣ» ΩΣ ΘΡΑΥΣΜΑ
ΤΗΣ ΚΑΖΑΚΙΚΗΣ-ΡΩΣΙΚΗΣ ΓΛΩΣΣΙΚΗΣ ΚΟΣΜΟΘΕΩΡΙΑ**

Аннотация. Цель данной статьи – характеристика концепта «жизнь» в казахской лингвокультуре и выявление его соответствий в русском языковом сознании, исследование языковой наполненности, а также идентификация лингвокультурной специфики концепта «жизнь». Для представителей иной лингвокультурной общности (в данном случае – русской) восприятие казахских языковых единиц не всегда адекватно, что связано прежде всего с несовпадением лингвокультурного опыта представителей русской и казахской общностей. В этом плане для сопоставительного лингвострановедения наибольший интерес представляют исследования казахских паремиологических единиц в сопоставлении с русскими. Концепт «жизнь» относится к числу важнейших витальных ориентиров человека и потому закономерно получает в языке множественное лексическое и фразеологическое обозначение и объективируется ключевой лексемой «жизнь». Иногда концепт объективируется в паремиях, которые не содержат этих ключевых лексем.

Ключевые слова: концепт; паремия; жизнь; паремиологические единицы; паремиология.

Abstract. The purpose of this article is to describe the concept of «life» in kazakh language and culture, and determine its correspondence in russian consciousness, study its linguistic fullness, and determine the linguistic and cultural characteristics of the concept of «life». The views of the russian language and cultural community on language units in russia are not sufficient for representatives of other language and cultural communities. This is mainly due to differences in the language and cultural experience of representatives of the russian community compared with Kazakhstan. In this regard, for comparative linguistics, compared with students' russian, the research of the kazakh paremiological unit is of the most interest. The concept of «life» is one of the most important and important directions of a person. Therefore, it is natural to accept the designation of plural words and phrases in language, and to be objectified by the key word «life». Sometimes this concept is objectified in paroemias that do not contain these key words.

Keywords: concept; paremia; life; linguistic consciousness; paremiological units of language; paremiology.

Ажал келіп бас салса, жанды ұрласа,
Өмір қайда, сен қайда, соны да ойлан.
Если смерть придёт и украдет душу,
Где жизнь, где ты – подумай и об этом.

Абай

При обучении языку представителей иной лингвокультурной общности восприятие языковых единиц не всегда бывает адекватным, что связано прежде всего с различием лингвокультурного опыта представителей этнических групп. Для сопоставительного лингвострановедения наибольший интерес представляют паремиологические единицы, где отражаются прежде всего базовые концепты.

По мнению ученых З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «концепты как результат мыслительной деятельности необходимо вербализовать (выразить словами, словосочетаниями, текстами), в том числе и для описания национально-специфических черт» [1].

Особый интерес для изучения языковой картины мира народа представляет концепт «жизнь», занимающий центральное место среди других лингвокультурных концептов: содержащиеся в нём представления являются экзистенциально значимыми как для конкретного человека, так и для всей нации в целом.

Очень точно определены в стихах С.Г. Острового суть жизни, ее цель, отношение к жизни: «В жизни можно по-разному жить: в горе можно и в радости, вовремя есть, вовремя пить, вовремя делать гадости. А можно и так: на рассвете встать и, помышляя о чуде, рукой, обожженной солнцем, достать и подарить его людям».

Действительно, для одних – «быть», «жить» означает «наполниться текущим мгновением», насладиться каждой минутой жизни всеми клеточками тела, не упустить ни малейшей детали в каждом приятном для души и тела явлении

Главный же их принцип – не заботиться о переменах, поэтому и будущее для них не существенно: риск в будущем и ради будущего не оправдан. «Счастье удовольствия»: желания, удовлетворение желаний, радость и приятные чувства от этого, поиски новых объектов желаний, непрекращающиеся, постоянно сменяющие друг друга наслаждения. Не в действии и созидании, а в потреблении состоит цель жизни таких людей.

Для других стремление к чему-то большему, чем просто «быть» становится принципом жизни. Для них жизнь – это «восхождение» и «открытие». «Счастье роста, развития» – постоянное движение «по восходящей» – предполагает собой направленное в будущее стремление к высшей цели, высшим идеалам. Ценностью становится не счастье как объект в себе самом, а сам процесс его достижения. К высшей цели также можно добираться разными путями: шаг за шагом, покоряя высоту, возможно, в связке с единомышленниками, радуясь каждому новому отрезку подъема, или нарушая все этические нормы, усердно работая локтями, сбрасывая тех, кто встал на пути, идя, как говорится, «по трупам».

Жизнь человека подлинна настолько, насколько она нравственна. Нравственное грехопадение «прародителей» не только влечет за собой физическую смерть,

но и смерть духовную, которая может быть понята как отнятие у жизни ее смысловых основ. Грех отбирает и жизнь, и смысл, следствием чего и являются бесконечные духовные искания и метания человека, его безосновная тревога и страшное недовольство наличным.

В понимании «неумения жить» акцентируется личная неспособность человека достичь жизненного счастья, зависящая от его внутренних качеств: *неуверен в себе; закомплексован; погружен в несуществующие проблемы; не может найти дело по душе; прожигающий, растрачивающий жизнь попусту; у него ничего не клеится в жизни; не использует существующие возможности; не хочет прилагать усилий; боится или не умеет принимать решения; безвольный, слабый, безхарактерный, несамостоятельный, ленивый, злобный, пессимист; непостоянен; делает что-то против самого себя; не радуется жизни; не занимается любимым делом; боится показать себя; рохля, слизняк, маменькин сынок, подкаблучник.*

Человек, который умеет жить, по мнению студентов-респондентов, должен поступать следующим образом и обладать следующими качествами: *оптимистичный, жизнерадостный, счастливый, мудрый, умный, душевный, добрый, дружелюбный, целеустремленный, находчивый, свободный, добросовестный, воспитанный, самостоятельный, стремящийся к самопознанию; гармоничный, живущий не для себя; не боящийся трудностей; уважительно относящийся к людям; с устроенной личной жизнью; не боящийся жизни и трудностей; обладающий интуицией.*

Обращение к словарям, содержащим толкование слова «жизнь» и обобщение содержащихся в них данных, позволило получить следующие факты: значение концепта «жизнь» представлено в словаре Д.Н. Ушакова и раскрывается в первой по порядку дефиниции как (1) «существование вообще» и (2) «бытие в движении и развитии» [2]. Жизнь – это существование как основной признак концепта «жизнь» в современном русском языке. Именно благодаря этому признаку в сознании носителей языка «жизнь» определяется как нечто, противоположное «смерти», центральным признаком которой является «прекращение существования, жизнедеятельности: «Жизнь – как пиала воды, прольется – и конец» (узбекская пословица).

В «Словаре русского языка» в четырех томах и толковом словаре С.И. Ожегова в формулировке «особая форма существования материи» (3) отражено научное понятие. В двух последних словарях эти семы эксплицируются в таких, выделенных в самостоятельные, лексико-семантических вариантах, как «окружающая нас реальная действительность, бытие». Данная сема актуализируется в следующих поговорках: «Жизнь – что огонь: начало – пламя, конец – пепел» (грузинская), «Жизнь не танец – назад не пойдёшь» (зулусская).

Кроме того, жизнь толкуется как длительность. В сознании носителя языка жизнь воспринимается как достаточно длительный период времени, поэтому ее можно *коротать, укоротить*: «Жизнь коротка, искусство – вечно». Чтобы подчеркнуть значение длительности, употребляется определительное местоимение «вся»: «Вся жизнь впереди!». Ср.: всю мою жизнь – *mein Leben lang, mein*

Lebtag – all my life – өмір бақи – целостность (целостный набор событий, действий и т. д.).

Практически все производные значения слова *жизнь* определяются через деятельность человека, его занятия, труд, хотя философским определением жизни охватывается все живое. Жизнь – это деятельность, функционирование, «жизнь – движение в неведомое» (удмуртская)», поэтому «жизнь без труда подобна тлеющим углям». Идея качества жизни в противоположность жизни как данности также антропоцентрична. Именно качество жизни актуализировано в тех пословицах, где жизнь считается хуже смерти: «Страшно не умереть, а страшно не жить» (ирландская), «Живущий прошлым умрет от отчаяния» (итальянская), «Жизни завистливого и собака не завидует», «Жизнь без труда подобна тлеющим углям», «Жизнь трудом украшается» (казахские), «Жизнь хороша долгая, посиделки – короткие» (калмыкская), «Чем серебром блистая долго жить, лучше меньше живи золотом сверкая» (казахская), «Жить – значит мыслить» (латинская), «Жизнь без друзей – смерть без свидетелей» (мексиканская), «Жизнь измеряется не годами, а трудами» (русская), «Жизнь сама дорогу указывает», «Честная жизнь – вот единственная религия» (шотландская) [3].

Казахское языковое сознание соотносит жизнь и смерть, оценивая их:

1. Бір күн туасың, бір күн өлесің. – Однажды родишься, однажды и умрешь.
2. Тумақ болса, өлмек бар. – Там, где рождение, там будет и смерть.
3. Өлім жайлы көп айтса, тірінің берекесі кетеді. – Живой теряет покой, много говоря о смерти.
4. Бір тумақ бар, бірге өлмек жоқ. – Вместе на свет появятся – не значит, что вместе и умирать.
5. Ажал ажарға қарамайды. – Смерть не взирает на лица.
6. Жылағанмен өлген кісі тірілмейді. – Покойника плачем не воскресишь.
7. Өзен ағысын бөгеуге болады, өмір ағысын бөгеуге болмайды. – Течение реки можно остановить, течение жизни – никогда.
8. Біреуге өлім тілегенше, өзіңе өмір тіле. – Чем другому смерти желать, лучше пожелай себе долгих лет.
9. Көңіл жақсы болғаны, өмір жақсы болғаны. – Хороший настрой говорит о хорошей жизни.
10. У ішкен бір рет өледі, ант бұзған мың рет өледі. – Тот, кто яд выпивает, один раз умирает, тот, кто клятву нарушает – тысячу раз погибает.
11. Өлім деген – ұзақ жолдың алысы. – Смертью самый длинный путь кончается.

Антипод жизни – смерть – в обыденном сознании соотносится не с рождением, а с процессом жизни: *өмір күшті, өлім одан да күшті* – жизнь могущественна, смерть сильнее. Жизнь характеризуется всевозможными качествами. В качестве её индикатора часто выступают вкусовые ощущения: *өмір қандай тәтті болса, өлім сондай ащы* – насколько жизнь сладка, настолько смерть мучительна. Казахской языковой картине мира присуще амбивалентное отношение к «жизни»:

в паремиях существует много выражений, утверждающих что жизнь прекрасна, хороша (өмір жақсы): *өмір тәтті бүгін қолың жеткенде, удай аңы ертең тастап кеткенде – сегодня, когда она в твоих руках, жизнь прекрасна, а покинет она тебя – как яд горька.*

В пословицах казахского народа можно отметить следующую культурную специфику отношений «человек – жизнь». Человек, в основном, пассивен, подчиняется жизни, может только обвинить жизнь или пожаловаться на неё: *өмір өтті, міне, күндіз-түн демей, келер өлім келіп қалды үндемей – ни с ночью, ни с днём не считаясь, вот жизнь прошла, молчаливо и смерть вошла.* Жизнь активна, деятельна. Она влияет на человека, двигает им, изменяет его, помогает ему, является судьей, агрессором. Пословицы говорят о жизненных препятствиях, превратностях судьбы, даже о горькой участи жестокого человека: *Өмірде қиянат жасағанның Қиямет-қайымда қолы дірілдейді – У того, кто при жизни обращался жестоко с людьми, в судный день руки дрожат.*

Паремиологические единицы ярко запечатлели отношение людей друг к другу: *өмір сатылатын болса, байлар өлмес еді, өмір үшін ақша төлейтін болса, тек қана кедейлер өлер еді – если б жизнь продавалась, не умирали б богатые, если б можно было заплатить цену за свою жизнь, умирали б только бедные.*

Немаловажную роль играют исследования грамматической группировки окружения слов «жизнь» и «смерть», так как только эти слова вызывают самое большое количество ассоциаций, которые находят отражение в языке, чаще всего в устойчивых словосочетаниях.

Таблица 1 – Грамматическая группировка окружения слова «жизнь»

№ п/п	Части речи	Грамматические группировки
1.	Существительные:	Борьба. Вопрос. Интуиция. Ключ. Образ. Оптимист. Проза. Работа. Самопознание. Средство. Течение. Усталость
2.	Глаголы:	Бить. Бояться. Бурлит. Вернуть. Вдохнуть. Влиять. Возродить. Вступить. Дать. Даровать. Желать. Зарабатывать. Загубить. Изменить. Кипит. Коротать. Лишить (себя). Лишить. Маячить. Наслаждаться. Начать. Обладать. Отравлять. Ощущать. Отдать. Пожертвовать. Покончить. Посвятить. Продлить. Провести. Покушаться. Поплатиться. Превращать. Прожить. Проявлять. Радоваться. Рисковать. Ручаться. Приказать. Прожигать. Сломать. Спасти. Сохранить. Ставить. Укоротить. Уходить [угасать]. Участвовать. Устроить. Уносить. Цепляться
3.	Прилагательные:	Активная (active life). Безрадостная (dull life). Воспитанная. Гармоничная. Городская (city life). Добрая. Добросовестная. Дружелюбная. Душевная. Жалкая (miserable life). Жизнерадостная. Личная. Монашеская (monastic life). Монотонная (dull life). Мудрая. Наполненная (full life). Находчивая. Несчастливая (miserable life). Неторопливая (easy life). Общественная. Полная (full life). Простая (easy life). Самостоятельная. Свободная. Счастливая. Скучная (dull life). Современная (modern life). Спокойная (easy life). Уединенная (cloistered life). Умная. Целеустремленная

Необходимо заметить, что жизнь характеризуется всевозможными качествами: активная жизнь – *active life*; городская жизнь – *city life*; уединенная жизнь – *cloistered life*; скучная, монотонная, безрадостная жизнь – *dull life*; простая жизнь; спокойная, неторопливая жизнь – *easy life*; полная, наполненная жизнь – *full life*; жизнь на колесах – *life of movement*; жалкая, несчастная жизнь – *miserable life*; современная жизнь – *modern life*; монашеская жизнь – *monastic life*. Таким образом, жизнь – это ещё и качество.

Наблюдения над сочетаниями слов с ключевой единицей «жизнь» подтверждают, что активность (валентность) разных частей речи, которая состоит в способности выступать в роли первого или второго компонента, неодинакова. Данный концепт образно раскрывают как русские, так и казахские фразеологические единицы. Основные оценочные характеристики рассматриваемого концепта во фразеологическом воплощении сводятся как к позитивным, так и к негативным признакам:

1) как сыр в масле кататься, жить на широкую ногу, крепко стоять на ногах, сало с салом есть, деньгами мостовую мостить, сорить деньгами, только птичьего молока не хватает – то есть жить в довольстве, зажиточно, беззаботно; жить на всю катушку – в полную силу; высоко летать, высоко взлететь, подняться – занимая высокое положение в обществе;

2) даром есть хлеб, коптить небо – бесцельно; есть чужой хлеб, сидеть на шее, сидеть на чужом горбу – за чужой счет; маячить жизнь – безрадостно; перебиваться с хлеба на квас, влачить жалкое существование – бедно; жить в свое удовольствие, срывать цветы удовольствия, прожигать жизнь, пожинать радости жизни – легкомысленно; витать в облаках, смотреть на мир через розовые очки, видеть все в розовом цвете – в отрыве от реальности; обрастать мхом – деградируя; крутиться как белка в колесе, не знать покоя – суетно.

Благодаря исследованию большого однородного фактического материала и анализу контекстов мы установили основные смысловые доли (СД), связанные с данной единицей. Для удобства последующего обсуждения СД пронумерованы, но их порядок произволен.

СД-1 – «жизнь продолжается»: Жизнь идет своим чередом! Жить – значит мыслить.

СД-2 – «все еще наладится»: Жизнь-то в полосочку: будет и радость! «Жұмысты жемістінің – Өмірі келісті – У кого работа плодотворна, у того и жизнь сложилась».

СД-3 – «апелляция к чужому опыту»: Жизнь прожить – не поле перейти. Жизнь прожить – не плетень плести (мордовская). Жизнь не танец – назад не пойдёшь.

Согласно народным изречениям: *Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало, Два важных правила запомни для начала: Ты лучше голодай, чем что попало есть, И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*

Жизнь стала настолько сложной, что человек прикладывает множество усилий для того, чтобы просто жить, не умереть, а остаться живым, прожить эту

нелегкую жизнь, выжить в этом сложном мире: «Всё, за что мы обязаны в жизни, – это сама жизнь», «Өлім – ойран, Өмір – майдан – Смерть – разрушение, а жизнь – борьба».

Боязнь смерти привела к тому, что само слово смерть стало эвфемизмом, превратилось в табу. Люди верили в магическую силу слова, и вместо этого слова стали употреблять «жизнь»: *приказал долго **жить**, уходит из **жизни**. Ср.: өмірі өтті – **жизнь** прошла, өмірден кетті – ушел из **жизни**.*

Отношение к жизни является по своей природе антиномией: в ценностном отношении жизнь неразрывно связана со смертью. Особенно тесная связь между концептами «жизнь» и «смерть» прослеживается в афоризмах: «*Лишь те способны ощущать **жизнь**, кому часто случается быть на краю **смерти***» (Д. Неру), «***Жизнь** – лишь плавание по течению, **смерть** – всего только отдых в пути*» (Цзя И), «*Самое легкое в **жизни** – умереть, самое трудное – **жить**. Не стоит бояться **смерти**. Когда мы есть, **смерти** нет, а когда она есть, нас уже нет!*» (Зенон), «*В **жизни** все фальшиво, есть только одна истина и эта истина – **смерть***» (Хагакуре Бусидо), «*Радуйся **жизни**, наслаждайся каждой минутой ее – ведь удовольствия заканчиваются раньше, чем **жизнь**.*» (Ф. Честерфилд), «*Если не знаешь, за что **умереть**, то не стоит и **жить***» (А.Н. Бычков).

Каждая эпоха ставит перед нами духовную задачу – показать необходимость и возможность размышления и разговора о смерти. Чтобы понять, как следует говорить о смерти, нужно сначала выяснить, что о ней можно говорить, а чего говорить в принципе нельзя и почему нельзя.

Жизнь и ее продление, долголетие и даже бессмертие всегда были одними из высших ценностей казахской культуры, что видно уже по фразеологическим выражениям: өмір беру (дать жизнь), өмірге бойлану (погрузиться в жизнь), өмірге ез болу, өмірден тепкі жеу (получать удары судьбы), өмір зайғы өтті (жизнь прошла даром), өмір кеуі (прожить жизнь), өмір өтті (жизнь прошла), өміршамаы сөнді (погас огонёк жизни), өмірі кісі есігінде өтті (жизнь прожита у чужой двери), өмірін итке берсін (такая жизнь разве что только для собак), өмірі өксіді (проплакал всю жизнь); ажал айдады (смерть погнала), ажал **аранын ашты** (смерть, ажал аузында (во рту смерти), ажалдың аузына түсті (попал в пасть смерти), ажал жетті (фатальный результат), ажал қармағын салды (попал в смертельную приманку), ажалдың ісі шықты (ощутил запах смерти), ажалына асықты (поспешил навстречу смерти).

Зловещая интрига смерти в том, что она одновременно влечет и ужасает, обещает и обманывает, раскрывается то в образе надежды, то поражения. Есть две категории, с помощью которых раскрывается положительное значение смерти. Это «мера» и «форма». Смерть как мера жизни есть то благодатное свойство бытия, которое не позволяет беспрдельно увеличивать греховную, ущербную жизнь, то есть порок и несовершенство. В этом смысле смерть – радикальное средство, выполняющее целительную функцию, выступая в качестве приостанавливающего

дурную бесконечность дурного существования: «Чем долго жить и много лгать, не лучше ли суметь однажды истину сказать И умереть» [4].

Смерть как форма жизни открывает «освобождающий исход», являясь завершением всей жизни. В таком ключе смерть есть разумное свершение, высшая смысловая наполненность, которая для любого приходит только в его собственное время, ему неизвестное. Внешне смерть другого может казаться случайной и абсурдной, но каждый человек «всю свою жизнь зреет к смерти».

Смерть дает высшие духовно-нравственные критерии для различия ценного и пустого, она «открывает глаза» на истинную природу вещей, ломает иллюзии и утопии, пробуждает волю и жажду к деланию истинных вещей: «безумно живому человеку о смерти думать».

Только смерть и только смерть способствует построению правильной иерархии жизненных целей и ценностей, в которой *стоящее* радикально отделено от *нестоящего*. Жизнь человека полна разного рода желаний и стремлений, которые перед лицом смерти становятся абсурдными и нелепыми.

Так, например, казахские паремии отражают невнимание человека к материальным ценностям жизни и значимость для него духовного: «Дүние жиып не-тесің, бір күн тастап кетесің». Слово «дүние» имеет много значений, в том числе значение «жизнь» как существование и продолжение существования Вселенной до Конца Света. В казахском языке слово «дүние» применяется, во-первых, для выражения бытия (дүние-болмыс): «Бұл дүние – момындардың зынданы – Этот мир – темница для кротких», во-вторых, для материального богатства (дүние-байлык): «Дүние ақылдыға жарық, Ақылсызға тамұқ – Жизнь для умного – свет, для дурака – ад», в-третьих, окружающего мира (дүние-әлем): «Сүйіктің жоқта дүние суық – Мир суров без любимого», «Адал дүниеге есеп керек – Честный мир нуждается в счёте», «Адам – дүниенің ажары, Дүние – өмірдің базары – Человек – свет мира, Мир – это радость жизни». Но как философская категория «дүние» наиболее полно раскрывается только при характеристике жизни. Словосочетания «дүние-жалған» («тленный мир»), «сұм дүние» («бренный мир»), «өттің дүние» («прошла жизнь») передают относительность, краткость жизни: «Жизнь стекла, коль суждено, может и столетья длиться. Но мгновенье одно надо, чтоб ему разбиться», «С годами увядает красота, Жизнь иссякает, если прожита», «Смерть стучится в двери и к богатым. От неё не откупиться златом».

Казахские пословицы заключают в себя богатство смысла: «Өтпейтін өмір жоқ, сынбайтын темір жоқ – Нет жизни, которая не проходит, нет железа, которое не ломается», «Уақытыңның босқа өткені – Өміріңнің бос кеткені – Потраченное впустую время – напрасно прожитая жизнь», «Өмірдің өзі – ұлы ұстаз – Сама жизнь – великий педагог».

И как тут не вспомнить, как покоривший полмира Александр Великий велел, чтобы его после смерти провезли по городу: на обнаженное тело было накинута лишь погребальное полотно, руки раскинуты и повернуты ладонями вверх – каким пришел в этот мир, таким и уйдешь, ничего не сможешь забрать с собой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что паремиологический языковой фонд образует набор моделей и ситуаций и отношений, возникающих в обществе его носителей. Представление о каждой модели опирается на отдельный концепт, показывающий существование в конкретной этнической культуре определенной ценности.

Литература

1. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие концепта в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – 30 с.
2. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. – М.: 2020.
3. *Пословицы народов мира.* – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 304 с.
4. *Казахские пословицы и поговорки: Изречение – речи украшение.* – Алматы: Жазушы, 2008. – 80 с.

И.В. Заманова
Китай, Чжэнчжоу

ВКЛАД М.И. ЛАЗАРИДИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ ЭМОЦИЙ

M.I. LAZARIDI'S CONTRIBUTION TO THE LINGUISTIC THEORY OF EMOTIONS

Η ΣΥΜΒΟΛΗ ΤΟΥ Μ.Ι. ΛΑΖΑΡΙΔΗ ΣΤΗ ΓΛΩΣΣΙΚΗ ΘΕΩΡΙΑ ΤΩΝ ΣΥΝΑΙΣΘΗΜΑΤΩΝ

Аннотация. В статье рассматривается научная значимость монографии М.И. Лазариди «Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект». Доказывается, что психическая лексика должна изучаться во взаимосвязи номинативного и функционального принципов, поэтому термин «номинативно-функциональное поле», введенный М.И. Лазариди, необходим общей лингвистике эмоций. Теоретический материал указанной монографии М.И. Лазариди может значительно улучшить структуру толкования словарных статей в толковых и идеографических словарях, а также быть использован компьютерной лингвистикой.

Ключевые слова: эмотиология; номинативно-функциональное поле; толкование психической лексики; идеография психической лексики.

Abstract. The article examines the scientific significance of M.I. Lazaridi's monograph «Mental states in the field description: nominative and functional aspect». It is proved that mental vocabulary should be studied in the interrelation of nominative and functional principles, therefore the term nominative-functional field, introduced by M.I. Lazaridi, is necessary for the general linguistics of emotions. The theoretical material of the M.I. Lazaridi's monograph can

significantly improve the structure of the interpretation in the dictionary entries of explanatory and ideographic dictionaries, as well as be used by computational linguistics.

Keywords: emotiology; nominative-functional field; interpretation of mental vocabulary; ideography of mental vocabulary.

В данной статье рассматривается вклад М.И. Лазариди в общую лингвистическую теорию эмоций, в рамках объекта исследуется **предмет** значимости термина «номинативно-функциональное поле», введенного М.И. Лазариди.

Целью данной статьи является рассмотрение трудов по лингвистике эмоций и выяснение ценности вклада М.И. Лазариди. Под *лингвистикой эмоций* подразумевается направление современной лингвистики, исследующее проблемы называния и выражения эмоций в языке. Для достижения цели необходимо рассмотреть существующие школы и охарактеризовать их методы и принципы изучения, показать круг проблем, которые могут быть успешно решены с помощью теоретических разработок М.И. Лазариди.

По данным Яна Плампера, в англоязычной экспериментальной психологии насчитывается более 92 определений эмоций [11, с. 21]. Отметим, что в лингвистике проблема разграничения *эмоция, психическое состояние, чувства, настроение* еще не получила своего окончательного решения (см., напр., рассуждения Анны А. Зализняк в [8]). Одной из основных причин трудности изучения эмоций, на наш взгляд, является то, что кладется в основу обозначения. Денотат вещественной лексики осязаем органами чувств, лексика, обозначающая психические реакции, по мнению большинства ученых, безденотатна. Некоторые ученые считают, психическую лексику уникальной, и Вендлеровская классификация предикатов не может вместить ее (Bozena Rozwadowska [17], A. Garcia-Pardo [15]). M. Arad, полагает, что многие психические глаголы теряют свои специфические свойства при агентивном прочтении и большая часть психических глаголов произошла от непсихических, поэтому они ничем не отличаются от других глаголов [14, с. 2].

Трудность объекта изучения обусловила то, что к изучению эмоций сложилось несколько подходов. В зарубежной лингвистике преобладают исследования в рамках генеративного синтаксиса или теории эмоций. В отечественной лингвистике можно выделить следующие направления: Московская школа (Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Л.Л. Иомдин, Л.Н. Иорданская, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина) развивает сочетаемостный подход; Уральская школа (Э.В. Кузнецова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Е.И. Плотникова и др.) работает в сфере практической лексикографии, Волгоградская (В.И. Шаховский, С.В. Ионова и др.) исследует прагматику эмоций; М.И. Лазариди представила аспект системного ономаσιологического изучения.

В целом, надо отметить, что наблюдается уход от семантики эмоций в сторону прагматики, т. е. к изучению выражения эмоций в тексте. Л.А. Киселева, сделав обзор направлений изучения эмоций в языке, заметила, что «современные работы в области отечественной эмотиологии демонстрируют постепенный переход

от анализа содержательных и структурных особенностей к изучению использования данных единиц в текстах разной стилистической, жанровой, тематической отнесенности» [9, с. 44]. Между тем как семантика эмоций, такая важная для решения всех теоретических проблем, остается малоизученной. В 1989 году Л.Г. Бабенко писала, что количество монографий по проблемам психической лексики оставляет желать лучшего [3, с. 5], на данный момент большинство трудов все также посвящено анализу отдельных психических лексем, и единственной крупной теоретической работой в сфере комплексного исследования семантики психического состояния можно считать монографию М.И. Лазариди «Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект» [10].

Лексика, номинирующая психические реакции человека, чаще всего классифицируется либо по тематическому, либо по функционально-синтаксическому критериям. Согласно тематическому критерию могут быть выделены группы типа *радость, беспокойство* (отдельные тематические кластеры изучаются В.Ю. Апресян [1], Анной А. Зализняк [7]). Согласно функционально-синтаксическому критерию выделяются *отношения, состояния, мгновенные реакции* и т. д. Ранняя классификация подобного рода принадлежит Л.М. Васильеву, который противопоставляет глаголы-состояния глаголам-отношениям и глаголам-переживаниям [5, с. 75].

Однако мы согласны с точкой зрения М.И. Лазариди, которая считает, что психическая лексика **не может быть описана иначе, чем во взаимосвязи этих принципов** [10, с. 38]. Сложность научного объекта способствовала открытию М.И. Лазариди такой новой сущности, как *номинативно-функциональное поле*. Данное поле отличается от всех, описанных исследователями ранее: понятийных, концептуальных, фразеологических, семантических, ассоциативных и т. д. полей. Наиболее близко НФП стоит к функционально-семантическому полю А.В. Бондарко, однако последнее сконцентрировано только на изучении грамматических инвариантов. Номинативное поле З.Д. Поповой и И.А. Стернина, по их замечанию, не является структурной группировкой в системе языка, это группа языковых средств, выявленная исследователями для более детального анализа знания народа о каком-либо явлении [12, с. 47]. НФП в концепции М.И. Лазариди – **система различных уровней языка**, объединенная на **семантической основе** для обозначения понятия и строящаяся в строгой иерархии на основе инвариантного значения [10, с. 273].

На сегодняшний день данный термин необходим лингвистике эмоций по следующим причинам:

1. Он доказывает уникальность психической лексики, которая не может исследоваться в отрыве от своего категориального значения, показывает, что она обладает совершенно особенной структурой поля.

2. Позволяет разделить диффузный класс эмоций на несколько групп, имеющих уникальный статус в системе языка. Функциональная категория *состояние* является инвариантом, представленном в таких семантических полях как *страх*,

беспокойство, злость, грусть, радость, стыд. Состояние как номинативно-функциональное поле можно противопоставить чувствам, психическим качествам человека. Так, при сопоставлении слов *тосковать, блаженствовать, паниковать, нервничать и любить, уважать, презирать, жалеть* обнаруживается ясное различие между ними: первые четыре описывают психическую реакцию самого человека, последние четыре предполагают обязательное наличие того, к кому эти чувства направлены. Кроме того, последние четыре предполагают активные действия и демонстрацию. В тексте они часто дополняются лексикой манифестации, а состояния проявляются невольно. *Любовь, уважение* человек стремится всячески проявить, а состояния (*грусть, отчаяние*) проявляются в лице и моторике невольно.

3. Термин позволяет улучшить качество структуры статей психической лексики в толковых словарях. А. Вежбицкая обратила внимание на то, что многие исследователи признают толкование психической лексики невозможным [6, с. 327]. В настоящее время наиболее перспективными являются подходы Natural Semantic Metalanguage (Вежбицкая А., МСШ), а также подход GRID (университет Женевы) [16], который семантизирует эмоции через заполнение сети показателей. Однако на практике все еще существуют трудности семантизации психической лексики. Так, в БАС в качестве архисемы в некоторых словах (*любовь, ненависть*) выступает чувство, в таких словах как **подавленность – состояние** [БАС, т. 17, с. 403]. Однако, например, в статье «**Гнев – чувство** сильного негодования, возмущения; **состояние** крайнего недовольства кем-, чем-либо (обычно бурно проявляющееся)» [БАС, т. 4, с. 181] чувства и состояние отождествляются. В некоторых лексемах состояние не выделено, напр.: «**Гордыня** – Непомерная гордость в 4 знач. **Гордость** в 4 знач. – Преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность» [БАС, т. 4, с. 288]. Между тем как в НКРЯ значение *гордыни как состояния* имеется: *Тебя, как я вижу, гордыня совершенно обуяла. М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937) [НКРЯ]. Он обуреваем дьявольской гордыней и отчаянием. Если с этим не знаком, к этому не прикасался, то никогда этого не поймёшь. Аркадий Мацанов. Горечь полыни на губах // «Ковчег», 2013 [НКРЯ].*

Таким образом, термин НФП способствует созданию объективных критериев для того, чтобы составитель словаря видел, лексемы каких номинативных полей могут вмещать архисему (категориальную сему) состояния, а какие – архисемы чувства, свойства, настроения.

4. Как известно, при составлении идеографических словарей материалом выступают словарные толкования нормативных словарей. Поэтому если не будет решена указанная выше проблема, неминуемы трудности с помещением лексем в ту или иную группу. Так, в словаре Н.Ю. Шведовой в рубрику неприятные события помещены слова: *скука, смятение, тоска* [13, с. 26]. В Словаре-тезаурусе эмоций Л.Г. Бабенко в тематическом классе «вдохновение» в рубрике «состояние» находим: *восторженность, возвышенный, крылатый, порывистый, патетичный*

[2, с. 55]. Приведенные примеры подтверждают, что трудности идеографического представления психической лексики еще не решены и термин номинативно-функциональное поле крайне важен для идеографических классификаций.

5. Компьютерная лингвистика связана с выявлением как можно большего числа параметров, описывающих функционирование тех или иных категорий, поэтому термин НФП, который позволяет работать с четко-определенным полем, категоризированным вершиной, может оказаться крайне полезным при разметке Русскоязычного эмоционального корпуса и создании эмоциональных баз данных русского языка.

Выводы. Несмотря на обилие подходов в лингвистической теории эмоций, психическая лексика остается плохо изученной с точки зрения ономастического полевого классифицирующего принципа, единственной крупной теоретической работой подобного типа остается монография М.И. Лазариди.

Термин *номинативно-функциональное поле* помогает осознать уникальность психической лексики и решить круг таких практических вопросов как толкование, а также идеографическая классификация. Изучение синтаксических, параметрических, сочетаемостных свойств лексики с учетом данного термина не будет хаотичным, но будет способствовать выделению номинативно-функциональных полей в разнородном слое психической лексики.

Литература

1. *Апресян В.Ю.* Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. – 2015. – Вып. 29. – № 1. – С. 28–67.
2. *Бабенко Л.Г.* Алфавит эмоций. Словарь-тезаурус эмотивной лексики. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021. – 432 с.
3. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
4. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / под ред. К.С. Горбачевича. – СПб.: Наука, 2004.
5. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
6. *Вежбицкая А.* Толкование эмоциональных концептов / пер. О.Н. Ляшевской // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 326–376.
7. *Зализняк А.А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. – Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. 201 с.
8. *Зализняк А.А.* Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И. Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–289.
9. *Киселева Л.А.* Основные направления исследования проблемы «язык и эмоции» в отечественной и зарубежной лингвистике начала XXI века // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2 (82). – С. 43–49.

10. *Лазариди М.И.* Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2011. – 356 с.
11. *Плампер Ян.* История эмоций. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 568 с.
12. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 226 с.
13. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003.
14. *Arad M.* Psych-notes USL // Working Papers in Linguistics. 10. 1998. Pp. 1–22.
15. *Garcia-Pardo Al.* Stative Inquiries. – Amsterdam; Philadelphia: Joh Benjamins Publishing Company, 2020. – 273 p.
16. Gladkova Anna. Linguistic Theories of Emotion // Handbooks of Linguistics and Communication Science. – 2023. – Vol. 46.3. – P. 84–102.
17. Rozwadowska Bozena. Psych Verbs: Setting the Scene. Beyond Emotions in Language. – Amsterdam; Philadelphia: Joh Benjamins Publishing Company, 2020. – 341 p.

Корпус. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>

Е.И. Жоламанова
Кыргызстан, Бишкек

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Ч. АЙТМАТОВА

COGNITIVE MODELING OF THE CONCEPT OF «JOY» IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF CH. AITMATOV

ΓΝΩΣΤΙΚΗ ΜΟΝΤΕΛΟΠΟΙΗΣΗ ΤΗΣ ΕΝΝΟΙΑΣ ΤΗΣ «ΧΑΡΑΣ» ΣΤΟΝ ΚΑΛΛΙΤΕΧΝΙΚΟ ΛΟΓΟ ΤΟΥ ΤΣ. ΑΙΤΜΑΤΟΒ

Аннотация. Целью данной статьи является моделирование эмоциональных концептов на материале художественной прозы Ч. Айтматова. Автором был предложен алгоритм изучения концепта «Радость» с помощью лингвокогнитивного анализа. Его приемы основаны на трех аспектах исследования языкового материала – структурном, когнитивном и психологическом. Описание важных признаков концепта проходит в русле языковой вербализации, когнитивного анализа и невербальных средств объективации концепта.

Ключевые слова: когнитивные признаки; гуманитарная парадигма; когнитивная лингвистика; эмотиология; художественный дискурс; культурный код; когнитивные признаки; когнитема.

Abstract. The purpose of this article is to model emotional concepts based on the Ch. Aitmatov fiction prose material. The author has proposed an algorithm for studying the concept of “Joy” using linguo-cognitive analysis. His methods are based on three aspects of the linguistic material study - structural, cognitive and psychological one. The description of the important features of the concept follows in the footsteps of language verbalization, cognitive analysis and non-verbal means of concept objectification.

Keywords: cognitive attributes; humanitarian paradigm; cognitive linguistics; emotions linguistics; artistic discourse; cultural code; cognitheme.

В недрах гуманитарной парадигмы XXI века активно развивается когнитивная лингвистика, а также одно из ее современных направлений – эмотиология. В российской и зарубежной лингвистике накоплен большой опыт в области концептуальных исследований, центральным понятием которых является концепт. Однако единая теория концепта и методов его исследования еще окончательно не оформились, поэтому сохраняется пристальный интерес к проблемам концептологии и вопрос о конфигурации концепта не теряет своей актуальности.

Целью нашего исследования является структурирование эмоционального концепта «Радость» на материале художественного дискурса Ч. Айтматова. В данной статье предлагается методика проведения концептуального анализа эмоционального состояния радости, отраженного в языке. За основу была взята методика моделирования концепта, предложенная профессором З.К. Дербишевой в монографии «Основы лингвокогнитивного сравнения языков». По мнению автора, содержательный объем концепта формируют несколько его слоев: понятийное ядро, семантическая сфера, когнитивная, образно-символическая и культурно-ценностная сферы [1, 7].

Комплексное структурирование концепта, предлагаемое данной методикой, позволяет отразить многослойную архитектуру концепта, очертить его вербальное и лингвокогнитивное содержание. Применяв указанную модель анализа концепта к художественному дискурсу, мы хотим утвердить его своеобразную верификацию: модель лингвокогнитивного анализа словарного концепта приложима и к художественному эмоциональному концепту.

В данной статье проанализирован эмоциональный концепт «Радость», представленный на страницах художественных произведений Ч. Айтматова, таких как «Материнское поле», «Джамиля», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день...», «Плаха», «Когда падают горы (Вечная невеста)».

Лингвокогнитивный анализ эмоциональных концептов, проведенный на материале художественного дискурса Ч. Айтматова, зиждется на построении лингвистического поля концепта и изучении его когнитивных признаков.

Концепт «Радость» будет охарактеризован по таким показателям:

I. Вербальная репрезентация концепта «Радость».

II. Когнитивно-семантический анализ.

Вербальная репрезентации концепта будет включать в себя описание лексических дериватов и синонимов. Разработка когнитивно-семантического анализа

будет состоять из характеристики атрибутивных и глагольных словосочетаний, а также фразеологизмов и метафорических выражений и когнитива.

I. Вербальная репрезентация концепта «Радость». Лингвистическое поле концепта «Радость» представляет собой вербализацию данного концепта. Вербализация концепта складывается из словообразовательных дериватов и системных и контекстуальных синонимов имени концепта. Сначала рассмотрим, какие словообразовательные дериваты понятия *радость* встретились на страницах произведений Ч. Айтматова.

Лингвистическое поле концепта «Радость» конституируется следующим образом.

Ядро эмоционального концепта включает в себе лексемы *радость, радовать, радоваться, радостный и радостно*. Здесь же располагаются их словообразовательные дериваты: *радовать – порадовать; радоваться – обрадоваться, порадоваться; радостный – рад, радостно, радостней, обрадованный; радостно – радуясь* (12 дериватом). Количество дериватом не отличается большим числом, что обусловлено возможностями системы русского языка.

Центральную часть концепта структурируют языковые и контекстуальные синонимы. Богатая синонимия в художественном дискурсе Ч. Айтматова возмещает скованность образования производных слов концепта «Радость». Эмоциональные концепты в произведениях Ч. Айтматова «Страх», «Гнев», «Печаль», «Радость» и другие носят художественный характер и отражают авторское своеобразие восприятия мира. Синонимы концепта «Радость» отличаются стилистическим разнообразием, высокой частотностью в описании эмоциональной жизни персонажей. В анализируемых произведениях, таких как «Джамиля», «И дольше века длится день...», «Когда падают горы» и других, каждая часть речи ядерного сегмента формирует свой синонимический ряд:

радость – благо, благодать, благоденствие, благодать, блаженство, вдохновение, веселье, гармония, забава, забытие, игривость, кайф, ласка, ласковость, нежность, облегчение, потепление, потеха, приятность, радушие, спокойствие, удача, умиление, умиротворение, умиротворенность, упоение, успех, утеха, утешение, эйфория (27 синонимов);

радовать – возвышать, возносить, воспарять, забавлять, обрадовать, окрылять, растрогать, тешить, тронуть, улаживать, улажить, умилять (13 синонимов);

радоваться – буйствовать, веселиться, воодушевиться, забавляться, кайфовать, приободриться, сиять, упиваться, утешить (10 синонимов);

радостный – благодущный, благонамеренный, бодрый, бравый, вдохновенный, веселый, возбужденный, возвышенно-романтический, возвышенный, насмешливый, радушный, развеселый, упоительный, чудесный; в функции сказуемого – доволен (15 синонимов);

радостно – блаженно, благодотно, благоприятно, благоговейно, буйно, бурно, задорно, легко, лестно, любо, обрадовано, озорно, отрадно, покойно, потешно,

приятно, радушно, славно, трогательно, чудодейственно, чудесно (22 синонима). Всего 87 синонимов.

Богатая синонимия является отличительной чертой не только русского языка, но и тезауруса произведений Ч. Айтматова. Автор широко использует весь спектр синонимов, обогащая художественный дискурс яркими красками, нюансами и оттенками смысла в целях более точного воспроизведения действительности. Среди приведенных синонимов имеют место слова разных пластов лексики: *благодарить, благоденствие, вдохновение* (книжные); *забава, потеха, кайф* (разговорные слова); *радушие, успех, удача* (слова активного запаса), *благостно, благоговейно, чудодейственно* (слова пассивного употребления), *благодарь, упоение, умиротворенность* (старославянизмы); *гармония, кайф, эйфория* (западные заимствования).

Периферийную область концепта «Радость» составляют фразеологические выражения: *в радость, на радостях, поднимать настроение, радовать глаз, радость обуяла меня, радости жизни, радужное настроение, сердце колотится (от радости), витать в заоблачных сферах, исцелять душу, на душе рай*. Эти фразеологизмы обладают общим значением «вызывать чувство удовольствия». Фразеологические единицы как *на крыльях долечу* и *аж мурашки по коже* указывают на физическое состояние человека, когда он испытывает радость (*аж мурашки по коже*) и на действия человека, который переживает радость (*как на крыльях долечу*). Всего 14 фразеологизмов.

В повести «Материнское поле» употреблена поговорка: *Масла в твои уста!*, выражающая удовольствие при получении радостной вести; она является русским переводом кыргызской поговорки *Озуна май* (разговорный). Это выражение можно считать проявлением лингвокультурной специфики в художественном дискурсе билингвального автора.

Лексическое поле концепта «Радость» включает в себя словосочетания с именем концепта. Сочетаемость лексемы *радость* объективирует синтагматические отношения языковых единиц, отражает синтаксическое поле концепта и включает в себя следующие подчинительные словосочетания: 1) глагольные словосочетания – *блестеть от радости* (о глазах), *видел радость, вскрикнуть от радости, сиять от радости и другие*; 2) адъективные словосочетания – *дикая радость, духовная радость, хлынувшая радость и другие*; 3) субстантивные словосочетания (*радость* – зависимое слово): *двери радости, крик радости*; 4) субстантивные словосочетания: *радости жизни*.

Широту и богатство лексико-семантического поля характеризует такой показатель, как предикаты радости. Это глаголы, сопровождающие описание эмоции радости, они указывают на проявления изучаемой эмоции в действиях и состояниях человека. В художественном дискурсе Ч. Айтматова концепт «Радость» вербализуется следующими глаголами: *балагурить, веселиться, веселить, повеселеть, развеселиться, визжать, гладить, гоготать, залюбоваться, ласкать, ласкаться, приласкаться, лелеять, любоваться, манить, полуулыбаться, просветлеть,*

разомлеть и многими другими. К предикатам радости примыкают фразеологизмы, выражающие проявления радости в действиях: *прыснуть со смеху, зальется смехом, расплываться в улыбке, посмеяться от души.*

II. Когнитивно-семантический анализ концепта «Радость». Перейдем к когнитивно-семантическому анализу исследуемого концепта. Он состоит из наблюдения за атрибутивными и глагольными словосочетаниями. Атрибутивные словосочетания можно подразделить на семантические группы, которые указывают на когнитивные признаки словосочетаний: 1) признак с точки зрения принадлежности: *свои радости*; 2) признак с точки зрения субъекта: *людские радости*; 3) степень качества: *самая большая радость*; 4) эмоциональная характеристика признака: *неописуемая радость*; 5) неожиданность признака: *нечаянная радость*; 6) непродолжительность признака: *мимолетная радость*; 7) метафорический признак: *хлынувшая радость*; 8) интенсивность признака: *дикая радость, такая радость*; 9) происхождение эмоции: *непонятная радость, духовная радость*. Пример: «Аплодисменты были долгими, и сияли духовной радостью глаза слушателей, заполнивших и неф, и хоры кирхи» («Когда падают горы»).

Перейдем к констатации когнитивных признаков эмоционального концепта «Радость» в глагольных словосочетаниях. В художественном дискурсе Ч. Айтматова нам удалось выявить 10 когнитивных признаков, перечислим их.

1. «Радость – это свет»: «Он [Данияр] смотрел на нее не отрываясь, грустным, восхищенным взглядом, в котором *сквозили и радость, и боль*» («Джамиля»).

2. «Радость – это вода, жидкость»: «Не знаю, всерьез или в шутку он так сказал, только я вдруг расплакалась. Так просто, не удержалась от *хлынувшей радости, переполнилась* она в груди...» («Материнское поле»).

3. «Радость – причина действия»: «И такая *радость* обуяла меня! *Засуетилась* я, *забегала* по кузнице и не знаю, что делать» («Материнское поле»).

4. «Телесно-соматическое выражение эмоции»: «Но, если бы знал кто, как горячо и гулко *заколотилось* его *сердце от радости* и гордости» («Белый пароход»).

5. «Интенсивность или деинтенсивность переживания эмоции радости, градация»: «Мальчик сам не подозревал, что *радость* его будет *такой большой*» («Белый пароход»).

6. «Причины радости»: «*Травка* – она какая, она – *радость приносит*, на душе рай от нее» («Плаха»).

7. «Пути избавления от радости»: «Глядя на Джамилю, мне хотелось убежать в степь и криком кричать, вопрошая землю и небо, что мне делать, как мне *побороть* в себе эту непонятную тревогу и эту непонятную *радость*» («Джамиля»).

8. «Контролируемость/неконтролируемость эмоции радости»: «Настроение у них было отличное – погода неплохая, а тут еще откуда ни возьмись, какой-то ушастый и головастый сорванец выбегает навстречу каждой машине, *ошалев* от дикой *радости*» («Белый пароход»).

9. «Возникновение эмоции с указанием/без указания ее продуцента, каузатора»: «Даже погода в то летнее утро была какой-то радушной и искренней, еще

не раскалившееся солнце заливало своим светом все видимые пространства, одаря сиюминутным счастьем бытия всех тварей, живущих на земле, и словно бы *соучаствовало в радостях людских*» («Когда падают горы»).

10. «Переживание эмоции радости»: «Ему стало скучно. Исчезло *ожидание чего-то необыкновенного*, исчезла та *радость*, которую он испытал, когда увидел на горе автолавку» («Белый пароход»).

Перечисленные когнитивные признаки раскрывают содержательный объем концепта «Радость», эксплицируют многочисленные индивидуально-авторские грани понимания этого концепта.

Следующая когнитивная характеристика концепта «Радость» – это установление когнитивных связей. Когнитивные связи концепта «Радость» опираются на причины возникновения данной эмоции, радость у героев произведений возникает как реакция на приятное или полезное событие.

В художественном дискурсе Чингиза Айтматова выделяется следующая когнитивная связь в концепте «Радость» – «Ценностное значение коня для кыргызского этноса». Она подтверждается цитатой: «Был бы *иноходец* под рукой, сел бы и, крича от восторга и *радости*, явился бы к ней, как этот белый снег поутру» («Прощай, Гульсары!»).

Радость в эмоциональном состоянии героев в таких случаях связана с культурными особенностями Кыргызстана, с традиционным ведением скотоводства, с горным рельефом местности. Для кыргыза естественно с любовью относиться к коню, заботливо ухаживать за ним. Именно с этим животным связано возникновение радостных эмоций персонажей в повестях и романах двуязычного писателя.

Анна Вежбицкая в монографии «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики» высказывает мнение о том, что базовые эмоции не имеют панкультурного выражения, эмоции разных культур выражаются немного по-разному и имеют свою национальную специфику. Она показывает это на примере слов *грусть*, *тоска* в русском языке. На английском эти слова не имеют точного перевода. В английском употребляют слова *меланхолия*, *ностальгия*, *сплин*, но это уже что-то другое, не идентичное *грусти* и *тоске* [2, с. 23].

Мы присоединяемся к мнению А. Вежбицкой о том, что эмоциональные концепты обладают национально-культурной спецификой. В данном конкретном случае, анализируя концепт «Радость» в художественном дискурсе Ч. Айтматова, мы находим одну типичную ситуацию, в которой возникает эмоция радости у представителей кыргызской национальности: причиной возникновения радости может стать момент, связанный с конем, с иноходцем. Это животное представляет особую ценность для кыргыза, бывшего кочевника. В приводимой цитате говорится о встрече Танабая со своим давним любимцем, конем Гульсары: «Велика была *радость* Танабая, когда однажды утром увидел он в табуне своего *иноходца*» («Прощай, Гульсары!»).

Итак, в данной статье был проведен лингвокогнитивный анализ концепта «Радость». Приведенные здесь исследовательские приемы позволили установить языковую вербализацию и семантическое варьирование изучаемого концепта.

Языковая вербализация концепта «Радость» складывается из лексических дериватов и системных и контекстуальных синонимов. Сочетаемость существительного *радость* отражает синтаксический слой концепта, объективирует синтагматические отношения языковых единиц. Обширная синонимия репрезентирует парадигматические отношения лексико-семантического слоя. Разветвленная сеть дериватом отражает эпидигматические отношения лексического слоя концепта «Радость».

Когнитивная характеристика исследуемого концепта показала, что у концепта «Радость» выделено 9 когнитивных признаков атрибутивных словосочетаний, они были перечислены выше.

На основе глагольных словосочетаний в художественном дискурсе Ч. Айтматова нам удалось выявить 10 когнитивных признаков, которые указывали на причины возникновения эмоции радости, на физиологические проявления радости, на интенсивность переживания данной эмоции, на контролируемость/неконтролируемость радости и другие признаки.

В художественном тексте романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» встретились *метафорические образы радости*. В одном из примеров радость представлена в виде стихийного культурного кода [3, с. 182–189], в метафорическом образе воды: «Не знаю, всерьез или в шутку он так сказал, только я вдруг расплакалась. Так просто, не удержалась от *хлынувшей радости*, *переполнилась* она в груди...» («Материнское поле»).

Анализ когнитивных признаков концепта «Радость» позволяет создать его профиль, или обрисовать портрет эмоции.

Радость имеет конкретные очертания: она может быть большой и неопишущей, а может – мимолетной и непонятной. От радости можно ликовать, веселиться, от нее сияют глаза и на лице появляется улыбка. Радость дарят человеку красивые песни, ласки любимой и сама любовь.

Часто радость обретает метафорические черты. Вместилищем радости является душа человека, радость похожа на огонь, который горит в душе и радует человека; от радости душа может встрепенуться. Радость может хлынуть как водный поток и переполнить человека. Иногда радость нельзя контролировать: она может быть дикой и от нее можно ошалеть; от сильной радости даже хочется избавиться. Радость может сквозить в глазах как солнечный свет. В любовных радостях может соучаствовать солнце и одаривать людей счастьем.

В портрете эмоции радости можно разглядеть и лингвоспецифичные штрихи. Причиной радости для кыргыза может стать красивый бег иноходца.

При моделировании эмоционального концепта «Радость» выяснялись его лингвистические и когнитивные характеристики. Лингвистические характеристики языковых единиц раскрывают системные особенности языка

писателя – парадигматику, синтагматику и эпидигматику языкового материала. Когнитивные признаки словесного материала показывают логические и образно-метафорические ассоциации писателя, индивидуально-авторское восприятие действительности, эксплицируют лингвокультурные особенности языкового сознания писателя-билингва.

Литература

1. *Дербишева З.К.* Основы лингвокогнитивного сравнения языков: монография / З.К.Дербишева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2019. – С. 7. – 265 с.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
3. *Колесов В.В.* Введение в концептологию: учеб. пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 248 с.

О.С. Прокофьева
Россия, Челябинск

АВТОРСКИЙ КУРС «ВЕРШИНЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

AUTHOR'S COURSE «TOPS OF WORLD LITERATURE» IN THE CONTEXT OF GLOCALIZATION

ΜΑΘΗΜΑ ΣΥΓΓΡΑΦΕΑ «ΚΟΡΥΦΕΣ ΤΗΣ ΠΑΓΚΟΣΜΙΑΣ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑΣ» ΣΤΟ ΠΛΑΙΣΙΟ ΤΗΣ ΠΑΓΚΟΣΜΙΟΠΟΙΗΣΗΣ

Аннотация. Статья об истории художественной литературы как факторе, который противостоит представлениям о неизбежной тотальной унификации в условиях глобализма.

Ключевые слова: идентичность; универсум; региональные особенности литературы.

Abstract. An article on the history of fiction as a factor that opposes notions of inevitable total unification under globalism.

Keywords: identity; universum; regional features of literature.

Реальность всегда в состоянии перемен и противоречий. Искусство гармонизирует картину мира, ищет точки отсчета и траектории для сохранения человеком себя и мира, человеческого и природного многообразия. Каждое произведение искусства содержит свои варианты идентификации характеров, природных

и социальных явлений, своё решение проблемы выбора. Изучение мировой литературы дает возможность увидеть огромное разнообразие вариантов этого выбора и неразрывную связь между индивидуальным в человеке и свойствами сообщества (рода, этноса, нации), окружающей природы, влиявших на формирование личности. Чем шире поле познания, тем больше гарантий оценить значение многообразия. Однако глобализация повлекла за собой термин «унификация», который стал маркировать ожидание единообразия, похожести. Казалось, что различия можно принести в жертву экономии: начали объединять кафедры, сокращать штаты, уменьшать количество учебных часов на тот или иной предмет. Но глобализация, размывая границы, раздвигала и горизонты обзора.

Вузовский курс мировой литературы, по сложившимся обстоятельствам, в России (как и в ряде других стран) традиционно имел две основные ветви: отечественная художественная словесность и зарубежная. Отечественная начиналась характеристикой устного народного творчества и древнерусской литературы, а преподавание зарубежной – с греческих мифов и греко-римской древности – античности. В конце XX века происходят исторические надломы, которые поколебали парадигму Запад – Россия – Восток. Актуализировались идеи Евразийства, обозначившиеся в русской культуре ещё в начале XX столетия. Наступило время прокладывания во многом иных путей.

Курс «Вершины мировой литературы» возник в условиях крайнего дефицита учебных часов. С начала существования вузов культуры (в 1968 году было принято решение создать такую категорию вузов в нашей стране) История литературы входила в учебные планы всех факультетов от начала и почти до самого конца обучения. И вот в условиях перестройки, в ходе форматирования факультетов и программ стало стремительно сокращаться количество часов на литературу. Минимальным оказался курс на 70 часов для музыкантов и художников декоративно-прикладной направленности. В поисках возможности уложить в это количество учебного времени целостную картину, создана авторская программа курса – «Вершины мировой литературы» (окончательный вариант вышел в 2003 году [7]), совместившая отечественную и зарубежную литературу. Теоретической базой для него стала издававшаяся с 1983 года академическая История всемирной литературы (вышло восемь томов из девяти заявленных). В ней был объединен научный опыт авторитетнейших исследователей, среди которых М.Л. Гаспаров, Д.С. Лихачев, И.С. Брагинский, С.С. Аверинцев, В.В. Ярхо, П.А. Гринцер, С.В. Тураев, Е.М. Мелетинский, Н.И. Конрад, Г.И. Ломидзе и другие, труды которых свидетельствовали о многогранности отечественного литературоведения, устремленного к наследию Запада и Востока, русской литературе и произведениям разных народов нашей страны (Кавказа, Сибири, Средней Азии и т. д.). Эта история отличалась от привычных вузовских учебников по литературе уходом от европоцентризма, широчайшим охватом национальных феноменов художественного слова. Установка на максимальный хронологический диапазон обусловила в качестве точки отсчета – самые древние из известных письменных памятников;

таким образом в начальных главах Истории мировой литературы оказался Восток. Связующим фактором в издании стала идея гуманизма, как и в книге «Запад – Восток» Н.И. Конрада (вышедшей в 1965 году, переиздававшейся позже). В статье С.С. Хоружия «Трансформация славянофильской идеи в XX в.» 1994 года [8] названа концепция Славянского Возрождения, которая сосредоточена на эллинизме как на периоде истории культуры, когда по ходу завоеваний Александра Македонского традиции Европы, Ближнего Востока, Малой и Средней Азии взаимопереплетались. П.А. Гринцер в 1997 году опубликовал компактную, но знаменательную книгу «Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада». Наблюдая за тем, как «переплавляют «своё и чужое» Гёте или Л. Толстой, подчас в не самых известных своих произведениях, Гринцер резюмирует: «Литературные связи Востока и Запада при всём их своеобразии в отдельные эпохи, убедительно свидетельствуют, что у Востока и Запада имеется общее наследие, общие проблемы, общие линии развития и что их размежёвывают не столько раса, религия или язык, сколько незнание своей взаимозависимости» [2, с. 49].

Тем самым плодотворность этого взаимодействия достаточно описана и аргументирована для того, чтобы, формируя в 1990-е годы учебный курс, дистанцироваться от устоявшегося европоцентризма. Название курса «Вершины мировой литературы», дало возможность обозначить общие закономерности, а также варианты индивидуализированности на самых ярких и убедительных примерах.

В экспозицию курса, предназначавшегося для музыкантов и художников, внесены литературоведческие понятия, касающиеся именно искусства слова. Таким образом, дифференцировалась литература как вид искусства в общем русле художественной культуры, изучавшейся на этих факультетах.

Значительную часть материала, характеризующего тот или иной период литературного процесса, можно было предельно сжать, поскольку студенты подробно изучали сходные явления в контексте своих профильных учебных дисциплин: истории музыки, истории изобразительного искусства. Сосредоточивалось внимание на конкретных произведениях, на поэтике, реализуемой именно в слове.

На первый взгляд, возникали диссонансы между названием курса и выбором произведений. Противоречия касались не мировой классики. Но погружаясь в архаику, составитель не имеет возможности особые выборы: предлагается вниманию то, что запечатлели сохранившиеся (подчас случайно) папирусы или глиняные таблички. Порой запечатленные ими смыслы оказываются очень современными, и тогда они маркируют не только пропавшую за горизонтом древность, но и вечность некоторых описанных проблем.

Подтверждающими фактами становятся художественные тексты современных авторов, чьи притязания на статус классиков, создателей мировых шедевров пока, в большинстве случаев, под вопросом. Таких сопоставлений немного. Они не теснят основной материал, наоборот – подчеркивают наличие и вариативность типологических явлений. Показательной предстает, например, тема странствий и возвращения на родину.

От древнеегипетского «Рассказа Сенухе», запечатленного неизвестным писцом на папирусе, про неидеального подданного, который в скитаниях, среди иноземцев, обретает мудрость взаимодействия с окружающими и затем увенчивает свой жизненный путь все-таки на земле покинутого когда-то своего правителя. Одиссей, долго странствуя по воле обстоятельств и богов, не теряя надежды, стремился на свою Итаку. Афанасий Никитин в «хожениях за три моря» надолго оказавшись среди чужеземцев, изучив их языки, обычаи, не забыл свою землю и отправился туда, как только появилась возможность. Робинзон Крузо не захотел владеть целым островом и мечтал вернуться домой... «Счастливая жизнь зарубежного человека» современного писателя Юрия Серебрянского – алмаатинца и человека мира; «Дождь в Париже» российского, сейчас живущего на Урале автора Романа Сенчина – произведения, возникшие в контексте наших текущих событий, относятся к тем фактам художественной культуры, которые подтверждают единство мира во времени и пространстве. Они тоже об идентификации родины и чужбины, странствия и возвращения.

Перевод с шумерской глиняной таблички о Гильгамеше доносит диалог вполне экзистенциальный: «Расскажи мне, друг мой, расскажи мне друг мой, расскажи мне закон земли, который ты знаешь. Не скажу я, друг мой, не скажу я, друг мой, не скажу я. Если бы закон земли тебе сказал я, сел бы ты тогда и заплакал». Это своеобразный древнейший прецедент множества текстов о драматизме бытия и человеческой судьбы. С учетом его заметнее, как постепенно вызревал, отражаясь в произведениях искусства, антропоцентризм, сопровождаясь углублением психологизма и затем происходило движение к наблюдаемой сейчас абсолютизации личной свободы.

Широта хронологических рамок в сочетании с компактностью курса становилась условием динамичности: близко друг к другу оказывались, например, «Преступление и наказание» (1866) российского писателя Ф. Достоевского, «Портрет Дориана Грэя» (1890) ирландца Оскара Уайльда и «Объяли меня воды до души моей» (1973) японского прозаика Кэндзабуро Оэ. Авторы этих произведений рассказали, как разрушается душа и судьба личности, позволившей себе пренебречь нравственностью.

Созданные друг за другом на протяжении почти века, эти повествования теперь показывают нарастание дегуманизации в мире людей, достигающее уже крайней степени («Объяли меня воды до души моей» – цитата из христианского источника, взывающая о спасении пока еще есть надежда). И чем ближе к современности, тем чаще эта тема из трагедии переходит в поле трагедии, например, афоризм Ювенала «В здоровом теле здоровый дух» преобразуется Тимуром Кибировым в реплику «В здоровом теле – здоровый дух. На самом деле – одно из двух». Сегодня завершить курс можно было бы отсылкой к проблеме дефицита внимания к чтению и апелляцией к тому, что вера в силу художественного слова существует несколько тысяч лет.

Любой учебный предмет имеет право на региональный акцент. В нашем случае это проявилось во внимании к внутреннему Востоку, к литературам народов России. Базой для этого стали традиции курса «Литература народов СССР». Оказался востребованным и положительный опыт интернационализма, который, бесспорно, имел место в советском литературоведении. Естественна была ориентированность на Урал и граничащие с ним постсоветские страны Центральной Азии. Среди изучаемых тем оказались «Древнетюркская словесность», «Творчество Чингиза Айтматова». Имела значение ориентированность и именно на Южный Урал, что сказалось на внимании к реминисценциям между русской и башкирской, русской и татарской художественной словесностью. Таким образом, ставший насущным интерес к литературе «внешнего Востока» (Китай, Ирана, Турции...) соединялся с обостренным же вниманием к литературным фактам «внутреннего Востока».

Уделено внимание слиянию национальных традиций в творчестве таких русскоязычных авторов, как Ф. Искандер, Б. Окуджава, Ю. Рытхэу.

Проблема объемности изучаемого материала решалась, там где было возможно, путем выявления архетипов и отслеживанием формирования и способов утверждения общечеловеческих ценностей, речь о которых дополнялась описанием их этнических и национальных вариаций.

В роли хрестоматии, предоставляющей значительную часть обсуждаемых художественных текстов, была предложена серия «Библиотека всемирной литературы». За новыми публикациями студенты отсылались к журналам последних лет.

Возвращаясь к устоявшимся литературоведческим традициям, мы видим непреходящий интерес к античности, к литературе и философии Древней Греции. Естественно выглядят учебные планы по зарубежной литературе, начинающиеся именно с этой части мировой культуры. Но в условиях глобализации, перешедшей в глокализацию, общая картина художественной культуры меняется: поле внимания расширилось за счет объединительных процессов, а внутри этой картины система национальных идентичностей проступает все ярче, отчетливее и требовательнее.

Поэтому актуальной воспринимается тема состоявшейся в декабре 2022 года в Бишкеке Второй международной научной конференции «Сакральные Дельфы в контексте мировой культуры: греко-славяно-тюркские взаимодействия». Конференция посвящена 75-летию профессора Миланы Исааковны Лазариди. По крови она гречанка, по месту рождения грузинка, университетское образование получила в шестидесятые годы в столице советской Киргизии и осталась на этой земле, в постсоветское время – доктор наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета в городе Бишкеке. М.И. Лазариди относится к тем людям, которых много в Кыргызстане, России, в мире вообще, умеющих находить красоту и логику в гармонии общечеловеческого с национальным, противостоя разъединяющим и нивелирующим тенденциям.

Греко-славяно-тюркские взаимодействия переживают очередную фазу своего развития. Вузовское образование по определению имеет опережающую функцию. Первая Международная конференция с этим же названием проводилась на базе КРСУ и раньше, в 2017 году. Директор бишкекского Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС» профессор М.И. Лазариди подготовила к тому времени две монографии: «Безличность в языке» и «Античные концепты», посвященные русско-кыргызской сопоставительной грамматике, а также связи античности и современности.

Тема межкультурных коммуникаций перманентна в вузовской науке. Представляется возможным сказать, что наращивание внимания к гуманитаристическим возможностям межкультурных взаимодействий выполняет буферную роль в период обострения политических конфликтов.

В ряде обстоятельств происходит переориентация общества с атлантической модели на тихоокеанскую. Авторитет восточных культур с их устойчивостью в ориентации на традиции нарастает, ибо западные стремительные темпы модернизации более, чем другие, провоцируют экологические проблемы, этические парадоксы, экономические и политические противоречия.

В этом контексте термины «традиции», «традиционализм», «неотрадиционализм» актуализировались, звучат так часто, что размывается их соотнесенность с конкретной, определяемой реальностью.

Привлекает внимание статья С.С. Хоружего [8], который, анализируя современные концепции традиционализма, приходит к выводу, что стремление выявить феноменальные первоосновы нередко провоцирует «изготовление неких конструктов» «под именем прото-традиции», не поддающихся верификации. Такому подходу он противопоставляет внимание к «живому опыту». Нам представляется, что памятники художественной культуры, произведения классиков – это тот материал, в котором доказательно выявляются модели поведения, парадигмы взаимосвязей, запечатлявшиеся именно с целью сохранения во имя гарантий выживания, гармонии, успеха. (Они и образуют фонд запечатленных традиций.)

О необходимости поиска гуманитаристической стратегии выживания ведет напряженные размышления А. Панарин в девяностых и в начале двухтысячных [6, 5]. Критически анализируя западную культуру за прагматизм и неокOLONиалистические тенденции, он тем не менее обозначает в её истории те явления и ареалы, которые содержали просветительский гуманитаристический посыл, адресуемый всему человечеству. Абсолютная демонизация Европы невозможна, потому что в её культуре были, например, антиутопии Оруэлла и Хаксли.

О значении искусства, «производства образов» словесной культуры Панарин пишет: «...Если прикладную науку и систему производственных технологий питает фундаментальная наука, то последнюю питает культура, как неформализованная система, причудливо сочетающая духовное наследие веков с открытиями совершенно духовного производства...» [55].

Каким бы лаконичным не оказался курс истории литературы, он может быть экскурсом в гуманистическое наследие, помогающее помнить и сохранять идентичность наряду с принадлежностью универсуму.

О том, что проблема сохранения бережного равновесия существует, свидетельствуют разнообразные высказывания. В публикации 2005 года И.О. Шайтанов [9] напоминает «латинскую формулу «единства несхожего» и развивает эту мысль, сопоставляя роли «своего» и «чужого»: «Своё» – основа национальной культуры. Но все основательное тяготеет к замедлению. К потере динамики. «Чужое» способно обострить движение, взволновать воображение культуры. Оно не случайно в том смысле, что не случайно выбирается для восприятия на «встречном течении». Но «чужое» случайно в том смысле, что не связано с преданием...». «Границы, по крайней мере, в пространстве культуры, наделены способностью не только разделять, но и связывать, предоставляя место для встречи и диалога», – резюмирует он.

Семь лет спустя встречаем публикацию о слабеющем диалоге, читаем о процессе сглаживания, «стирания этнонациональных различий». Говоря про объективные причины и положительные следствия глобализации, автор публикации Б.В. Марков отмечает, что она «тем не менее таит в себе определенные опасности», «люди не усваивают чужое и забывают родное» и при этом «бездомность, безродность современного человека прогрессирует, как ни странно, прежде всего там, где люди имеют комфортабельное жилище и могут свободно передвигаться по всему миру» [4]. Таким образом, необходимость диалога и полилога нарастает.

История литературы, мировой художественной культуры – материал, убеждающий в том, что идентичности, которые складывались веками и тысячелетиями, неотменяемы при всей власти архетипов, слабеющих и нарастающих миграциях.

Тотальный универсализм вряд ли возможен. Аргументы, обладающие большой степенью очевидности, есть в научной области *литературная география* (и шире – *культурная география*). Она сравнительно молода, но имеет свою историю, апелляции к которой можно найти в работах её представителя В.Н. Калущкова. Он пишет: «...Предмет культурной географии можно охарактеризовать как распределение культуры по поверхности Земли, «поэтому важным аспектом предмета культурной географии является географическая картина мира, точнее, множество национальных и региональных географических картин мира.

Одни и те же географические объекты по-разному представлены и осмыслены в картинах мира соседних народов» [3, с. 118–119]. У пермских исследователей В.В. Абашева и М.П. Абашевой можно найти такой выразительный конкретный пример: «...Геокультурный образ Урала начал создаваться уже в литературе XVIII в., но окончательно оформилась эта модель уральского пространства в 1930-е гг. в сказах Павла Бажова.

В четком противопоставлении такому яркому геотопосу русской культуры, как Кавказ, – с акцентом на горных вершинах, Павел Бажов создал парадоксальный

образ подземных гор» [1, с. 148]. Осмысление многообразия традиций – условие адаптации, опыта жизнестойкости, сосуществования.

Литература

1. *Абашев В.В.* Литература и география: Урал в геопозитике России. / В.В. Абашев, М.П. Абашева // Вестник Пермского университета. – 2012. История. Выпуск 2 (19). Пермский гос. пед. ун-т, 2012. – С. 143–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-i-geografiya-ural-v-geopoetike-rossii/viewer>
2. *Гринцер П.А.* Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада / П.А. Гринцер; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. Гуманитар. исслед. – М.: КГГУ, 1997. – 50, [2] с.; см. – (библиотека студента).; ISBN 5-7281-0149-6: Б. ц.
3. *Калуцков В.Н.* Концептуальные основы литературной географии / В.Н. Калуцков // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 2 (51). – С. 118–125. URL: http://litusadba/imli.ru/sites/default/files/publication/kaluckov_v.n._konceptualnye_osnovy_literaaturnoy_geografii/pdf
4. *Марков Б.В.* Россия между Западом и Востоком / Б.В. Марков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XV. Выпуск 2 / Научно-теоретический журнал. – Хабаровск: 2018. – С. 30–38. URL: <http://anthropology.ru/text/markov-bv/rossiya-mezhdu-zapadom-i-vostokom>
5. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. Библиотека думающего о России. 2001. URL: http://www.patriotica.ru/books/panar_globprog/index.html
6. *Панарин А.С.* Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы» / А.С. Панарин // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 31–36.
7. *Прокофьева О.С.* Литература (Вершины мировой литературы). Программа и методические рекомендации для студентов, обучающихся по специальности 053000 «Народное художественное творчество». ЧГАКИ. – Челябинск, 2003. – 59 с.
8. *Хоружий С.С.* Злоключения традиции или, Почему нужно защищать традицию от традиционалистов / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 2017. – № 9. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1749 (дата обращения: 30.10.2017).
9. *Шайтанов И.О.* Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог / И.О Шайтанов // Вопросы литературы. – 2005. – № 6. – С. 35–42.

**ОТНОШЕНИЕ К ДЕВУШКЕ, ДОЧЕРИ, НЕВЕСТКЕ
В РУССКИХ, КЫРГЫЗСКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ:
КУЛЬТУРНЫЕ ОТТЕНКИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАСКРАСКИ**

**ATTITUDE TO A GIRLS, DAUGHTERS, BRIDE-IN-LAW
IN RUSSIAN, KYRGYZ AND UZBEK PROVERBS:
CULTURAL SHADES AND SEMANTIC COLORING**

**ΜΑΘΗΜΑ ΣΥΓΓΡΑΦΕΑ «ΚΟΡΥΦΕΣ
ΤΗΣ ΠΑΓΚΟΣΜΙΑΣ ΛΟΓΟΤΕΧΝΙΑΣ» ΣΤΟ ΠΛΑΙΣΙΟ
ΤΗΣ ΠΑΓΚΟΣΜΙΟΠΟΙΗΣΗΣ**

Аннотация. В настоящей статье исследуются культурные особенности восприятия женщин в русской, кыргызской и узбекской культурах через анализ пословиц. Рассмотрены пословичные выражения, связанные с отношением к девушке, дочери и невестке, опираясь на семантические нюансы и культурные оттенки. Статья предлагает анализ языковых конструкций, связанных с ролью женщины в семье и обществе, раскрывая важные аспекты культурного наследия и социальных норм в указанных культурных контекстах.

Ключевые слова: пословица; ценности; образ мышления; язык; культура; этнос.

Abstract. This article explores the cultural peculiarities of the perception of women in Russian, Kyrgyz and Uzbek cultures through the analysis of proverbs. The proverbial expressions associated with the attitude towards a girl, daughter and daughter-in-law are considered, focusing on semantic nuances and cultural shades. The article offers an analysis of linguistic constructs related to the role of women in the family and society, revealing important aspects of cultural heritage and social norms in these cultural contexts.

Keywords: proverb; values; way of thinking; language; culture; ethnicity.

В последние десятилетия лингвистика рассматривает язык как основное понятие в изучении особенностей мышления, отношения к различным явлениям, восприятия и воспроизведения явлений действительности, понимания ценностей человеком. Вильгельм фон Гумбольдт описывал язык как форму выражения народного духа и обратил внимание на национальное содержание языка и мышления. Он писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [2, с. 324]. Главной особенностью этнолингвистического подхода в языкознании является понимание того, что ценностные понятия этноса оказывают большое влияние на формирование языковой картины мира данного народа,

В российской лингвистике к данной тематике обращались в своих трудах Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня и др. В современном языкознании антропоцентрическое направление является методологической основой, которая объединяет когнитивную и лингвокультурную парадигмы.

В конце XX века как самостоятельное направление возникает лингвокультурология. Объектом исследования данного направления являются пословицы и поговорки, фразеологизмы и другие единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре. В устном народном творчестве ярко отражаются нравственные и моральные ценности, быт, уклад жизни, характер, традиции и обычаи народа. Пословицы и поговорки – один из самых древних и распространенных жанров фольклора. Вот что писал Даль о пословицах: «Величайшее богатство народа – язык! И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» [3, с. 1984]. Пословицы – одна из важных составляющих национального достояния, живое наследие, накопленное народом в течение столетий. Они помогают лучше узнать характер и дух народа, что крайне важно для взаимопонимания и установления дружеских отношений между разными этносами. Именно поэтому важно знать и понимать пословицы и поговорки при глубоком и всестороннем изучении языка.

Пословицы и поговорки как русского, так и кыргызского и узбекского этносов служат универсальными и уникальными ориентирами человеческих ценностей. В них как важная социальная ценность отразились такие концепты, как «счастье», «жизнь», «труд», «правда», «ложь», «добро» и «зло». Пословицы и поговорки русского, кыргызского и узбекского языков составляют важную часть живого общения носителей языка, отражают специфику их мышления; в них наиболее ярко проявляются национально-культурные особенности этноса. В связи с этим становится актуальным изучение лингвокультурной специфики паремий в языковой картине мира исследуемых народов.

Важное значение в истории и культуре русского, кыргызского и узбекского народов имеют поговорки и пословицы о девушке (дочери, невестке), её месте и роли в семье. Отличительной особенностью традиций и семейных ценностей русского, кыргызского и узбекского народов является то, что они уделяют особое внимание воспитанию девочек. Их поведение, манеры, культура поведения всегда были в центре внимания семьи. Девочек воспитывают в духе послушания родителям и уважения к старшим. Их учат тонкостям манер. Именно поэтому они всегда были вежливы, особенно перед гостями.

Пословицы, воплощающие такие качества девушки, как покорность, расторопность, трудолюбие, нежность, жизнерадостность, которые формируются у них и ценятся в семейных отношениях, есть у всех исследуемых народов.

Краса до венца, а ум до конца.

Девичье смирение дороже ожерелья.

Чего девушка не знает, то ее и красит.
Нехвалёная девка дороже хвалёной.
Что парню прощается, девке запрещается.
Девушка гуляй, а дельце не забывай.

К девушкам кыргызы относились по-особому, они говорили: «*Кыздын кырк чачылуу*» (сорок кос девушки почетны), «*Кыз – конок*» (девушка – гостя в своем доме), и относились к ней как к цветку, придающему дому красоту. Поскольку девушка считалась гостьей в своем доме, она одинаково, справедливо и с уважением относилась не только к своей семье, но и к родственникам, соседям, людям, живущим на одной улице, проявляла доброту к старшим.

Кыздуу болсоң – көздүү бол. – Если у тебя есть дочка, будь внимательным, следи за ней.

Кыз турган үйдө кыл жатпайт. – В доме, где есть дочь, всегда чисто.

Кыз кылыгы менен жакшы, ийне учугу менен жакшы. – Девушка красна поведением, а иголка острым концом.

Алысты жакын кылган кыз, тамакты таттуу кылган туз. – Дочка приближает далекое расстояние, соль делает еду вкусным.

«*Қизлиуй – бұстон, қизсиз уй – зимистон*» утверждается в узбекской пословице, что означает семья, где есть дочь – «бұстон» (сад), а семья, где нет дочери – «зимистон» (в переводе с фарси – зима, холод, место, куда не падают солнечные лучи).

Қизсиз хонадон – оловсиз ўчоқ. – Дом без дочери, что очаг без огня.

Қизли уй – файзли уй. – Дом, где есть дочь – дом с достатком.

Ўғилли уй – фаришта, қизли уй – саришта. – Семья с сыном – ангел, семья с дочкой – чистота.

У исследуемых народов роль и ответственность матери в воспитании девочек велика. По славе матери судят о дочери:

Беря в жены дочь, смотри на мать.

Первую дочь берут по матери, вторую – по сестре.

Глядя на мать изучи, бери дочь.

Куда мать, туда и дочь.

Какова мать, такова и дочь.

У хорошей матери и дочь хороша.

Эненин кеби – кыз-келинге, эженин кеби – синдиге эм. – Слова матери для дочери, невестки, слова сестры для сестренки – польза.

Эне адаты – кызга үлгү. – Поведение матери – образец для дочери.

Энесин көрүп – кызын ал, эшигин көрүп – төрүнө өт. – По двери определяй *төр* (почетное место в юрте, в доме), а по матери – дочь.

Кыз энеден үлгү албаса чоркок болот, уул атадан үлгү албаса коркок болот. – Если дочь не берет пример с матери будет неумёхой, если сын не будет брать пример с отца будет трусом.

Онасини кўриб, қизини ол. – По матери выбирай дочку.

Семиз қўзининг гўшти яхши, оқил онанинг – қизи. – У толстого барашка хорошее мясо, у мудрой матери дочь хороша.

Терак қақараб, тол ўсар, онагақараб, қизўсар. – Смотря на тополь, ива растёт, смотря на маму, дочь растёт.

Эшиги ёмоннинг уйига борма, онаси ёмоннинг қизини олма. – Не заходи в дом с плохой дверью, не бери дочь у плохой матери.

Қизни онаси тийсин, ўғилни – отаси. – Пусть за дочкой следит мама, а за сыном – отец.

Обряд сватовства, родственные отношения между родителями жениха и невесты уходят корнями в древнюю историю. Эти отношения крепки только тогда, когда они связаны узами любви, уважения и привязанности. Выбор невесты – важная и ответственная миссия. В истории у русских, кыргызов и узбеков при выборе невесты в первую очередь обращали внимание не на внешность, а на то, что она умела делать, так как в хозяйстве всегда были нужны рабочие руки: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде. Наша невеста не гусей пасла, а веретеном трясла. На красивую жену глядеть хорошо, а с умной жить хорошо. Септүү кыз болгуча, эптүү кыз бол.* – Чем быть с приданым, будь расторопной. *Калымсыз кыз болса да, кадаасыз кыз болбойт.* – Если девушка даже без приданого, она должна знать обряды. Акл кунда керак, чирой тўйда керак. – Ум нужен каждый день, а красота нужна на свадьбе. *Сепинг бўлмаса хам эпинг бўлсин.* – Пусть невеста придет и без приданого, но пусть будет она умелой и расторопной.

Если девушка не была замужем в 20 лет, то её уже считали старой девой, вековухой считались девушки, у которых все ровесницы уже обзавелись семьями: *Старая правда да старое вино – добро, но не старая девка. С годами мёд крепчает, а девушка скисает. Злее нет осенней мухи да девки вековухи. Где старая девка живет, вокруг и крапива не растёт. Лучшие выйти замуж без любви, чем остаться старой девкой.* Девка после двадцати, что ни год – рублем дешевле. Старые девы не могли присутствовать в одном помещении с роженицей и за свадебным столом, одевать яркую одежду.

Девушку, которая не вышла вовремя замуж, у кыргызов называли «кара далы». Она считалась обузой в семье. Чтобы как-то угодить своим родным, она делала всю тяжелую работу по дому.

Кары кызгатаңатпайт. – Для старой девы не наступает утро.

Кара далы эр тандабайт, өлөөрадам – жер тандабайт. – Старая дева не выбирает мужа, умирающий человек не выбирает места.

Старых дев у узбеков называли «кари киз». Они не должны были находиться в помещении, где проходит обряд «никох», сидеть рядом с невестой. Но такого плохого отношения к ним как у русских, у узбеков не наблюдается. В семье этих девушек уважали, старались не обидеть, а невестки их боялись.

Қиз сақлагунча, туз сақла. – Чем хранить дома дочку, храни соль. *Қори бўлмаса – қишхунук, ёри бўлмаса – қизхунук.* – Если нет снега – зима уродлива, если нет любимого – девушка уродлива.

В следующих пословицах говорится, что жизнь в семье мужа нелегкая.

Покроют головушку, наложат заботушку.

Не хвались замужеством (женитьбой) третьего дня, а хвались третьем году.

В девках сижено – горе мыкано, замуж выдана – вдвое прибыло.

Все в семье спят, а невестке молоть велят.

Келиндин тарбиясы башынан. – Невестку надо воспитывать с самого начала.

Келинди келгенде көр, же тезек терип жүргөн дөкөр. – Увидишь невесту, когда придет, когда будет собирать кизяк.

Келин кайын журтка жети жылда көнөт. – Невестка привыкает к новой семье через семь лет.

Келинлик – Бедилхонликлдан қийин. – Быть невесткой труднее, чем участвовать на испытаниях по знанию поэзии Бедиля (Бедиль – узбекский поэт XVIII века).

Қўлимдан келганини аямадим, ҳеч қайнонамга ярамадим. – Делала всё, что могла, все равно не угодила свекрови.

Но в настоящее время в русской культуре многое изменилось. Современные молодые семьи предпочитают жить отдельно. А у кыргызов и узбеков в силу особенностей менталитета, религии сохранились старые устои.

Семейные отношения в мусульманской семье, как известно, сильно отличаются от отношений в русской и европейской семье. На это накладывают свой отпечаток менталитет, религия, обычаи, стереотипы и т. п. Если в мусульманской семье рождается дочь (даже 3–4 дочери), то все будут считать эту семью бездетной до рождения сына. В большей степени это относится к узбекам, у которых женщины до сих пор более бесправные и не могут распоряжаться своей судьбой (особенно в сельской местности).

Қиз туққанга муз тугар, ўғил туққанга кун тугар. – Женщине, которая родила девочку, падает лёд, женщине, которая родила мальчика, падает солнце.

Ўғил отаси мард бўлса, қиз отаси – бечора. – У мальчика отец – храбрый, у девочки – трусливый.

Дочь у кыргызов и узбеков прежде рассматривалась как постоянный расход: на приданое, образование, одежду и т. п.

Өлгөн менен кыз бергенге намыс кылба. – Не суди умершего и выдавшего дочь.

Сексен жылкы, сегиз төө септүү кыздын калыңы. – В приданое дочери семьдесят коней, восемь верблюдов.

Кыз – кырк жылкы, эркек бала – ырыскы. – Дочка – сорок коней, сын – досток.

Қиз берганга қирқ йил тегма. – Выдавшего дочь не трогай сорок лет.

Каждый этнос имеет свои неповторимые традиции и обычаи, которые складывались на протяжении веков. Они всегда были частью образа жизни народа. Несмотря на схожесть общечеловеческих понятий о роли женщины, девушки, дочери, невесты существует определенная специфика в семейных взаимоотношениях,

понятиях разных народов, что выражается в пословицах и поговорках этих народов. Русские пословицы и поговорки о девушке, дочери, невесте отражают разнообразные аспекты культуры и отношений в семье. Они выражают глубокие чувства, ценности и ожидания, связанные с ролями дочери, невесты и жены в русском обществе. В кыргызских и узбекских пословицах также обращается большое внимание на воспитание дочери в семье. Девушек учат, как себя вести дома, в обществе, учат трудолюбию и послушанию. В кыргызской культуре есть пословицы, свидетельствующие об уважительном отношении к дочерям в семье. В отличие от кыргызской культуры, у узбеков было пренебрежительное отношение к рождению дочери, и, если в семье рождались подряд 2–3 дочери, доходило даже до развода. Это можно объяснить тем, что кыргызы прежде вели кочевой образ жизни. Большое хозяйство, скот представляли соблазн для любителей легкой наживы, поэтому на помощь пострадавшим приходили родственники со стороны жены. Роль женщины в кыргызской семье была слишком значительной, чтобы ее игнорировать или обижать.

Но и кыргызы, и узбеки понимали: выдать дочку замуж – это большие расходы. У русских в старину тоже считалось, что рождение и воспитание дочери требует многих затрат: *Дочку в колыбельку – приданое в коробейку. Дочку замуж выдать – не пирог испечь. Бесприданница – безответница.*

Такая точка зрения была не только у русских, кыргызов и узбеков. В Индии до сих пор рождение дочери – несчастье для семьи. Так же воспринимается появление дочерей в Китае: ведь это предвещает большие расходы в семье. Большинство китайнок делают аборт, если носят девочку. Устаревшее понятие, что о стариках будет заботиться только сын, а не дочь, все еще живо у этих народов. На самом деле в настоящее время нет разницы, какого пола твой ребенок, главное – какой он человек. Есть сыновья, которые доводят своих родителей до разорения, а есть дочери, которые прославляют свои семьи и приносят им благополучие и благосостояние. Все зависит от воспитания ребенка.

У всех народов отмечается большая роль матери в воспитании дочери, её подготовке к будущей семейной жизни. У исследуемых народов также есть пословицы о негативном отношении к девушкам, которые не вышли замуж («старая дева», «вековуха» – у русских, «кара далы» – у кыргызов, «кари киз» – у узбеков). Отмечаются пословицы о тяжелой жизни невесток в доме у мужа. Но в данное время в русских семьях молодожёны предпочитают жить отдельно, и родители этому не препятствуют. А у кыргызов и узбеков молодые живут первое время с родителями. Потом их могут отделить, если в семье есть ещё сын.

Таким образом, говоря об отношении разных этносов к девушкам, дочерям, невестам, можно смело утверждать, что на ментальном уровне исследуемые народы мира очень схожи, особенно в прошлом. Сейчас же образ жизни людей, их мировоззрение, обычаи подверглись влиянию времени, изменились. И у русских, и у кыргызов, и у узбеков дочь уже не воспринимается как балласт. Дочерей любят и лелеют. Сыновья и дочери имеют равные права в семье и обществе, могут

жить с родителями, ухаживать за ними, наследовать состояние родителей. Женщина, которая по своей воле или же по воле судьбы не вышла замуж, никак не ущемляется, не принижается.

В семейной жизни народов Востока все еще действуют кое-где устаревшие понятия, которые затрудняют жизнь девушек в семье мужа, но закон приходит на помощь женщинам и девушкам.

Специфика в понимании некоторых моментов жизни и отражения их в пословицах объясняется образом жизни, обычаями народов, религиозными и моральными установками.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Наука, 1999. – 265 с.
2. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание. СПб.: Либроком, История лингвофилософской мысли, 2013.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Избранное. – М., 1984.
4. Колесов В.В. Отражение русской ментальности в слове. – М.: Златоуст, 1999. – 248 с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003.
6. Кыргыз тилинин сөздүгү. – Бишкек: КУИА, 2010.
7. Содикова М. Қисқачаўзбекча-русча мақол-маталлар луғати. – Тошкент. Ўқитувчи, 1993. – 364 с.

ТЮРКСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И НАУКА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

ИСКУССТВО СКАЗИТЕЛЯ-МАНАСЧИ И ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

THE STORYTELLING ART OF MANASCHI AND THE EPIC TRADITION

Η ΤΕΧΝΗ ΤΟΥ ΑΦΗΓΗΤΗ-ΜΑΝΑΣΚΙ ΚΑΙ Η ΕΠΙΚΗ ΠΑΡΑΔΟΣΗ

Аннотация. На основе анализа теоретического материала по искусству сказительства автором предпринята попытка исследовать феномен сказительского творчества манасчи, сформировавшегося в уникальной эпической традиции, без наличия которой невозможно его функционирование и дальнейшее духовное развитие. Эпическая традиция обосновывается автором как архаическая форма творчества, которая представляет собой своеобразное духовное и душевное слияние искусства исполнителя (адресанта) и слушателя, зрителя (адресата) и функционирует, развивается лишь в особой эпической среде и в особой атмосфере психологического единства сказителя и аудитории.

Ключевые слова: искусство сказителя-манасчи; эпическая традиция; эпическая среда; традиционная культура кыргызов; эпос «Манас»; сакральный текст.

Abstract. On the basis of the analysis of theoretical material the art of storytelling, the author made an attempt to explore the phenomenon of creatively narrative of Manaschi formed in a unique epic tradition, which is impossible to function and further spiritual development. The epic tradition is justified by the author as an archaic form of creativity, which is spiritual and spiritual merging of the art between the performer (addressee) and listener, viewer (addressee) and functions, develops only in a special epic environment and in a special atmosphere of psychological unity of storyteller and audience.

Keywords: storytelling art of manaschi; epic tradition; epic environment; traditional Kyrgyz culture; epic «Manas»; sacred text.

Устный характер традиционной культуры кыргызов predetermined формирование разнообразных механизмов кодирования и трансляции сакральных текстов, в частности через искусство сказителей. Поэтому из всех форм народного творчества именно эпическая традиция как устная память достигла высокой степени развития, тем самым обеспечивая семиотическую целостность традиционной культуры кыргызов через форму устной передачи духовных знаний, норм личного и социального поведения от поколения к поколению. В этом смысле эпическая традиция есть «средство накопления народных знаний, аккумуляции и выражения народной памяти, важнейший в прошлом способ накопления и выражения народной дидактики и межпоколенной трансмиссии культуры» [8, с. 276].

Как отмечает Ю.М. Лотман, «в обществе устной культуры хранились и передавались огромные пласты информации, что опиралось и на изоощренную коллективную культуру, и на выделение индивидуальных “гениев” памяти» [4, с. 115]. В роли «гениев памяти» в традиционной культуре кыргызов выступают сказители-манасчи. «Сказитель, – как пишет исследователь тюркских эпосов К. Райхл, – это сама традиция и одновременно индивидуальность, автор», «сказитель эпоса – это и создатель эпоса» [7, с. 25], его творец. В данном случае слово «творец» применимо по отношению к сказителю, поскольку, как справедливо утверждает П.А. Гринцер, для него каждое новое исполнение становится новым рождением эпоса, и он является полноправным его творцом [2, с. 142]. Соглашаясь с ним, что «устное произведение не создается для исполнения, оно создается в процессе исполнения», другой известный исследователь теории эпоса А. Лорд приходит к мысли о том, что процесс исполнения эпоса сопровождается состоянием экстаза, транса, который необходим творческой личности для вдохновения [3, с. 24]. Действительно, именно в таком состоянии у сказителя проявляется «дар импровизации», приравнивающийся к высшим созидательным действиям и характеризующийся своей этнической спецификой в различных эпических традициях. Это состояние одержимости, видений, транса, экстаза, полной растворенности, тождественности сказителя и реальности, событий, героев, о которых повествует сказитель, во время творческого действия так же, как и шамана во время камлания, в психологической антропологии определяется как измененное состояние сознания. В момент творчества певец, сказитель не отдает себе отчета в том, как он творит, поскольку он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и иступленным, то есть в состоянии бессознательного.

В этой связи представляют интерес лингвистические реконструкции, проведенные исследователями индоевропейского языка Г.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым, которые на основе изучения во всех индоевропейских языках этимологического значения слов «неистовство», «возбуждение», «вдохновение» установили их родство со словами «поэт», «прорицатель» (древнегреч. *mantis* – «прорицатель», *mainomai* – «бесноваться, свирепствовать»; лат. *vātēs* – «прорицатель»; готск. *wōps* – «разгневанный», «одержимый»; древнеиндийск. *vipra* – «возбужденный», «вдохновленный», «поэт», «жрец»). На основании проведенного анализа ученые отмечают, что особое положение песнопевца, стихотворца, являющегося в то же время провидцем, пророком, прорицателем, приравнивает его к жрецу, религиозному предводителю, осуществляющему связь между небом и землей [1, с. 835–836].

Как известно, в часы сказания эпоса «Манас» сказитель, погружаясь в состояние экстаза, вдохновения, неистовства, иступления, порождает иллюзию реальности когда-то происходивших событий, о которых повествует через свое субъективное выражение. Действительно, как утверждают исследователи архаического фольклора, «в эпическом повествовании герои как бы на самом деле оживали, а окружающий сказителя и аудиторию мир духов мог живо реагировать

на изображаемое действие и произносимые слова» [5, с. 45]. Отсюда многое в экстатическом сказительском искусстве манасчи можно объяснить активностью сферы бессознательного в художественном творчестве. В моменты творчества сказителя-манасчи в глубинных пластах его психики происходит процесс бессознательного воспроизведения в памяти коллективного опыта, прошлых событий, людей и героев, то есть тех архетипических образов, которые заложены в его памяти как слепки прошедшего опыта предков.

Однако данный творческий процесс сказителя, его «внутреннее настроение» зависит от активного восприятия, одобрения и поэтического сопереживания многочисленной аудитории слушателей, которые являются для него побудительной силой, стимулом для раскрытия его творческих возможностей. Поэтому процесс творческого вдохновения манасчи, приводящего его в состояние экстаза, не мог развиваться вне чувства сопереживания, «вчувствования», сотворчества между сказителем и многочисленной аудиторией слушателей – знатоков эпоса, причастных к знанию традиций и являющихся носителями культурной памяти. В этом смысле сказитель выступает в роли медиатора, транслятора между эпосом «Манас» как текстом культуры и слушателями, воспринимающими и интерпретирующими данный текст. Следуя логике «обратной связи», не только сказитель-манасчи магически воздействует на слушателей, но и слушатели, в свою очередь, как носители культурной памяти активно участвуют в процессе воссоздания, интерпретации данного текста культуры, тем самым придавая ему новую семиотическую жизнь. «Талантливый сказитель, – отмечает К. Райхл, – воодушевляет слушателей, а благодарная аудитория влияет на певца и вдохновляет его» [7, с. 107].

Таким образом, эпическая традиция как архаическая форма творчества представляет собой своеобразное духовное и душевное слияние искусства исполнителя (адресанта) и слушателя, зрителя (адресата) и функционирует, развивается лишь в особой эпической среде и в особой атмосфере психологического единства сказителя и аудитории. Поэтому во время исполнения эпического произведения «певец и слушатели объединяются специфическими узами – не просто физической совместимости, но более важным вовлечением в церемониальное событие. Аудитория включена в исполнение и участвует в нем как в ритуале» [7, с. 106].

Исходя из этого, сказительское творчество манасчи могло функционировать и развиваться лишь в особой эпической среде, прекрасно ориентирующейся в содержании и художественных образах эпического сказания и в особой атмосфере психологического единства сказителя и аудитории. Эпическое творчество в данном контексте, как отмечает Б.Н. Путилов, выступает в качестве «народного замысла», который является «принадлежностью не одного сказителя, даже не их совокупности, но всей эпической среды, всего коллектива» [6, с. 194].

Таким образом, именно благодаря субъективному творчеству манасчи, которому дух Манаса дарит вдохновение и является питательной почвой его творческой энергии, воображения и импровизаторского мастерства, мы можем сегодня прислушаться к голосу наших предков и приобщиться к такому уникальному

явлению, как эпос «Манас». Эпос «Манас» – коллективное творение кочевого сознания, духовное сокровище, сакральное сообщение, отправленное нашими предками, в котором отразились вековые традиции и ценности, уникальность художественного мироощущения, символические образы и архетипы. В этом смысле эпос «Манас» является сакральным текстом, выполняющим функции генератора смыслов и конденсатора культурной памяти, а сказители-манасчи – трансляторами этих глубинных смыслов и архетипов.

Литература

1. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т. Т. 2. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 1423 с.
2. *Гринцер П.А.* Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литературы древнего мира. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971. – С. 134–205.
3. *Лорд А.Б.* Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. – 368 с.
4. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). – СПб.: Искусство – СПб, 2010. – С. 12–149.
5. *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е. С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – 285 с.
6. *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. – М.: Вост. лит. РАН, 1997. – 295 с.
7. *Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер; под ред. Ф.А. Функа. – М.: Вост. лит. РАН, 2008. – 383 с.
8. *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. – М.: Изд. ОГИ, 2005. – 272 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЮРКО-ТЕНГРИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ФИЛОСОФИИ МАХАЯНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА**

**INTERACTION OF TURKIC CULTURE
AND MAHAYANA PHILOSOPHY ON THE TERRITORY
OF KYRGYZSTAN**

**ΑΛΛΗΛΕΠΙΔΡΑΣΗ ΤΟΥ ΤΟΥΡΚΙΚΟΥ-ΤΕΝΓΚΡΙΑΝΟΥ
ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΥ ΚΑΙ ΤΗΣ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑΣ ΜΑΧΑΓΙΑΝΑ
ΣΤΟ ΚΙΡΓΙΖΣΤΑΝ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с малоизученностью феномена взаимодействия тюркской культуры и философии Махаяны в социофилософской системе Кыргызстана. В статье производится попытка восполнить этот недостаток с использованием историко-логического философского подхода. На основе анализа предложены следующие выводы: во-первых, на территории Кыргызстана буддийское мировоззрение ранней Махаяны в качестве духовного учения имело тесные связи с тюрко-тенгрианской культурой примерно в II–I вв. до н. э.; во-вторых, уже в VII–X вв. Чуйская долина стала «значимым центром буддизма Средней Азии», где, в свою очередь, школы мадхьямики и йогачары в разное время гибко адаптируются к социокультурному менталитету населения на территории Кыргызстана, где с середины I-го тысячелетия до н. э. развивалась тюрко-тенгрианская культура. Автор полагает, что обоснованным и перспективным фактором является необходимость развития межкультурной философии для глубокого понимания социокультурных процессов на территории Кыргызстана из глубины веков, чья судьба в той или иной степени была связана со многими мировыми культурами.

Ключевые слова: тюрко-тенгрианская культура; мировоззрение Махаяны; Кыргызстан; историко-логический подход; буддийское мировоззрение; философия.

Abstract. The article is devoted to the issues related to a poorly studied phenomenon of interaction between Turkic culture and Mahayana philosophy in the socio-philosophical system of Kyrgyzstan. The article attempts to fill this shortcoming using historico-logical philosophical approach. On the basis of the analysis the following conclusions are proposed: firstly, in the territory of Kyrgyzstan the Buddhist worldview of early Mahayana as a spiritual doctrine had close ties with the Turkic-Tengrian culture approximately in II-I centuries BC; secondly, already in VII-X centuries the Chui valley became “significant”. The Chui Valley became “a significant center of Buddhism in Central Asia”, where, in turn, the Madhyamika and Yogachara schools at different times flexibly adapted to the socio-cultural mentality of the population on the territory of Kyrgyzstan, where the Turkic-Tengrian culture had been developing since the middle of the 1st millennium BC. The author believes that a reasonable and promising factor is the need to develop intercultural philosophy for a deep understanding

of socio-cultural processes in the territory of Kyrgyzstan from the depths of centuries, whose fate to a greater or lesser extent was connected with many world cultures.

Keywords: turkic-Tengrian culture; Mahayana worldview; Kyrgyzstan; historical-logical approach; Buddhist worldview; philosophy.

Исследования о взаимодействии тюрской культуры и философии мало изучены и образуют ахиллесову пяту в философской науке Кыргызстана.

Научные географические, этнографические, исторические, археологические, философские и лингвистические исследования феномена взаимодействия Махаяны с другими культурами на территории Кыргызстана проводились такими российскими и отечественными учеными, как В.В. Григорьев, Ю.Н. Рерих, А.Н. Бернштам, А.А. Алтымышбаев, С.Г. Кляшторный, Л.Р. Кызласов, Л. Зяблин, В.Д. Горячева, Б.Я. Ставиский, Ч.Э. Алиева, В.А. Кольченко, Э.С. Лазаренко и др.

Целью данного исследования является попытка восполнить недостаток малоизученности взаимодействия тюрской культуры и философии Махаяны в социокультурной системе Кыргызстана, используя историко-логический подход, который содержит диалектический и историко-концептуальный принципы философского познания.

Историко-логический подход – метод научного воспроизведения возникновения и развития мировоззрения Махаяны на территории Кыргызстана проводится средствами теоретического анализа. Этот метод направлен на анализ определенного высшего исторического состояния феномена Махаяны в контексте пространства Кыргызстана, включающий процессы возникновения, проникновения и распространения системы данного явления во всем многообразии структурно-образующих связей и зависимостей.

Результаты

Исторические и археологические данные отражают культурологическую динамику и адаптацию феномена Махаяны в социокультурном менталитете населения на территории Кыргызстана, где в древние века переплетаются тенгрианская философская мысль с буддийской эпистемологической философией.

Археологические данные показывают, что в настоящее время на территории Кыргызстана найдено 6 недвижимых археологических объектов, 4 единичных буддийских артефактов, а также тибетские надписи на южном берегу Иссык-Куля и наскального рисунка Будды Медицины в Иссык-Ате. Согласно позиции Б.Я. Ставиского по общей истории буддизма, он констатирует, что в VII–X вв. Чуйская долина являлась «значимым центром буддизма Средней Азии» [12].

Древнейшие материальные буддийские свидетельства на территории современного Кыргызстана зафиксированы эпохой средневековья, представлены известным археологом В.А. Кольченко в главе «Буддизм и другие индийские религии на территории Кыргызстана», в которой говорится, что памятники средневекового буддизма достоверно зафиксированы только в Чуйской долине и в Прииссык-кулье [8].

Анализ и оценка

В данной части мы рассмотрим два направления буддийского мировоззрения Махаяны, которые в разные хронологические периоды проявляются в культуре и быте народов, населяющих территорию Кыргызстана, где в середине 1-го тысячелетия до н. э. развивалась тенгрианская культура.

В книге русского историка-востоковеда XIX века В.В. Григорьева «О Скифском народе Саках» сказано, что «цивилизация кочевых арийцев, или саков, Средней Азии до Р.Х., из известий соседних народов эпохи античности позволяет локализовать саков на территориях Восточного Туркестана, вокруг озера Иссык-Куль, Алтайской степи, в предгорьях Памира. Автор видит в них древних арийцев и связывает с ними происхождение скифов, а также славян и германцев» [5]. Данная гипотеза ученого, на наш взгляд, кажется смелой. Однако подтверждающей идею колыбели цивилизаций в Центральной Азии. Духовной традицией саков, а за ними и скифов, он предполагал какую-то форму «до-исторического буддизма» [5]. Ученый пишет: «Мы не прочь от предположения, что учение, проповеданное Сиддхартхой в Раджагхире, т. е. буддизм, было не личным его изобретением, а учением, господствовавшим уже издавна между Саками, к которым принадлежал он по происхождению, учением, которое он только распространил в Индии» [5].

Многочисленные научные изыскания подтвердили гипотезу о том, что для культуры саков, древнейшего народа, кочующего в 1-м тысячелетии до н. э. по территории современного Кыргызстана (в том числе, по территории Центральной Азии), характерен «звериный стиль», следы которого обнаружены Ю.Н. Рерихом в богатом памятниками кочевой культуры азиатском регионе. Ю.Н. Рерих отмечает: «Находки нескольких «звериных» мотивов, хорошо известных из скифо-сибирских курганов, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии. Эти древние контакты многократно упоминаются в исторических хрониках Китая» [11]. Ю.Н. Рерих утверждает, что «в кушанскую эпоху буддизм прочно укрепился в Центральной Азии, к западу и к востоку от разделительной линии Памир – Тянь-Шань. Санскрит стал языком культуры в Центральной Азии и ускорил формирование и развитие местных литературных языков, на которые была переведена значительная часть буддийского канона» [11].

Упоминания о социально-философском и культурологическом взаимовлиянии тенгрианских, тибетских и индийских идей на территории Кыргызстана упоминаются в трудах основателя историко-философской науки Академика А.А. Алтымышбаева, где им представлена история развития общественно-политической и философской мысли в дореволюционной Киргизии [1]. Идеи взаимодействия культур представлены в трудах российского востоковеда-тюрколога С.Г. Кляшторного, в его трудах об Умай, древнетюркской тенгрианской богине плодородия и покровительницы новорожденных, олицетворяющей женское начало, сказано «в древнеуйгурских текстах X в. она названа *edgiiliig Uma-qatun* «благодетельная

Умай-царица» и включена в буддийско-тюркский пантеон» [7]. Умай у древних тюрков считалась покровительницей детей при их жизни и сопровождала их души в случае смерти.

Взаимосвязь тюрко-тенгрианской и махаянской культур на территории Кыргызстана демонстрирует анализ археологических источников, рассмотренный ниже.

Итак, важную роль в нашем исследовании играет археологический фактор. А.Н. Бернштам, ученый-первопроходец на территории Кыргызстана, в своем труде «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала» пишет, что «культура кочевников разбивается на две хронологические группы» [2], одна из которых называется «сакская» и относится к временам VII–VI вв. до н. э., вторая же называется «усуньская» и относится по времени к III до н. э. – I в. н. э. В этом же исследовании сказано, что «сакские памятники концентрировались в горных районах Иссык-Куля (Тюпский залив), Таласа» [2]. Древнеусуньские могильники (курганы) находятся на южном берегу Иссык-Куля близ города Балыкчы (Рыбачье), согласно К. Зяблина, датируются V–VII веками [6]. Богатые коллекции, собранные на строительстве БЧК, вносят полноценное представление об истории культуры Чуйской долины за период времени «не меньше, чем в 4000 лет» [2], в чем заключается большая научная историко-археологическая ценность этих трудов коллектива, трудившегося под руководством А.Н. Бернштама. Бернштам, основываясь на своих исследованиях, утверждает, что «буддийские памятники появляются в разные исторические периоды, примерно со II в. до н. э. появляются предметы китайской культуры: ткани, китайские зеркала» [2], эти артефакты свидетельствуют о торгово-экономических отношениях на территории Кыргызстана в контексте Великого Шелкового пути.

Позже, в V–VII веках появляются согдийские колонии [2]. Л.Р. Кызласов в своем Отчете об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг., «представляющем работы Чуйского отряда киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР» [9], дает краткий анализ генезиса построек зороастрийских (с IV в. до н. э.) и буддийских храмов (VII–VIII вв. н. э.). Согласно отчету Кызласова, «многочисленные материалы свидетельствуют, что город, развалины которого известны под название Ак-Бешим, основанный согдийскими «колонистами», был населен согдийцами, сирийцами, тюрками, даже китайцами, представители духовных традиций, таких как буддисты, христиане, зороастрийцы и шаманисты» [9]. Мы предполагаем, что под *шаманистами* предполагались тенгрианцы. Далее в отчете сказано, что «в этом городе развивались торговые и культурные связи как с районами Средней Азии, так и с Восточным Туркестаном» [9].

Отечественный исследователь В.Д. Горячева в своей книге «Город Золотого Верблюда» раскрывает тайны археологических находок: «На Краснореченском городище, – пишет Горячева, – были открыты в разные годы остатки архитектуры, живописи и скульптуры, связанные с буддийской идеологией и искусством,

буддизм проник на территорию Северной Киргизии вместе с переселенцами и миссионерами, двигающимися по трассе Великого Шелкового пути. Буддийское искусство достигло здесь наивысшего расцвета в VII–VIII вв.» [4].

Горячева взывает о необходимости развития не только археологии, но и буддологии для глубокого понимания истории народов Кыргызстана, чья судьба «в той или иной степени были связана с буддизмом». И утверждает, что «культура Древней Индии, сыгравшая огромную роль в истории мировой цивилизации, отразилась и на историко-культурном наследии Кыргызстана» [4].

Наиболее яркой археологической находкой на трассе БЧК является буддийский храм около древнего города Джуля (район селения Ключевое), на стенах этого храма сохранились «барельефные изображения лица», типаж которого «схожий с каноническими портретами Ваджрапани» [3]. Здесь же сохранились «фрагменты одежды и панцирных портупей буддийских рыцарей «шакья» эти находки датируются IX веком» [3]. На наш взгляд, эти находки свидетельствуют о второй или третьей волне распространения буддийских учений на территории Кыргызстана переселенцами из Восточного Туркестана.

Выводы

Таким образом, ниже представлены предварительные выводы, основанные на историко-логическом анализе, включающими воссоздание процессов взаимодействия тюркской культуры и философии Махаяны на территории Кыргызстана.

Во-первых, буддийское мировоззрение ранней Махаяны в качестве духовного учения не возникло, а возвратилось на территорию Кыргызстана примерно в II–I вв. до н. э. через путешественников и купцов, а дальше пенетрировалось в Китай в I веке нашей эры, в Корею – в IV веке и в Японию – в VI веке.

Во-вторых, в VII–X вв. Чуйская долина стала «значимым центром буддизма Средней Азии», буддийская философская мысль Махаяны находилась на высоком уровне и оказало влияние на социальную культуру народов, в том числе предков кыргызов, на территории современного Кыргызстана.

Заключение

Исходя из выводов важно отметить, что изучение синтеза тенгрианских и махаянских ценностных идей, исторически взаимосвязанных, актуален при рассмотрении общезначимых глобальных проблем, таких как: разновекторность в развитии общечеловеческой цивилизации, разрыв между экономикой и этикой, нравственное оздоровление общества, расширение границ философии и науки.

Также обоснованным и перспективным фактором является необходимость развития межкультурной философии для глубокого понимания социокультурных процессов на территории Кыргызстана из глубины веков. Мы считаем, что в настоящее время именно межкультурная философия находится на стадии перехода от манифестации к утверждению себя как направления [10].

Философия Махаяны занимает важное место в социокультурной жизни человечества, заметно преодолевая границы культурно-мировоззренческого и религиозного распространения. Межкультурный полилог, гуманизм, этика, всеобщая

ответственность – эти и другие принципы являются причинами популярности философии Махаяны в современной жизни общества.

Литература

1. *Алтымышбаев А.А.* Общественно-политическая и философская мысль в Киргизии. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. – Т. II. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – С. 818–824.
2. *Бернштам А.Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала. Рукописный Фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Инв. № 113. – Фрунзе, 1941. – 130 с.
3. *Бернштам А.Н.* Памятники карлукского периода. Рукописный Фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Инв. № 117. – Фрунзе, 1941. – 61 л.
4. *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда. – Фрунзе, Илим, 1988. – 116 с.
5. *Григорьев В.В.* О Скифском народе Саках. – СПб, 1871. – 202 с.
6. *Зяблин К.* Археологические работы на Иссык-Куле и Ак-Бешинском городище в 1955 г. Рукописный Фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Инв. № 1793. – Фрунзе, 1955.
7. *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. Тюркологический сборник 1977 г. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. – С. 117–138.
8. *Кольченко В.А.* Религии Центральной Азии. Т. III. Буддизм. – Самарканд: МИЦАИ, 2019.
9. *Кызласов Л.Р.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. Рукописный Фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Инв. № 1678. – Фрунзе, 1954. – 57 с.
10. *Лазаренко Э.С.* Методы философской компаративистики в изучении буддийского мировоззрения Махаяны // Вестник КРСУ. – 2022. – Т. 22. – № 6. – С. 52–56.
11. *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара, ИД «Агни», 19993. – 68 с.
12. *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. – М.: Восточная литература, 1998. – 216 с.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ
МЫСЛЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ**

**SOCIO-POLITICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE TURKIC PEOPLES IN THE MIDDLE AGES
IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE
OF ANTIQUE PHILOSOPHY**

**KOINΩNIKOΠOΛITIKH KAI ΦIΛOΣOΦIKH ΣKEYH
TΩN TOYPKIKΩN ΛAΩN ΣTON MEΣAIΩNA ΣTO ΠΛAIΣIO
THΣ EΠIPPOHΣ THΣ APXAIAC ΦIΛOΣOΦIAC**

Аннотация. В статье на примере Аль-Фараби, Ю. Баласагуни и М. Кашгари анализируется общественно-политическая и философская мысль тюркских народов эпохи Средневековья. Изучается влияние античной философии на взгляды тюркских ученых и обосновывается положение о преемственной связи античных, средневековых арабоязычных и тюркских мыслителей.

Ключевые слова: общественно-политическая и философская мысль тюркских народов; античная философия; преемственность; Аль-Фараби; Юсуф Баласагуни; Махмуд Кашгари; бытие; справедливость; общество; государство.

Abstract. The article analyzes the socio-political and philosophical thought of the Turkic peoples of the Middle Ages using the example of Al-Farabi, Y. Balasaguni and M. Kashgari. The influence of antique philosophy on the views of Turkic scientists is studied and the position of the continuity of antique, medieval Arabic-speaking and Turkic thinkers is substantiated.

Keywords: socio-political and philosophical thought of the Turkic peoples; antique philosophy; continuity; Al-Farabi; Yusuf Balasaguni; Mahmud Kashgari; being; justice; society; state.

Известно, что античная философия оказала огромное влияние на всю последующую мировую философскую мысль. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы», «...в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрения» [8, с. 369]. Особенно наглядно это влияние проявляется в средневековой арабо-мусульманской философии, которую наряду с арабами, персами и другими этносами представляли также и тюркоязычные народы. Одним из виднейших представителей средневековой арабо-мусульманской философии был Аль-Фараби. Он происходил из города Фараб (современный Отрар), который находится на территории современного южного Казахстана. Этническое происхождение Аль-Фараби оспаривается современными учеными. Одни считают его

персом, другие – тюрком. В частности, по мнению специалиста по философии средневекового Востока Али Бенмаклуфа Аль-Фараби относится к тюркам и является основателем специфической Багдадской школы логики в X в. «Согласно Али Бенмаклуфу, творчество Аль-Фараби гармонизирует древнегреческие философские источники с экзегезой Корана и арабской литературной традицией» [6, с. 72].

Безусловно, нам ближе вторая точка зрения, поэтому мы будем придерживаться идеи тюркского происхождения Аль-Фараби.

Аль-Фараби считают родоначальником восточного перипатетизма. Он прокомментировал многие труды Аристотеля, в частности «Герменевтику», «Топику», «Категории», «Аналитику» (1-ю и 2-ю), «Софистику», «Риторику», «Логику» и «Поэтику». Кроме трудов Аристотеля Аль-Фараби изучил и опирался на труды Платона, Порфирия, Плотина и других древнегреческих мыслителей. В своих многочисленных философских трактатах великий ученый продолжил и развил идеи античных мыслителей.

Важное место в его философских воззрениях занимает учение об обществе и государстве. Как и Платон, возникновение человеческого общества Аль-Фараби объясняет материальными причинами: «По природе своей каждый человек устроен так, что для собственного существования и достижения наивысшего совершенства он нуждается во многих вещах, которые он не может доставить себе один, и для достижения которых он нуждается в некоем сообществе людей, доставляющих ему каждый в отдельности какую-либо вещь из совокупности того, в чем он испытывает потребность» [2, с. 303]. Объясняя природу общества, он исходит из органической теории и сравнивает общество с живым организмом, и подобно органам человеческого тела, выполняющим определенные функции, каждый член общества и каждое сословие выполняют отведенную им роль. В своей социальной стратификации Аль-Фараби отталкивается от Платона, с той лишь разницей, что в ней выделяется не три слоя, как у Платона, а пять: достойнейшие, мастера слова, измерители, воины и добыватели богатства [1, с. 217]. Так же, как и Платон Аль-Фараби разделяет государства на совершенные и несовершенные. К совершенному государству относится добродетельный город, который восточный мыслитель характеризует как «город, в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья» [1, с. 307]. Несовершенные общества он классифицирует на невежественный, безнравственный, переменившийся и заблудший грады [там же, с. 322].

Итак, многие элементы политического и социального устройства идеального общества были заимствованы Аль-Фараби у Платона. Но совершенство добродетельного города состоит не столько в его социальной структуре и политической организации, а сколько в его нравственных устоях и идеалах. И характеризуя эту сторону бытия идеального государства, Второй учитель, опирается

уже на Аристотеля. Следуя Стагириту, восточный перипатетик отмечает, что главной целью добродетельного города является достижение блага и счастья его граждан. В нем «жители помогают друг другу в достижении самых превосходных вещей, с которыми связаны истинное бытие человека, его существование, пропитание и сохранение его жизни. Части города и разряды его частей объединены и связаны между собой любовью; они сплачиваются и сохраняются справедливостью и [вытекающими из] нее действиями» [1, с. 222]. Как видим, неотъемлемыми признаками добродетельного города являются справедливость, взаимопомощь, взаимовыручка, солидарность, согласие и сплоченность на пути к достижению высшего счастья. Орудием, с помощью которого можно достичь совершенного счастья, по Аль-Фараби, являются образование, просвещение и воспитание. Как пишет мыслитель в своих «Афоризмах государственного деятеля», «это такая цель, которая достигается добродетельными поступками, вроде усвоения знания при обучении и получении уроков и усвоения искусств при их изучении и старательном выполнении (соответствующих им) работ» [там же, с. 240.]

Еще одним немаловажным средством достижения счастья, по аль-Фараби, является следование законам. При этом важнейшим условием законотворческой деятельности правителей должна быть разумность. «Воспитание, – утверждает Аль-Фараби, – порождает разумность. У кого отсутствует воспитанность, тот находит приятными пороки, а обладающий воспитанностью находит приятными только блага. Закон – это путь к благам, и, следовательно, законодателю следует приложить усилие в укреплении воспитания» [там же, с. 165]. Ясно, что философ и здесь делает упор прежде всего на знание и воспитание. Другими словами, для Аль-Фараби так же, как и для Аристотеля, закон – это выражение этоса, совокупность общезначимых норм и ценностей.

Таким образом, Аль-Фараби был первым тюркским и в то же время арабоязычным мыслителем, воспринявшим и развившим идеи античной философии.

Рассматривая историю становления общественно-политической и философской мысли Кыргызстана, академик А.Ч. Какеев писал: «Другой важной особенностью развития философской мысли в средневековье во многих странах было связано с сохранением и распространением античной философии. Эта особенность проявляется также и в странах Центральной Азии» [3, с. 67]. И в качестве основного примера влияния античной философии на средневековую философскую традицию тюрков следует рассматривать взгляды Махмуда Кашгари и Юсуфа Баласагуни. Если в преемственной связи Аль-Фараби и античных философов нет никаких сомнений, и доказательством этому являются многочисленные комментарии Второго учителя трудов последних, то относительно влияния античных мыслителей на творчество Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари нет прямых доказательств. Но, во-первых, тот факт, что наши земляки знали и использовали в своих учениях арабский язык, на который были переведены многие труды античности, во-вторых, вопросы, поднимаемые в их трудах, ответы на них, характер и форма изложения, которые во многом сходны с древнегреческими, позволяют

предположить, что тюркские мыслители Средневековья имели доступ к античной философии и ощутили ее заметное влияние.

Так, казахстанские философы А.Х. Касымжанов и Д.М. Мажиденова вслед за немецким исследователем Отто Альбертсом выдвинули концепцию о наличии преемственной связи между взглядами Баласагуни, Ибн-Сины и Аристотеля [4, с. 33].

Полагаем, что главное произведение Жусупа Баласагына «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») является свидетельством верности их точки зрения. В этом не сомневаются российские ученые Р.Ш. Маликов и Л.М. Волкова и в своей монографии «Преемственность античного и тюркского средневекового гуманизма», отмечая диалогический характер философствования Сократа и Платона, добавляют: «Такой подход к освещению истины наблюдается в поэме «Кутадгу билик» («Благодатное знание») средневекового тюркского просветителя Ю. Баласагуни. Вся поэма его состоит из диалогов поэтических героев, которые наставляют, задают вопросы, уточняют ответы друг друга. Имеется полное основание, что Ю. Баласагуни заимствовал использование в учении метода беседы у античных философов как художественно-литературный прием, так как об этом свидетельствует и содержание поэмы...» [5, с. 55].

Поэма «Благодатное знание» – это прежде всего этико-философское, социально-политическое произведение, в котором в литературно-художественной форме большое внимание уделено этическим, эстетическим, антропологическим, гносеологическим, социально-политическим, онтологическим проблемам. В ней рассматриваются такие философские проблемы, как бытие и его устройство, познание и пути достижения истины, человек и его место в этом мире, проблема смысла жизни человека, его жизни, смерти и бессмертия, проблемы государства и управления им и многие другие.

В мировоззрении Юсуфа Хаджиба проявляется деистический взгляд на мир. Поэт исходит из того, что Бог является первопричиной мироздания. Он полагает, что Аллах «создал велением своим все земное». Мыслитель выступает как сторонник деизма, заимствованного у Аристотеля и распространившегося среди восточных перипатетиков. В условиях господства религиозного мировоззрения деизм часто был скрытой формой выражения материалистических, атеистических тенденций. Мыслитель, исходя из достижений естественных наук своего времени, выдвигал концепцию о том, что, возникнув по воле Аллаха, мир развивается по своим законам.

Материалистические тенденции Юсуфа ярко проявляются в космогоническом учении. Он выдвигает концепцию о том, что без света и тепла Солнца на земле не может быть жизни. Юсуф изучает планеты, исходя из внешних характерных особенностей. Они перечислены мыслителем в последовательности от более отдаленных к более близким. В это время были известны пять планет: Меркурий, Марс, Земля, Юпитер и Сатурн. Юсуф Хаджиб выступает как наивный материалист. По мнению мыслителя, окружающая действительность состоит из материальных тел,

которые являются основой мира и жизни на земле. К этим природным элементам он относит землю, воду, воздух и огонь.

Эти четыре природных элемента не только качественно отличаются друг от друга по своим свойствам, но и в то же время тесно связаны между собой. Наивный материализм Юсуфа тесно связан с его стихийно-диалектическими воззрениями. Он утверждал, что все явления природы развиваются и изменяются закономерно: старое отмирает, уступая свое место новому. В области гносеологии мыслитель выступал как рационалист, он подчеркивает роль разума в познании, решительно отвергал мнение о том, что человек якобы обладает знанием еще до рождения и доказывает, что только в процессе познания природных вещей люди вникают в их сущность. В этом он был антагонистом платоновским взглядам на процесс познания, который понимал познание как анамнезис, то есть припоминание душой того, что она созерцала в мире идей. Но взгляды Сократа, Платона и Баласагуни на цель познания идентичны – достижение добродетели, счастья и справедливости. Юсуф Баласагуни так же, как и античные философы, был уверен в возможности совершенствования общественной жизни и управления государством, опираясь на просвещение и науку. Общими для них являются и воззрения, согласно которым глава государства должен быть образцом для других, иметь не только глубокие знания, но и высокие нравственные качества. «С людьми обращайся спокойно, не грубо. Знай: грубость страшнее огня-душегуба! Будь мягким и добрым в величье спокойном, направь свою руку к свершеньям достойным!», – писал Баласагуни в своей поэме [8, с. 131]. Так же, как Аристотель и Аль-Фараби, Юсуф Хаджиб уверен, что главным орудием правителя должна быть не сила, а следование закону: «И чтобы крепить свою власть год за годом, закон, а не силу поставь над народом» [8, с. 132].

Проблема человека исследуется им во взаимосвязи с обществом, социальными нормами и ценностями. Особое место мыслитель уделяет таким общечеловеческим ценностям как добро, справедливость, воспитание человека и др. Эти положительные свойства человека анализируются в диалектической связи с такими понятиями как зло, несправедливость и др. Добро, справедливость восторжествует тогда, когда человек совершенствуется как личность, обладает высоким разумом, знанием. Поэт говорит, что благодаря знаниям человек становится знаменитым, добрым, возвышается над злом. Смысл жизни человека – усвоение опыта человечества и передача его последующим поколениям. В этом случае человек бессмертен, т.е. хотя отдельный человек не вечен, его деятельность, духовно-нравственные деяния, добрые дела бессмертны.

Как видим, космогонические, этические, социально-политические, гносеологические воззрения автора «Кутадгу билиг» во многом перекликаются с учениями восточных перипатетиков и античных мыслителей. Это свидетельствует о том, что через труды арабоязычных философов средневековья античная философия оказала заметное влияние и на творчество Юсуфа Баласагуни.

Еще одним известным представителем средневековой общественно-политической и философской мысли Кыргызстана является Махмуд Кашгари. Его произведение «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских языков») является крупным вкладом в развитие общемировой культуры. Оно, наряду с «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни, составляет одно из выдающихся произведений в духовном наследии всех тюркских народов. Кашгари общепризнанно считается первым исследователем языка, культуры, этнографии, фольклора и истории тюркских народов, а также автором первого в истории тюркской лексикографии словаря. В своем исследовании он применил научный подход, который в европейской науке утвердился только в XVIII веке благодаря британскому ученому Уильяму Джонсу. Речь идет об историко-сравнительном лингвистическом анализе.

Мыслитель записывал легенды, обычаи, пословицы племен, путешествуя и изучая бескрайние просторы Центральной Азии. В связи с этим М. Кашгари, труды которого сложно переоценить, писал «Будучи самым красноречивым из них (тюрков), яснее [других] излагая [мысли], превосходя их всех тонкостью ума и знатностью рода, искуснее [многих] владея дротиком, я обошел их города и степи и изучил наречия (luuä) и стихи тюрков, туркменов-огузов, чигилей, ягма, кыркызов, так что для меня стал превосходно известным язык каждого племени» [6, с. 56].

Сочинение М. Кашгари не является простым словарем, который предназначен только для изучения арабами тюркских языков. В своей книге ученый поставил более широкую задачу, а именно: автор стремился познакомить арабов с историей и образом жизни древнейших народов Центральной Азии – тюркоязычных народов; опираясь на богатый языковой материал, показать политику, экономику, духовную культуру тюркских народов, в частности их достижения в области развития научного знания и техники, искусства и литературы, их народное философско-этическое и эстетическое миропонимание, традиции, обычаи, обряды, религиозные верования и др.

Мировоззрение мыслителя носит религиозный характер. Он излагает свои концепции под влиянием догматов ислама. Автор «Диван лугат ат-турк» считает, что Бог создал всё существующее в мире, в том числе и людей. Поэтому человек должен покоряться ему беспрекословно. Но тем не менее религиозность Кашгари не мешает ему выдвигать прогрессивные по тем временам космогонические концепции. В частности, он сформулировал идею о шарообразности Земли. Безусловно, здесь прослеживается непосредственное влияние восточных перипатетиков, в частности Бируни, а через них и античной философии.

В центре социально-этической мысли М. Кашгари находится человек, его предназначение и место в мире, его потребности, интересы и мысли, его прошлое, настоящее и будущее. Ученый рассматривает человека как самую высокую ценность, тем самым, проявляясь, как крупный гуманист своего времени. Он выдвигает идеи о мире, справедливости, сотрудничестве и человечности между ними. Мыслитель особо подчеркивает роль образования и научных знаний

в повседневной жизни людей и их нравственных отношениях, призывает своих современников любить труд, любить родину, быть справедливым, честным, правдивым, в то же время осуждает жадность, зависть, тунеядство, хвастливость и другие качества, принижающие достоинство. С восторгом рассказывает Махмуд Кашгари о любви и дружбе. Любовь, в его понимании, раскрывает внутренний мир человека, заставляет быть деятельным. Причем через понятие любви он описывает не только отношение к людям, но и ко всем живым существам.

Таким образом, обращаясь к воззрениям средневековых тюркских мыслителей, мы видим, что их труды представляют собой своеобразный синтез античного, арабо-мусульманского и тюркского мировоззрения. Они являются показателем не только преемственности, но и плодотворного диалога исламской, античной и тюркской культур. В них проповедуются идеалы нравственности, просвещения, разума и гуманизма, являющиеся общечеловеческими ценностями, перед которыми преклоняются народы как Запада, так и Востока.

Литература

1. *Аль-Фараби. Афоризмы государственного деятеля* // Аль-Фараби. Социально-этические трактаты / пер. с араб. – Алма-Ата, 1973. – С. 169–274.
2. Аль-Фараби. Трактат о жителях добродетельного города // Аль-Фараби. Философские трактаты / пер. с арабского. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 193–378.
3. *Какеев А. Ч.* История философской науки в Кыргызстане. – Бишкек, 2012.
4. *Касымжанов А. Х., Мажиденова Д. М.* Очарование знания: [О просветителе, поэте и мыслителе Сред. Азии XI в. Юсуфе Баласагуни]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 154 с.
5. *Маликов Р. Ш., Волкова Л. М.* Преемственность античного и тюркского средневекового гуманизма / под ред. Р. Ш. Маликова. – Казань: Изд-во «Отечество», 2015. – 158 с.
6. *Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов):* в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина; прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова; Ин-т востоковедения РАН: Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 1. – 461 с.
7. *Тураарбекова Л. В.* Современные фарабиеведы Франции // «Эл-Фараби философиясы әлемдік мәдениет аясында» Әбу Насыр әл-Фарабидің 1150 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 81 б.
8. *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 560 с.
9. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. – С. 343–626.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КАЗАХСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

BORROWINGS IN KAZAKH LINGUISTIC TERMINOLOGY

ΛΑΝΕΙΣΜΟΙ ΣΤΗΝ ΚΑΖΑΚΙΚΗ ΓΛΩΣΣΙΚΗ ΟΡΟΛΟΓΙΑ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования и развития казахской терминологии, в том числе лингвистической терминологии. Показана роль ученых, внесших в клад в исследование терминологических систем. Отмечены особенности заимствований в казахской лингвистической терминологии.

Ключевые слова: термин; составной термин; терминологические словосочетания; заимствование.

Abstract. The article discusses the features of the formation and development of Kazakh terminology, including linguistic terminology. The role of scientists who contributed to the study of terminological systems is shown. The features of borrowings in the Kazakh linguistic terminology are noted.

Keywords: term; compound term; terminological phrases; borrowing.

Интенсивное развитие науки и техники обуславливает необходимость в наименованиях новых понятий и реалий. Источником формирования терминологии является конкретный национальный язык. Язык науки берет из него только то, что отвечает практическим потребностям специальной среды общения и требованиям к терминологической лексике. Терминологическая лексика отличается от общелитературной тем, что термин с наибольшей точностью передает содержание научного понятия, несет больше информации, чем обычное слово. Структура термина, способы терминообразования, системные отношения между терминами составляют предмет терминологии как раздела языкознания. В статье данный термин чаще используется в его первом значении: «терминология – совокупность терминов данной области знания, производства, деятельности» [Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., с. 357].

На изучение казахской терминологии, более того, на ее формирование как специального пласта лексики, немалое влияние оказала русская терминологическая наука вместе с терминосистемами русского языка. Так, принципиальное значение имеют труды А.А. Реформатского, Д.С. Лотте, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, Е.Н. Толикиной, В.М. Лейчика, В.Н. Прохоровой, Г.О. Винокура, О.С. Ахмановой, Б.Н. Головина, Р.Ю. Кобрина, О.Д. Митрофановой, А.И. Моисеева и др., которые всесторонне исследовали термины русского языка с понятийной, дефиниционной, номинативной, функциональной, словообразовательной сторон.

Значительный вклад в изучение казахской терминологии внесли известные ученые А. Байтурсынов, Х. Жубанов, А. Кайдаров, Р. Сыздыкова, У. Айтбаев, К.М. Мусаев, Т. Джанузаков, А. Абдрахманов, Р.А. Урекенова. Проблемы терминологии казахского языкознания специально рассматривались в работах У. Айтбаева, Ж.М. Молдажарова, С.Ж. Баяндиной и др.

Наиболее древними по происхождению считаются наименования, связанные с укладом жизни казахов: это термины родства, ботанические, географические, скотоводческие и т. д. С появлением письменности начинает формироваться терминология гуманитарных наук, просветительская, юридическая терминология.

Контакты соседствующих народов оказывают влияние на развитие лексической системы языков и, в частности на формирование терминологических систем. Однако воздействие некоторых языков не объясняется географическим положением.

В XI–XV веках арабские и персидские слова сначала проникают в узбекский и татарский языки, а затем – в казахский. Большинство из них являются терминами религиозными, научными, общественно-политическими, а также имеют отношение к различным видам хозяйства, кустарному производству, прикладному искусству [Айтбаев У.]. Эти термины подверглись языковому воздействию и в настоящее время составляют основы соответствующих терминологических систем, однако их доля в казахской терминологии невелика. Давние связи русского и казахского языка обусловили переход лексических единиц на одного языка в другой. Если в первоначальный период заимствование происходило в устной форме, подвергалось значительному фонетическому освоению, и о времени этих заимствований можно говорить предположительно, то во второй половине XIX века русские слова и словосочетания употребляются в произведениях казахских просветителей, научных трудах исследователей быта и языка казахского народа. В этот период отмечаются «различные способы пополнения терминологической лексики: терминологизация общенародной лексики, создание описательных терминов, состоящих из двух и более слов, использование русских и интернациональных слов, калькирование русских терминов и т. д.» [Мусаев М.]. Значительную роль в становлении казахской терминологии сыграли казахские просветители. Применение Ч. Валихановым в своих произведениях казахских терминов вызвано стремлением показать самобытность народа, сообщить определенную информацию, а также невозможность замены их русскими и иноязычными терминами. В написанном Н. Алтынсариным «Начальном руководстве к обучению киргизов русскому языку» мы обнаруживаем термины русского и казахского языков. Абай Кунанбаев использовал в своих произведениях заимствованные русские термины.

Известный казахский просветитель, лингвист Ахмет Байтурсынов внес значительный вклад в формирование терминов казахской лингвистики, одним из первых разработал проблемы преподавания казахского языка.

Бурный рост терминов и терминологических сочетаний свойствен всем отраслям жизни казахов в послереволюционный период. К этому времени относится

становление искусства, литературы, науки и техники, народного образования Казахстана, и это также сказывается на образовании их терминологических систем. Большой вклад в развитие терминологии внес Х.К. Жубанов. Он разработал теоретические вопросы образования терминов, принимал участие в их создании. Формирование казахской терминологии осуществлялось в основном двумя способами: морфологическим и синтаксическими. Многие термины и терминологические словосочетания образовались с помощью калькирования. Современная казахская терминология характеризуется наличием терминологических систем разных отраслей науки и техники.

Хотя в лингвистической литературе существует множество определений термина, следующее представляется нам наиболее точно и полно передающим суть этого понятия: Термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [Ахманова, 474].

Заимствование – элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой.

Заимствования в языке-реципиенте выполняют различные функции: номинативная, коммуникативная, когнитивная.

Войдя в другой язык, заимствование, став новой языковой единицей, подвергается или не подвергается различным фонетическим, семантическим, графическим, грамматическим изменениям.

В процессе функционирования в другом языке заимствования в начале проникновения воспринимаются как неологизмы, затем могут закрепиться в языке как единицы языка-реципиента.

В пределах системы языка заимствования выполняют те же функции, что и другие единицы языка. Но функционируя в определенной сфере деятельности человека заимствования могут приобретать и другие функции.

При анализе лексической закреплённости составных терминов было установлено, что в их структуре имеются как слова национального языка, так и слова арабо-иранского происхождения, являющиеся в свою очередь однословными терминами: әріп, есім, қате, нүкте, рай, түлға, мағына, ықпал и т. д.

Греко-латинские слова и элементы заимствованы казахской лингвистической терминологией из русского языка: алфавит, аффикс, грамматика, диалект, лексика, морфология, омоним, синтаксис, термин, фонетика, фраза, синонимдық ұя, идеографиялық жазу, грамматикалық мағына, альвеол дыбысы и т. д.

Семантический анализ составных терминов осуществлялся в результате использования метода компонентного анализа и семантической типологии сочетаемости лексем, разработанной М.М. Копыленко и З.Д. Поповой. В результате проведенного анализа выявилось, что для казахской лингвистической терминологии характерны модели составных терминов Д1 Д1; Д2 Д1; Д1 Д2; Д2 Д2.

Общепотребительные слова используются в качестве терминоэлементов составных терминов в результате семантического переосмысления, происходит метафоризация, метонимизация, расширение и сужение значения слова. В наборе сем (компонентов значения), находится сема, которая способна соответствовать объему научного понятия, и в результате актуализации этой семы происходит получение словом терминологического значения.

Литература

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.
2. Айтбайұлы Ө. Основы казахской терминологии / Ө. Айтбайұлы. – Алматы: Абзал-Ай, 2014. – 384 с.
3. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 230 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

М.С. Юнусова

Казахстан, Алматы

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА КАШГАРИ

FUNCTIONING OF PROVERBS AND SAYINGS IN «DIVAN LUGATI AT TURK» BY MAHMUD KASHKARIY

ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑ ΠΑΡΟΙΜΙΩΝ ΚΑΙ ΡΗΜΑΤΩΝ ΣΤΟ «DIVAN LUGATI AT-TURK» ΤΟΥ ΜΑΗΜΟΥΔ ΚΑΣΗΚΑΡΙ

Аннотация. Знаменитый труд «Диван Лугат ат-Турк» великого тюркского ученого Махмуда Кашгари, написанный в 1072–1074 годах, является ценным первоисточником для изучения материальной и духовной культуры тюркских народов. В данной статье были исследованы паремии в труде М. Кашгари с точки зрения его педагогического значения.

Ключевые слова: Махмуд Кашгари; «Диван Лугат ат-Турк»; пословицы и поговорки; педагогическая культурология; источник.

Abstract. The work Divan ü L ügat-it-Türk by great Turkish scientist Mahmud Kashgari was written in 1072–1074 years. In this article were mainly investigated of proverbs and saying in tht work of M. Kashgari in terms of its pedagogical value.

“Keywords: Mahmud Kashgari; Divan ü L ügat-it-Türk; sourc; pedagogical value.

Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение. В пословицах и поговорках выражается свойственный народу склад ума, способ суждения и воспитания, особенность воззрения; в них проявляются быт и обиход, дух и характер, нравы и обычаи, верования и суеверия. Вот что сказал И.М. Снегирёв: «Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов со всеми её проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер» [8].

Понятия «менталитет» и «пословицы» неразрывно связаны. Обратимся к понятию «национальный менталитет». Под национальным менталитетом обычно понимают «образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления», а также «исторически сложившуюся, устойчивую специфическую форму проявления и функционирования общественного сознания в жизнедеятельности определенной национальной общности людей» [9, с. 156].

Из исследований, рассматривающих менталитет, следует отметить работу В.В. Колесова «Язык и ментальность» (2004): согласно его трактовке менталитет является целостной картиной мира, которая существует длительное время, независимо от политических и экономических условий, на основе этнических предрасположений и исторических традиций. Также он пишет, что «менталитет проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [7, с. 11].

Овладение природой происхождения пословиц и поговорок вызывает любопытство и интерес, затем увлечение культурой, влекущее за собой не только усвоение культурологических знаний, но и развитие способности и готовности понимать не только язык, но и ментальность носителей языка, так как «пословицы редко бывают спокойными. Они, как люди, их создавшие, гnevаются, печалются, смеются, плачут, веселятся, охают, стонут, кричат, пугают, предостерегают, учат, негодуют – словом, в них столько же чувств, сколько их в народе – творце пословиц» [1, с. 6].

Наряду с фольклористским, литературоведческим, собственно лингвистическим подходами к исследованию пословиц и поговорок в XX в. возник еще один, педагогическая культурология. «Часть – целое» предложен крупнейшим представителем современной педагогической культурологии В.Л. Бениным. В противовес к традиционному подходу, согласно которому, с его точки зрения, «культура и образование рассматриваются как автономные социальные системы», он выстраивает свою систему их отношений в рамках культурологического подхода, признающего педагогику частью культуры. В этом качестве она, «с одной стороны, служит воспроизводству и развитию культуры, с другой стороны, выступает базой сохранения или изменения традиционных культурных ценностей» [4, с. 31–32].

С.И. Гессен уже в XX столетии провозглашает: образование – это культура индивида. Из чего следует утверждение: «Сколько культурных ценностей, столько и видов образования» [6, с. 35]. Примеры, свидетельствующие о фактах отождествления педагогики и культуры, приводятся в книге известного языковеда Р.А. Будагова «История слов в истории общества» [5], который констатирует, что долгое время культура воспринималась как приобретение знаний (культура знаний), совершенствование письменности (культура языка), выработка правил поведения (культура поведения).

Наличие органической связи между педагогикой и культурой однозначно признается этнической психологией. Так, М. Мид убеждена, что «...именно культура является главным фактором, который учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе» [11, с. 48–59].

Генетическое и сущностное родство культуры, педагогики и человека отчетливо прослеживается в высказывании Гегеля о том, что в педагогическом прогрессе, как в сжатом очерке, мы узнаем историю образованности всего мира. А что такое «образованность всего мира» как не культура?! [Гегель, с. 31–32].

Поиск наших национальных педагогических идей уводит нас к воспитательной системе древних тюркских народов. Главная идея народной педагогики, истоки которой восходят к временам древних тюрков и продолжают развиваться на протяжении всей нашей истории.

«Попытка установить, каким нациям принадлежит отцовство того или иного изречения, – пишет А. Артабер [Артабер], – дело столь же бесполезное, напрасное, как и попытка выяснить его автора.

Махмуд аль-Кашгарий является выдающийся личностью XI века. Его уникальное произведение «Диван Лугат ат Турк» является интереснейших наблюдений над грамматикой и лексикой тюркских наречий и бесценным источником сведений об общетюркской культуре, истории, географии, мифологии, фольклоре и т. д.

Кашкарий, создавая словарь (3 тома, 8 глав, каждая из которых состоит из 2 частей – имя и глагол; содержит по мнению А.А Кононова множество фонетических, морфологических, синтаксических наблюдений, преподносимых, как правило, в сравнительном плане), ставит перед собою цель ознакомить арабский мир с поистине богатой языковой палитрой тюркоязычных народов. Итоги же превзошли ожидания: словарь в первую очередь имеет значение для самих тюркоязычных народов как основа для языковой их консолидации. Для современных языковедов-тюркологов «Диван Лугат ат Турк» – благодатный материал, дающий возможность определить начальные этапы развития отдельно каждого языка в историческом плане. Язык, как говорилось неоднократно, один из основных, едва ли не главный транслятор культуры. Отсюда – значение труда Кашкарий для истории культуры. В нем нашли свое выражение миропонимание тюркоязычных народов, впитавших и флюиды доисламских и исламской идеологии и вместе с тем вбравших (пока не столь уверенно) в себя частицы светской культуры,

понимание и использование которых возможно лишь с помощью знаний, науки. «Диван Лугат ат Турк» и есть образец подлинной науки. Большую ценность представляет классификация Кашкарий тюркских языков с разделением их на восточную (язык чигилей, огузов, хаканский (уйгурский) и западный (язык еймаков, кыпчаков, печенегов, болгаров и др.), на – “чистые” и “нечистые” (неправильные), из которых носителями первых являются сельские жители, вторых – городские.

В наследии выдающегося учёного, уйгурского лексикографа, грамматиста и диалектолога Махмуд Кашкарий (Махмуд ибн аль-Хасан ибн аль Мухаммад аль-Кашкарий) 700 страничной работе «Диван Лугат ат Турк» – «Словарь тюркских наречий» в качестве примеров художественного словоупотребления в нем содержится богатейшая россыпь отрывков из известных в те времена стихотворных текстов, пословиц, поговорок.

Поговорки и пословицы, отмеченные автором «Диван Лугат ат Турк» – один из самых активных и широко распространенных памятников устного народного поэтического творчества. Поговорки и пословицы отражают ментальные характеристики тюркских народов и способы социального взаимодействия людей.

Работа явилась результатом многолетних странствий автора по областям, населённым тюркскими племенами. «Хотя я происхожу из тюрков, которые говорят на самом чистом языке, которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место, – пишет Махмуд Кашкарий в своём Словаре, – я пядь за пядью исходил все селения, степи тюрков. Я полностью запечатлел в уме своём и живую и рифмованную речь тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов. И вот эту книгу после столь долгого изучения и поисков я написал самым изящным образом, самым ясным языком» [10, с. 3].

Материалом для исследования послужили около 300 примеров паремий, которых отмечал сам автор «Диван Лугат ат Турк» Махмуд Кашкарий. В диване использованы паремии многих народов. В произведении мы получили отражение педагогические идеи и опыт народа, обогащенные авторским талантом. По мнению А.И. Нарынбаева, в «лугате» отражены «общечеловеческие моральные нормы ценности и идеалы, выработанные трудящимися в течение истории... К таким гуманистическим принципам относятся идеи добра, милосердия, справедливости, равенства, братства, уважения и любви к человеку... В центре социально-этической мысли автора «Словаря» находится человек, его предназначение и место в мире, его потребности, интересы и мысли, его прошлое, настоящее и будущее... Осуждая жестокость в морально-этических взаимоотношениях между людьми, Кашгарий призывает их быть гуманными друг к другу... Кашгарий считал, что смысл жизни человека – в труде, добрых делах и высоконравственных поступках...» [Нарынбаев].

В нашем исследовании мы определили поговорки и пословицы, отмеченные Махмудом Кашгарий «Диван Лугат ат Турк» как культурный педагогический феномен, обуславливающий что использование в содержании воспитательного процесса благотворно воздействует на формирование самосознания,

духовно-нравственного состояния, интеллектуального и общего развития личности подрастающего поколения.

Мы дифференцировали пословицы и поговорки по их воспитательным ценностям: труд, Родина, общество, нравственность, нормы поведения, жизненные ориентиры и др. В них нашли отражение наставления, поучения, пожелания, своеобразные рекомендации подрастающему поколению, как вести себя в том или ином случае. Главная идея народной педагогики, истоки которой восходят к временам древних тюрков – и продолжают развиваться на протяжении всей нашей истории, – стремление к знаниям, к учению.

Результаты исследования показали, что народ осознавал важность использования методов воспитания, нацеленных на выработку этики поведения, способности трудиться. В связи с этим в воспитательном процессе существовало органическое взаимопроникновение и взаимодействие методов эстетического, нравственного и трудового воспитания.

Уйгурский народ всегда отличался невероятным трудолюбием, поэтому в национальном запасе имеется множество примеров пословиц, посвященных труду и презрению к лени. Н-р, в Диване говорится 700 «армаку – «лентяй». *Армакука булут йук булур // Для лентяя и (тень от) тучи – тяжесть.*

Наоборот, трудолюбие, готовность выполнять любую работу в народе считались одним из ценных качеств, которые необходимо воспитывать у детей. При этом нужно формировать у детей понимание того, что всякая профессия хороша, главное быть самым лучшим специалистом. В этом проявлялась постоянная забота о привитии молодежи трудовых умений и навыков.

Вместе со взрослыми в труде принимали участие подростки и юноши. Они старались быть похожими на своих отцов и братьев, подражая им в трудолюбии и в мужестве. Например, за десятки верст вели воду под землей от источников (Карызы).

Народ придавал большое значение приучению молодежи к трудовой взаимопомощи Ашар и солидарности, к объединению трудовых интересов и усилий в выполнении трудовых задач:

Тысячелетнее достижения человеческого духа сохраняют свою непреходящую ценность, причем сокровища любого из народов обогащают из народного общечеловеческую духовную сокровищницу.

Наиболее распространенная форма пословиц – наставления. С педагогической точки зрения интересны наставления трех категорий: поучения, наставляющие детей и молодежь в добрых нравах, в том числе правила хорошего тона: 931 [уб-] – [“целовать”]. – убар, убмак. Пословица: *ташиг исрумаса убмиш карак // Тот, кто не может укунить камень, должен его поцеловать.* Так говорят, советуя кому-либо проявлять обходительность ради достижения цели.

Наставления, содержащие педагогические советы, констатирующие результаты воспитания, что является своеобразной формой обобщения педагогического опыта: 995 [ужур-] – [«тушить, остужать»; каузатив от «испускать дух»].

Пословица: *утуг азгуж бирла ужирмас // Огонь не потушить горячей головней*. Так говорят, имея в виду, что одну смуту нельзя уладить при помощи другой, ей же подобной, – это можно сделать лишь миром. 939 – [«класть, раскладывать»; «ударять»]. Пословица: *кумуш кунка урса алт ун эзакин калйр // Если серебряные монеты разложить под солнцем, золото придет к ним пешком*. Так говорят, советуя кому-либо потратить дирхем на то, что ему нужно. *эул кулин урдй // он ударил своего раба (или др.)*.

С помощью нравственных поговорок прививаются такие качества, как ответственность, совесть, любовь, а также умения культурно общаться и не совершать проступков, которые приводят к негативным последствиям. Однако важно не только обсуждать выражения, но и обсуждать их. Это поможет развить умение читать между строк и мыслить вместо того, чтобы ограничиваться поверхностным смыслом услышанного или прочитанного.

Все это свидетельствует о том, что народ свои педагогические рекомендации сложил и выразил, руководствуясь потребностями жизни, реагируя на разнообразные проявления условий материальной жизни общества. Н-р, Пословица: *ажиглиг ар ... карймас // Изнеженный, живущий в роскоши человек долго не стареет*.

В.П. Аникин дал такое определение пословице: «Это краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт» [1]. Из этого определения можно заключить, что пословица выполняет дидактическую функцию в той или иной конкретной ситуации, применительно к которой она употребляется. Многие пословицы имеют специфический языковой стиль, который отражает стремление научить, дать совет. Такие пословицы обнаруживают наставительно-дидактический смысл. Из них можно составить целую дидактическую систему, которая содержит в основе своей общечеловеческие ценности.

Таким образом, положительные и отрицательные черты личности по пословицам представляются как цели воспитания и перевоспитания, предполагающие всемерное улучшение поведения и характера людей. При этом примечательно, что все народы признают беспредельность человеческих совершенств. Многие пословицы и поговорки М. Кашкарий «Диван Лугат ат Турк» являются мотивированными и аргументированными призывами к самосовершенствованию является ценным этнокультурным источником при исследовании материальной и духовной культуры тюркских народов.

Литература

1. Аникин В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. Медиа, 2004. – 539 с. – С. 6.
2. Акимов О.Б., Вережагина И.П. Образование и наука. – 2008. – № 1 (58). – С. 31–32.

3. *Arthaber A.* Dizionario comparato di Proverbi emodi proverbiali in sette lingue / A. Arthaber. – Milano: Ulrico Hoepli, Editore, 1995.
4. *Бенин В.Л.* Педагогическая культурология. Курс лекций: учеб. пособие. – Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ин-та, 2004. – 515 с. – С. 31–32.
5. *Будагов Р.А.* История слов в истории общества. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
6. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – С. 35.
7. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с. – С. 11.
8. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. – М.: в Унив. тип., 1848. – С. 140.
9. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – С. 156.
10. *Махмуд ал-Кашигари.* Диван Лугатат ат-Турк / пер. и предисл. З.-А.М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. – Алматы «Дайк-Пресс», 2005.
11. *Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 48–59.
12. *Нарынбаев А.И.* Из общественной древней и средневековой истории уйгуров. – Бишкек, 1994.

М.И. Лазариди, Дж.А. Кутманалиева
Кыргызстан, Бишкек

«ТАВРО КАССАНДРЫ»: ФУНКЦИЯ ЗАГОЛОВКА В РОМАНЕ Ч. АЙТМАТОВА

«CASSANDRA'S BRAND»: THE FUNCTION OF THE TITLE IN CH. AITMATOV'S NOVEL

«ΤΟ ΜΑΡΚΑ ΤΗΣ ΚΑΣΣΑΝΔΡΑΣ»: Η ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑ ΤΟΥ ΤΙΤΛΟΥ ΣΤΟ ΜΥΘΙΣΤΟΡΗΜΑ ΤΟΥ Χ. ΑΪΤΜΑΤΟΦ

Аннотация. Роман Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» посвящен вечной проблеме борьбы добра и зла, размышлениям писателя о судьбах человечества.

Ключевые слова: тавро; эмбрион; Кассандра; Азия; античность.

Abstract. Ch. Aitmatov's novel «Cassandra's Brand» is dedicated to the eternal problem of the struggle between good and evil, the writer's thoughts about the fate of humanity.

Keywords: brand; embryo; Kassandra; Asia; antiquity.

Размышления о творчестве писателя, о силе мысли и красоте слога, о гуманизме литературных произведений великого писателя начнем с панегирика слову,

которому служил всю свою многострадальную и достойную подражания жизнь Ч. Айтматов: «Творить можно словом. Да, да. На то и дано нам свыше слово. Все, что происходит в нас и с нами, вершится через слово. Я больше скажу, слово – потенциал вечности, заключенный в нас. Мы умираем, но слово остается. И потому оно – Бог» [1, с. 45].

Действительно, как свидетельствуют священные книги, «вначале было Слово» – *Стин архи ен о логос* (древнегр. яз.). И слово творит все. Роман, посвященный трагическому восприятию, вечному единству и антагонизму «жизни» и «смерти», назван «Тавро Кассандры». Проведенное исследование доказывает, что заголовок создает особую атмосферу, специфический эмоциональный фон, который проецирует ожидание от произведения. Кассандра – дочь троянского царя Приама, сестра великих героев Гектора и Александра-Париса, похитившего Елену Прекрасную, что послужило поводом 10-летней войны между ахейцами и троянцами. Чингиз Айтматов приводит несколько строк, посвященных Кассандре как предвестнице несчастий, в начале романа в качестве одного из эпитафий: «Когда Кассандра отвергла любовь Аполлона, он наказал ее тем, что никто не верил ее вещим предсказаниям...» (1, с. 9). Комплекс Кассандры – ситуация, при которой достоверное предчувствие или убеждение обесценивается или упускается из виду, и человек, который знает о будущих событиях, не может их предотвратить или убедить других, что его предсказания реальны. «Подумать только – «Тавро Кассандры», предсказательницы бед и несчастий» [1, с. 93] – с тревогой за судьбы мира восклицает писатель. В данных высказываниях два ключевых слова: вещие предсказания прекрасной дочери царя Приама и неверие общества, которое преследовало Кассандру: ведь она не могла предотвратить беду.

Думается, что в определенный момент человек испытывает муки Кассандры, ибо его мудрые слова-предостережения остаются без внимания и применения. Насколько же это было ясно такому большому человеку и писателю, если в ответ на его горестные размышления появляется целый роман. Сострадание к людям проходит красной строкой во всех произведениях гениального автора.

Чингиз Айтматов – мастер гениальных названий или гениальный мастер названий. Писатель смело и талантливо использует в своих трудах образы мировой литературы, придавая им новое звучание, обогащая мировую культуру.

«Тавро Кассандры» – встреча Древней Азии и античности.

Почему избрано первое слово – «тавро»? Не клеймо, а именно так переводится это слово, заимствованное в XVIII веке из монгольского языка, по мнению академика Н.М. Шанского [6, с. 435], не метка, которую использует в тексте романа сам автор.

Рассмотрим слово с другой точки зрения. «Тавр» в переводе с греческого означает «вол, бык» [6, с. 455]. Это особое животное, которое кормило людей Древнего мира, было символом и божеством древнейших цивилизаций, таких как крито-микенская, египетская, древнегреческая. В тавра превратился Зевс, похитивший прекрасную Европу. Первая буква алфавита – это тоже символ тавра, его

перевернутое ярмо. У Чингиза Айтматова было удивительное чутье к древним сказаниям. Это неудивительно, так как писатель воспитывался на осмыслении героических деяний легендарного Манаса, его воинов – *чоро*, на великих идеалах патриотизма. Как древнегреческий *рапсод* (сшиватель песен), он сплетал мифологию современности. Древние предания – это тот естественный и единственный материал, на основе которого можно создать великие произведения.

В 2006 году, на фестивале эпосов народов мира, Ч. Айтматов выступил с докладом «Слово и небо» и посвятил его гениальному сказителю – манасчи-Саякбаю Каралаеву. Писатель, прекрасно владеющий русским языком, виртуозно подбирал слова, импровизировал, создавал новое прекрасное произведение на глазах у слушателей, которые испытывали непередаваемое наслаждение.

Ч. Айтматов рассказал о том, как привез почтенного манасчи в село рядом с Токмаком (где-то в ста километрах от Бишкека). Все, слышавшие о приезде Саякбая Каралаева, собрались послушать отрывки из Манаса, а также импровизации, которые рождались непосредственно перед ними. Сидели повсюду: кто на деревьях, кто на отдыхающем верблюде, кто прямо на земле. Сам Чингиз Айтматов сидел у двери сельской конторы. Как только заговорил сказитель, при первых же звуках его голоса, грянул гром и полил сильный дождь. Спасаясь от ливня, Айтматов кинулся в контору. Каково же было удивление писателя, когда он увидел, что никто из слушателей – так называемых простых людей – не шелохнулся. Никто не тронулся с места. В знак сожаления, как бы прося прощения, Ч. Айтматов взял за повод коня, на котором сидел манасчи и, под проливным дождем, вел коня по кругу, чтоб всем было видно и слышно сказителя.

Этот прекрасный рассказ, поведенный делегатам фестиваля с огромным чувством раскаяния и преклонения перед гением манасчи, уже сам стал легендой. Поистине – слово и небо!

И все же писателю так хотелось, чтобы его тревожные предчувствия были услышаны людьми! Загадочный знак Кассандры – «это маленькое пятнышко на лбу будущей матери. Этот знак появляется, когда эмбрион не хочет появляться на свет. Уже в утробе матери он ожидает «приближения конца света. Это убивает в нем естественную тягу к жизни» [1, с. 24].

Жизнь и смерть – одинаково важны для человека, составляя единство, объединяя начало и конец существования. Затрагивая глобальную проблему жизни, трагедию Кассандро-эмбрионов, не желающих появляться и жить в этом страшном мире, писатель устами Филофея (от древнегреч. Φιλόθεος – боголюбивый), говорит о том, что «люди должны знать правду о себе» [1, с. 31], видеть свое истинное лицо, знать ужас содеянного, чтобы искоренять в себе зло.

Каждый человек ежедневно становится участником борьбы – с самим собой, с другими людьми или целым обществом. Он вынужден отстаивать свои принципы и убеждения, совершать нравственный выбор, не отвергать знаков, предупреждающих о катастрофах, надвигающихся на мир. В противном случае человеческое общество ожидают большие беды.

Произведения Чингиза Айтматова посвящены философской проблеме добра и зла – вечной теме, утверждению, что мир един, всё в нём взаимосвязано – человек и природа, прошлое, настоящее и будущее.

Литература

1. *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры. Белое облака Чингисхана. – М., 1999. – С. 7–211.
2. Мифологический словарь. – М., 1991. – 736 с.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1968. – 608 с.
4. Словарь иностранных слов. – М., 1987. – 608 с.
5. *Тегопулос Фитракис.* Словарь греческого языка. – Афины, 1993. – 985 с.
6. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971. – 572 с.

Н. Андрианова
Кыргызстан, Бишкек

«ЗОЛОТОЙ ВЕК». ФРИЗ ОЛЬГИ МАНУЙЛОВОЙ НА ЗДАНИИ ПРОКУРАТУРЫ ВО ФРУНЗЕ. 1940 г.

«GOLDEN AGE». FRIEZ OF OLGA MANUILOVA AT THE BUILDING OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN FRUNZE .1940

Η «ΧΡΥΣΗ ΕΠΟΧΗ». ΖΩΦΟΡΟΣ ΤΗΣ OLGA MANUILOVA ΣΤΟ ΚΤΙΡΙΟ ΤΟΥ ΕΙΣΑΓΓΕΛΕΑ ΣΤΟ FRUNZE. 1940.

Жили те люди как боги ... горя не зная, не зная трудов.

И печальная старость к ним приближаться не смела...

Большой урожай и обильный сами давали собой хлебодарные земли...

Гесиод "Труды и дни", VIII-VII в. до н. э.

... и с каждым кварталом всё ближе становится Век золотой.

Куплеты из к-ф «Улицы разбитых фонарей», 1998 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Ольга Максимилиановна МАНУЙЛОВА (1893, Нижний Новгород – 1984, Фрунзе), художница, скульптор, преподавательница. С 1939 года жила и работала в советской Киргизии. Автор ряда скульптур и барельефов на фрунзенских

зданиях (Театр оперы и балета, Прокуратура, Киргизпотребсоюз и др.), памятников И. Панфилову, Ж. Боконбаеву, М. Куренкееву и др.

Народная художница Киргизской ССР (1959 год).

Похоронена на Северном кладбище г. Фрунзе (Бишкек).

Фриз “Советская конституция” для Дома Прокуратуры во Фрунзе по бульвару Дзержинского [1] Ольга Мануйлова начала делать по просьбе архитектора Василия Верюжского, отвечавшего за эту постройку. Барельефы для фриза были созданы при участии двух молодых скульпторов Степана Карпетченко и Георгия Арапова в 1940 году. Само здание было достроено в 1941 году во время Великой Отечественной войны. Площадь фриза 84 квадратных метра.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Древние греки помещали свой Золотой век в далёкое прошлое – “...это не вчера... это скорее позавчера” (Л. Рубинштейн) [2]. Первоначально Советский Золотой век располагался как бы на расстоянии вытянутой руки, его наступление ожидалось в скором времени, почти что “завтра”. Владимир Маяковский в 1917 году представлял, что “капиталистическому строю в Европе [осталось] ну два года, три года” [3]. Победа мирового коммунизма представлялась абсолютно реальной для многих людей в СССР. Судя по всему, Ольга Мануйлова искренне разделяла эти убеждения. “...этот же самый миф и эта же самая утопия сумели подстегнуть к вполне реальным и искренним творческим порывам множество молодых и немолодых людей, соблазненных и одержимых пусть и не совсем внятной, но от этого еще более интригующей идеей «нового мира» и убежденных в том, что и форма, и содержание этого грядущего мира будут во многом зависеть от их усилий, от их персонального и коллективного энтузиазма” (Л. Рубинштейн) [3].

Фото из сети. Съёмка около 2010 года.

Однако к концу 1930-х годов ситуация поменялась, счастливое будущее переместилось в более отдаленные времена, в условное “послезавтра”. “Будущее, превратившееся в вечность... туда бессмысленно и смотреть – взгляд культуры постепенно оборачивается назад, как бы развернувшись на 180°. Настоящий

момент оказывается уже не начальной точкой истории, а скорее её финалом” (В. Паперный) [4].

Барельефы Мануйловой на фрунзенской Прокуратуре стилистически и композиционно не являются сверхуникальными – это некоторым образом продолжение одной из пластических линий московской ВСХВ-ВДНХ, выросшей из традиции русского классицизма XIX века, уходящего, в свою очередь, корнями в античность. Благородная сдержанность фриза на Прокуратуре имеет родовое сходство с работами российских скульпторов начала XIX века – Фёдора Толстого и Ивана Мартоса. Вероятно, в тогдашней Киргизии Мануйлова была самой первой проводницей этих художественных идей. Она не была революционером и новатором в искусстве, она была из тех, кто доводит направление до канонического завершения. Стоит упомянуть, что Ольга Мануйлова работала над скульптурным декором павильона Узбекской ССР в 1937–1939 гг. [5] и благодаря именно этому успешному опыту была приглашена правительством Киргизской ССР во Фрунзе.

“Век” Мануйловой разворачивается в двух символических плоскостях – рельефах слева и справа от герба с флагами – условные “Сельское хозяйство” и “Промышленность”. Если рассмотреть их через метафору “Золотого века”, то можно заметить, что как и во времена Гесиода – это пространство/время, лишённое старости, болезней и голода. Смерти нет вовсе. Есть только один артикулированно немолодой (но не старый!) персонаж – бородатый мужчина с беркутом. Все остальные – люди в цветущем возрасте, мужчины поджары и мускулисты, женщины стройны и легконоги. И, конечно, дети как универсальный символ продолжения в будущем. С гесиодовским прочтением Золотого века работа Мануйловой расходится в сущности только в одном – на Прокуратуре нет изобилия.

Продовольствие: плоды земли, молоко, телята, домашняя птица – представлено очень сдержанно, их количество незапредельно. В отличие от гесиодовского Золотого века, где Земля сама дарует людям еду, фриз на Дзержинке показывает, что еда/изобилие/процветание не падают с неба, а являются результатом труда. Труд здесь предъявлен не как изнурительная борьба за кусок хлеба, а как спокойная, целеустремленная и благородная деятельность. Интересно, что в своей более поздней работе (1952–1953 гг.) для Театра оперы и балета во Фрунзе Мануйлова изображает большее количество фруктов, колосьев и винограда, чем на Прокуратуре. Золотой век на фасадах Оперного театра стал пышнее, богаче, изобильнее, и главное, он сместился ещё в более неопределённое будущее. Вероятно, тяжелейшая война и голод конца 1940-х требовали символической компенсации, превышающей пафосом довоенную.

И дополнительно про символику: углы фасада Прокуратуры украшают наверхия-акротерии в виде наковальни, серпа и снопа пшеницы. Наковальня как символ рабочего класса, серп – крестьянства (советская власть позиционировала себя именно как рабоче-крестьянскую). Несколько избыточны в этом символическом ряду колосья – возможно, им отводилась роль обозначать именно изобилие,

символически восполняя постоянную нехватку хлеба в СССР, как до Великой Отечественной войны, так и после неё.

Советская изобразительная мифология кроме общепринятого набора образов (доярки, дети, тракторы, молоты...) имела свои местные особенности. И дело не только в фенотипе героев, в декоре и одеждах... Мануйлова добавила к этому понимание некоторого внутреннего устройства местной жизни, самого её бытования. На фризе Прокуратуры вылеплены не героические древние греки с приделанными азиатскими головами, а совершенно местные типажи мужчин и женщин, абсолютно аутентичные и этим прекрасные. Мануйловское восприятие Азии лишено любования и умиления экзотикой, оно органично и естественно, поскольку корнями уходит в её ташкентско-самаркандскую юность и последующие жизнь и работу во Фрунзе.

ЦАРСТВО ДЕМЕТРЫ

Левую часть диптиха на Прокуратуре с её сельскими трудами можно при желании интерпретировать как царство богини Деметры. Барельеф “открывает” человек с ружьём (возможно, охотник), конюх, сборщик винограда, беркутчи, военный... конь, коза, телёнок... а между ними много прекрасных женщин, стоящих на контрапосте [6] или сидящих в античных позах. Они подобны богиням, складки их платьев напоминают хитоны, а молочные бидоны и телёнок за их спинами может отослать одновременно и к Зевсу в образе быка и к увеличению надоев. Прославление труда – именно это, прежде всего, ожидалось от соцреализма в изобразительном искусстве, но на мануйловском фризе – это скорее показ естественности сельского труда, его органичности и гармонии с окружающим миром, хотя бы в рамках придуманного Золотого века. Искусствовед Гамал Боконбаев написал про одну из работ Мануйловой: *«Мастер легко нашел форму, где нет надрыва и агитации... в её работе отразилось стремление создать универсальный образ, сходный с идеалами античности. ...Удачный баланс между злободневностью темы и вневременными понятиями»* [7]. Хорошо и точно сказано!

ЦАРСТВО ГЕФЕСТА

Если левая часть диптиха – это царство Деметры, богини земли и плодородия, то правая – территория бога-кузнеца Гефеста, покровителя ремёсел. Промышленный характер этой части диптиха прописывается шахтерской вагонеткой (вероятно, добыча угля в Сулюкте), тачкой, касками, клещами и отбойными молотками. Шахтёр с вагонеткой отчасти повторяется в движении и позе человека с тачкой – возможно, тачечник – это отсылка к уже запланированному грандиозному строительству БЧК (Большой Чуйский канал). Есть соблазн интерпретировать женщину с автомобильной покрывшей как работницу на заводе, как символ участия женщин тогдашней Киргизии в промышленном развитии ... будь она

в комбинезоне... однако её развевающееся платье (слишком женственное, слишком развевающиеся) мешает такому предположению.

Глобус, кроме обычного обозначения образования и науки, прописывает нашу республику в мировом пространстве, делает вовлеченным в глобальную историю. Рядом с ним женская фигура со свитками – символическая “Учительница” или же “Студентка”, ведь промышленность невозможна без образования.

ЦАРСТВО АРЕСА

Золотой век на фризе протекает мирно, но... «если завтра война, если завтра в поход...» – военизированные персонажи «открывают» и «закрывают» обе части диптиха. И даже пионеры с горнами дудят, наверное, какой-то военный сигнал. Идущая несколько в разрез с соседними признаками индустриализации группа из жокея и пары лошадей наводит на мысль о Чолпон-Атинском конезаводе Леонида Раппопорта и его знаменитых скакунах. Однако не стоит забывать, что конезаводы были как бы частью военной промышленности, они поставляли лошадей для кавалерийских полков в составе Красной армии. Что, кстати, нашло отражение в более поздней картине Виктора Тюриня «Буденный на конезаводе» 1952 года (собрание КНМПИ, Бишкек).

Склоненное знамя намекает на жертвы. Замечу, барельеф был выполнен в 1940-м году, до Великой Отечественной войны (советско-финская война была кратковременной и где-то на периферии общественного внимания). Готовность тогдашней культуры понести жертвы и готовность их оплакать – озадачивает. *“Как бы скептически ни оценивали историки готовность [советского] государства в 1941 г. к войне... – культура была готова к ней как раз вовремя”* В. Паперный [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2024 году, когда прошло более 130 лет со дня рождения Ольги Мануйловой, вероятно, стоит вспомнить, что она одна из немногих “фигур общего согласия” в искусстве Кыргызстана, значение которой признают очень разные люди, что бывает в художественном мире не слишком часто.

Мануйлова – художник счастливой судьбы: она не умерла в тифозном вагоне в 1919 году по дороге в Ташкент, её минули кровавые тридцатые годы и “сороковые-роковые” ... Но к этому везению она добавила волю и огромную работоспособность. Она в прямом смысле сама себя вылепила и состоялась вопреки обстоятельствам. Мануйлова – не была единственной женщиной-скульптором в мире, но стала первой женщиной этого ремесла в наших краях. Расхожее высказывание, что Первым всегда тяжело, содержит ещё второй план, что Первым можно сделать гораздо больше, чем тем, кто придёт потом. Отсутствие правил на изобразительно почти пустом, незанятом месте, давало большие возможности, заставляло создавать всё сходу, с колёс – формировать новые технологии, практики и новые

правила. Кроме прочего, как мне кажется, мы обязаны Мануйловой появлением “Античности” Советской Киргизии. Она её придумала и воплотила. Золотой век на фризе Прокуратуры одно из самых ранних этому подтверждений.

Скульпторов-нонконформистов, наверное, не бывает. Они должны “играть на похоронах и танцах” – в случае с творчеством Мануйловой это буквально: от памятников ушедшим в мир иной (Боконбаев, Панфилов, Токтогул) до изображений театральных балерин. Скульпторы не могут позволить себе быть абсолютными идеалистами, они должны любить и холить материальность, вещественность мира, это часть их ремесла. Мануйловой удалось сохранить профессиональную честность и при этом нисколько не впадать в простодушие. В её работах предьявлено большое непоказное уважение к людям, к их труду – такое имитировать можно, но трудно. Её творчество было честной попыткой создания нового, не существовавшего здесь ранее пластического языка, а не «запихивания» местного культурного материала в чуждые ему формы.

Уважение к работам Мануйловой в профессиональной среде бесспорно. Но общая линия искусства скульптуры в Кыргызстане, как мне представляется, пошла не её, а совсем другим путём.

Литература

1. Ныне Конституционный суд Кыргызской Республики. – Бишкек, бульвар Эркиндик, 39.
2. *Рубинштейн Л.* Будущее в прошедшем времени // Вестник Европы. – 2020. 25 мая.
3. “Устный Шкловский” публикация Э. Казанджана // Вопросы литературы. – 2004, № 4. URL:<https://voplit.ru/article/ustnyj-shklovskij-vstupitelnaya-zametka-i-publikatsiya-e-kazandzhana/>
4. *Паперный В.* Культура 2. Новое литературное обозрение. – М., 2006 – С. 45.
5. *Мануйлова О.* Страницы воспоминаний. – Фрунзе, 1980. – С. 66–69.
6. Контрапост – приём изображения фигуры в искусстве, при котором положение одной части тела контрастно противопоставлено положению другой части.
7. *Боконбаев Г.* Изобразительное искусство в Кыргызстане XX–XXI вв. – Бишкек: АУБ, 2007. – С. 239.
8. *Паперный В.* Культура 2. Новое литературное обозрение. – М., 2006. – С. 64.

ХРОНИКА

В музее Бишкекского финансово-экономического техникума 12 апреля, в день Космонавтики, открылась Выставка «Пакт Рериха. История и современность».

Торжественное открытие Выставки началось с музыкального народного произведения на комузе. Первым приветствовал собравшихся директор БФЭТ Г.Д. Жапаров. В своем выступлении он поддержал миротворческие идеи Пакта Рериха – первого Международного договора по сохранению мирового культурного наследия. «Идеи Н.К. Рериха напомнят нашей молодежи о незыблемых духовно-нравственных ориентирах. Мы часто бежим за мнимыми ценностями, а пришло время, когда надо остановиться и прислушаться к идеям Рериха, посмотреть его картины, вникнуть в его философию, так как жизнь его глубокая, насыщенная, неповторимо утонченная. Художник, ученый, путешественник, миротворец. Верю, что нашим молодым ребятам будет интересно познакомиться с творчеством Николая Рериха, они должны знать, что кроме профессиональной деятельности есть духовная сторона, без обращения человека к ее истокам дальнейшая эволюция человечества невозможна. Расширяя пространство духовности и Культуры, мы сможем сохранить жизнь будущих поколений».

Директор поблагодарил сотрудников Тянь-Шаньского общества Рерихов от имени коллектива за предоставленную возможность познакомиться с Выставкой. Экскурсии по Выставке проходили вдохновенно и радостно, студенты внимательно слушали рассказы о жизни и творчестве семьи Рерихов, задавали вопросы и писали отзывы:

«Не ожидал такого! Слушая рассказ о миротворческой деятельности Николая Константиновича Рериха, у меня пробудилась вера в то, что в мире все еще есть добро, мир и единство! Очень понравилось Знамя Мира! Имеет глубокий смысл! (Абдазов Д.С.)».

«Излучайте добро, где бы вы не находились! Впервые увидела Знамя Мира и поняла, что в нем заключен глубокий смысл: прошлое, настоящее, будущее в кругу Вечности; Добро, Любовь, Мир и Единство – все в одном самом лучшем мировом символе, в Знамени Мира! Очень интересная экскурсия!»

«Мы были приятно удивлены, познакомившись с творчеством выдающегося Человека Николая Константиновича Рериха: создание Международного Договора о сохранении памятников Культуры и Знамени Мира, путешествия по странам Центральной Азии, написание горных вершин. Ваша выставка пробудила в нас большой интерес больше узнать о творчестве Н.К. Рериха».

«Экскурсия по Выставке была очень интересная. Я впервые узнал о Знамени Мира и его значении. Хочу, чтобы Знамя Мира распространилось по всему Миру! Мне очень понравилась «Детская сказка» Н.К. Рериха».

«С большим удовольствием посетил выставку Николая Константиновича Рериха. Восхищаюсь упорством, талантом, трудолюбием этого человека, его супруги и их сыновей. Желаю Вашей выставке процветания и добра. Мир и сохранение исторических и культурных ценностей так необходимы в наше непростое время. Николай, 23.03.2024».

«Мы с семьей приехали из Алматы (Казахстан). Мы находимся под непередаваемым впечатлением от Выставки!!! Семья Акопян. 23.03.2024».

Выставку «Пакт Рериха. История и современность» посетили путешественники из США: «Очень интересная Выставка. До сих пор я только восхищалась его искусством, а теперь я узнала его как Миротворца. Благодарю за организацию Выставки, Ирэн, Тата, США. Затем Ирэн показала нам с мобильного телефона снимки Музея Рерихов в Нью-Йорке. Музей, по их рассказу, небольшой, но очень красивый. Здание трехэтажное, показали нам экспозиции залов. Мы были счастливы встрече и вместе просмотрели произведения Николая Рериха: «Сожжение тьмы», «София-Премудрость», «Песнь утра» и другие. Портреты Николая Константиновича и Елены Ивановны кисти Святослава Рериха.

Выставка имела успех, в залах было много молодежи, они подолгу стояли у картин и внимательно всматривались в их содержание.

Председатель Тянь-Шаньского общества Рерихов *Н. Садыкова*.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На обложке. *Помпео Батони*. Аллегория кротости (Лукка, 1708 – Рим, 1787).

Аполлон. Роспись дна килика из захоронения в Дельфах. Дельфы. Греция.

Раздел 1. *Рафаэль*. Афинская школа.

Раздел 2. Московский Государственный Объединенный Музей-Заповедник «Коломенское».

Раздел 3. Саймалы-Таш (в переводе с кыргызского – рисованный камень) – галерея петроглифов.

Ответственный редактор

Милана Исааковна Лазариди,
д-р филол. наук, профессор,
директор Центра греческого языка и культуры «ЭЛЛАС»

**САКРАЛЬНЫЕ ДЕЛЬФЫ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
ГРЕКО-СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**SACRED DELPHI IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE:
GREEK-SLAVIC-TURKIC INTERACTIONS**

**ΟΙ ΙΕΡΟΙ ΔΕΛΦΟΙ ΣΤΟ ΠΛΑΙΣΙΟ ΤΟΥ ΠΑΓΚΟΣΜΙΟΥ ΠΟΛΙΤΙΣΜΟΥ:
ΕΛΛΗΝΟΣΛΑΒΙΚΕΣ-ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΑΛΛΗΛΕΠΙΔΡΑΣΕΙΣ**

Материалы III Международного симпозиума

г. Бишкек, КРСУ, 28 марта 2024 г.

Редактор *Н.В. Шумкина*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой*

Подписано в печать 25.09.2025.
Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Объём 23,0 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 32.

Издательский дом КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 24к